This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

georg Toehlberg B64035

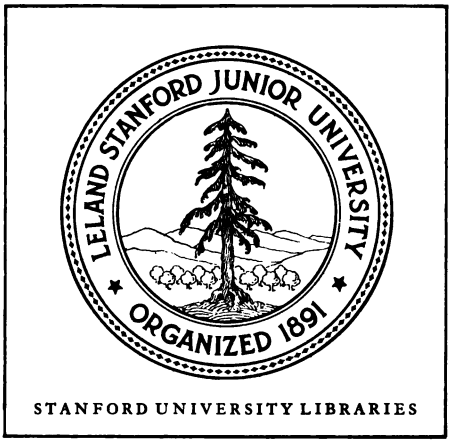
~~1525~~

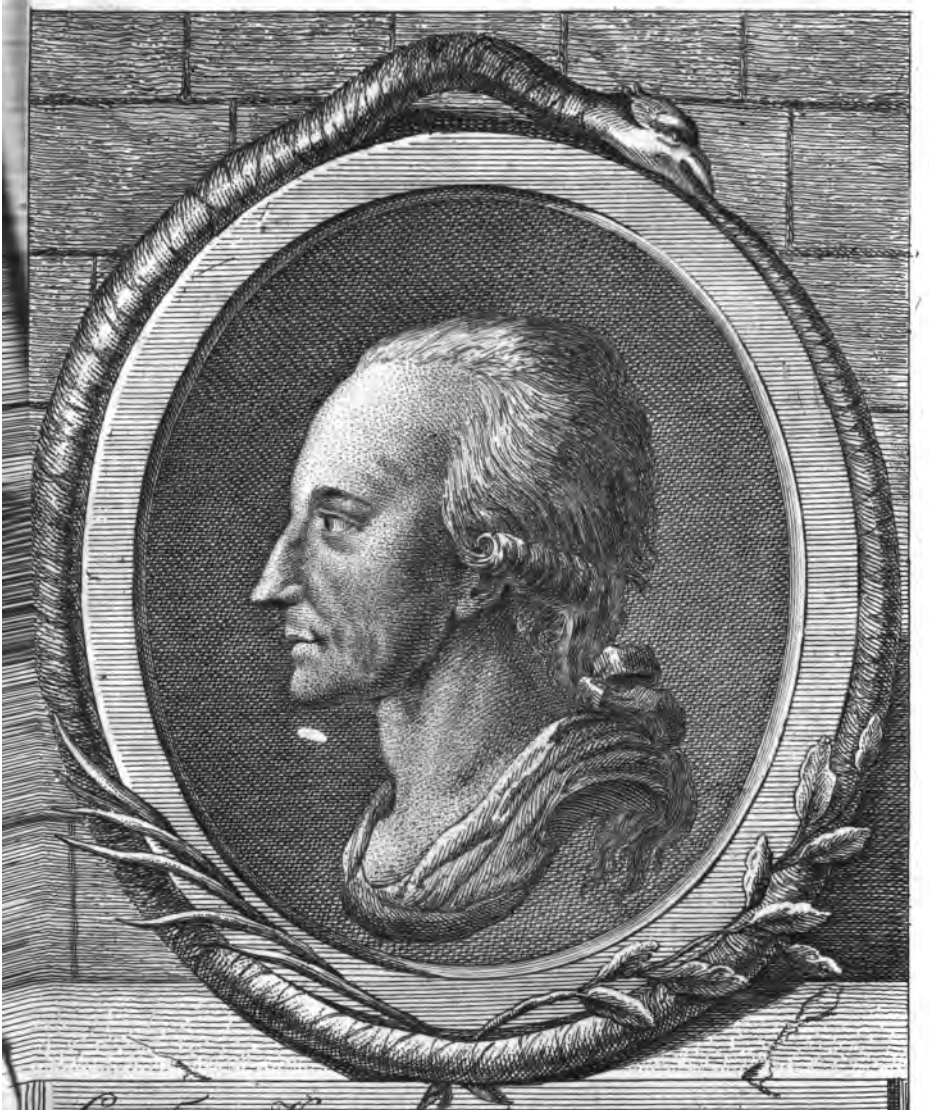
~~9.4~~

129.

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES





Се образъ Княжнина! кого за лирный гласъ,
И сами Грации украсили короной!
Напрасно мыслимъ мы что въ Греціи Парнассъ;
Онъ здѣсь воздвигъ его Россланомъ и Дидоной.

Рис. Ѳ. Рокотова.

Увялъ Парнаса Россовъ кринъ,
Подъ камнемъ симъ сокрыть Княжнинъ
Творенія его Россія не забудетъ.
Онъ былъ! и нѣтъ его! онъ есть! и вѣчно будетъ

СОЧИНЕНІЯ

ЯКОВА КНЯЖНИНА.

ТОМЪ I.

Изданіе третіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
ВЪ Типографіи Ивана Глазунова.
1817 года.

PG 3315
K5
1817
V. 1

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октября 10 дня 1816 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ
Г. Яценковъ.

КРАТКОЕ
НАЧЕРТАНІЕ ЖИЗНИ
ЯКОВА БОРИСОВИЧА КНЯЖНИНА.

Знаменитый сей писатель родился воПсковѣ 1742 года Октября 3 числа. — Когда быстротекущее время увлекло за собою младенческія его лѣта, тогда онъ приступилъ къ первоначальнымъ наукамъ подъ присмотромъ родителя своего, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Бориса Ивановича Княжнина*, который до 15 лѣтъ имѣвъ его подъ своимъ кровомъ, обращалъ вниманіе свое на нравственность души его, какъ на самый первый предметъ, основывающій въ себѣ истинное, неизчезаемое блаженство. — Потомъ былъ онъ привезенъ въ Петербургъ и порученъ Профессору *Молерахи*, находившемуся тогда при Академіи Наукъ. Въ училищѣ семъ пріобрѣлъ онъ глубокія знанія, и въ теченіе 7 лѣтъ усовершенствовался въ Математикѣ, Исторіи, Географіи, обогатилъ разумъ свой Философіею, улучшилъ сердце свое познаніемъ истинны и освѣтилъ себя лучами величайшаго просвѣщенія. — Иностраннымъ языкамъ училъ его содержатель благороднаго пенсіона Г. *Лови;* и Княжнинъ въ скоромъ времени могъ уже чувствовать красоты Итальянскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ авторовъ. Сей любимецъ Музъ ощущалъ превосходную поэзію Метастазія, нѣжную Расина, важную Галлера. Онъ ощущалъ... и Геній съ веселою улыбкою вселялъ въ него сладкую надежду слѣдовать путемъ великихъ Поэтовъ. Находясь еще въ училищѣ, написалъ онъ Оду къ Икарну. Первое сіе произведеніе столь же было юно, какъ и лѣта его; но при всемъ томъ иныя строфы въ этойже самой одѣ начертаны были перомъ необыкновеннымъ. Сверьхъ сего въ продолженіе своего ученія, писалъ онъ маленькія піэски, гдѣ часто мелькала искра тѣхъ величайшихъ дарованій, которыя послѣ одушевили Парнассъ Россійскій.

Такимъ образомъ окончивъ науки, и собравъ драгоцѣнные съ нихъ плоды, сердце нѣжнаго писателя хотя

и одушевлялось у источниковъ Гиппокрены, хотя склонности влекли его въ бесѣду Музъ, хотя Аполлонъ привѣтствовалъ его кроткою своею улыбкою: но гласъ обязанности къ своему отечеству умѣрялъ скорость шаговъ его къ горѣ Парнасской и удерживалъ Генія, влекущаго его съ быстротою ко славѣ. Онъ вступилъ въ Иностранную Коллегію Юнкеромъ, вскорѣ произведенъ былъ въ Переводчики, а потомъ перешелъ въ Канцелляріо о строеніи домовъ и садовъ.

Юность жизни нашей испытуется многими превратностями. Человѣкъ среди весеннихъ лѣтъ своихъ часто будучи управляемъ одними случаями, носится по бурному Океану сего міра, и послѣ достигнувъ до зимнихъ лѣтъ своей жизни, пристаетъ уже къ тихимъ и надежнымъ берегамъ. Поэтъ нашъ не успѣлъ еще посвятить себя Ѳемидѣ, какъ опять вызванъ былъ Графомъ и Фельд-маршаломъ Кириломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ къ чуждой для него должности. Онъ вступилъ въ военную службу и переименованъ былъ Капитаномъ, съ назначеніемъ Адъютанта при дежурныхъ Генералахъ. — Въ то самое время написалъ онъ Дидону; она въ первый разъ была представлена въ Москвѣ, а потомъ на Придворномъ театрѣ въ присутствіи Самой ЕКАТЕРИНЫ; одобреніе Монархини, какъ драгоцѣнной вѣнокъ, украсило молодаго Автора.

Первый шагъ былъ сдѣланъ, успѣхъ помогъ разорвать трудную преграду и открылся путь ко храму славы. Княжнинъ не откладывалъ путешествія своего по такой непроходимой дорогѣ; однакожъ чувствовалъ, сколь мудрено, сколь трудно достичь тѣхъ мѣстъ, гдѣ великіе мужи украшены безсмертными лаврами. Истинный разумъ тѣмъ и познается, когда онъ зритъ свои недостатки, и знаетъ, какъ мудрено быть совершеннымъ. Про Княжнина можно смѣло сказать, что онъ былъ одаренъ такою скромностію, которая унижала его и предъ самыми малыми талантами. Вотъ примѣръ изъявляющій его скромность. По окончаніи Дидоны, нѣкто сказалъ ему: вы нашъ Расинъ. Ради Бога тише говорите, отвѣчалъ творецъ сей трагедіи: кто нибудь услышитъ ваши слова и впредь вамъ ни въ чемъ вѣрить не будетъ.

Испытавъ себя на поприщѣ Мельпомены, на коемъ отличился онъ съ великою похвалою, нѣкоторыя обязанности со стороны устроенства собственныхъ дѣлъ его, отвлекли сего писателя изъ Петербурга въ Москву. Онъ пріѣхавъ туда, представленъ былъ *Александру Петровичу Сумарокову*, и отецъ Россійской Литературы

принялъ творца Дидоны со всѣми знаками величайшаго почтенія къ его дарованіямъ. Дидона поднесена была ему на сужденіе, онъ держалъ его въ своемъ кабинетѣ нѣсколько времени; но сдѣлалъ ли на нее свои замѣчанія, или нѣтъ, того неизвѣстно, лишь знаемъ то, что посредствомъ частаго свиданія сердца двухъ поэтовъ ощутили согласіе взаимнаго дружества. Сумароковъ хотѣлъ съ нимъ соединиться узами родства; онъ имѣлъ двухъ дочерей, и старшая обратила на себя вниманіе новаго писателя. Свадьба его совершилась въ Петербургѣ; двадцати семи лѣтъ узналъ онъ блаженство супружескаго состоянія.

Послѣ женидьбы своей, въ продолженіе трехъ лѣтъ написалъ онъ трагедію Владиміра и Ярополка; оперы, Нещастіе отъ кареты и Скупова (*). Первая опера представлена была въ первый разъ въ эрмитажѣ въ присутствіи ЕКАТЕРИНЫ I и всей Царской Фамилии; а другая на публичномъ театрѣ, съ помощію искусной игры Г. Крушицкаго, пріобрѣла величайшія успѣхи.

Наконецъ писатель нашъ оставилъ службу. Самыя непріятнѣйшія обстоятельства разтерзали его чувствительную душу, и принудили уклониться онъ поисковъ чиновъ и почестей. Любимецъ Музъ подъ тихимъ кровомъ своего уединенія проводилъ безмятежные дни съ милою подругою и съ двумя дѣтьми, которыхъ онъ старался образовать души собственными примѣрами своей жизни. Остальные часы своего времени запирался онъ въ своемъ кабинетѣ, и туда-то стекались къ нему Боги со всего Парнасса. Тамъ-то онъ посвящалъ имъ жертвы, принимаемыя отъ нихъ, какъ усердную дань, изображающую величайшія его дарованія; оттуда-то вышли въ свѣтъ многія его творенія, которыя усладивъ сердца читателей, дали новую душу Россійской Литтературѣ.

Вольтерова Генріада была переведена имъ въ уединеніи. Но жаль однакоже, что переводъ сей въ бѣлыхъ стихахъ; онъ отъ сего много цѣны потерялъ. Графъ Коменжъ, самый чувствительный Романъ переведенъ Княжнинымъ же. Перо его также обогатило Россійскую Литтературу нѣкоторыми трагедіями Корнелія, Кребиліона. Но трагики сіи не поражаютъ съ такимъ искуствомъ сердца Россіянъ, какъ своихъ соотечественниковъ

(*) Музыка въ обѣихъ операхъ Г. Пашкевича, придворнаго Капельмейстера бальнаго оркестра и пѣческой школы. Смерть прервала теченіе дней его.

отъ того, что стихи безъ рифмъ помрачили и труды переводчика, и красоты стихотворцевъ. Въ Академическомъ Журналѣ подъ названіемъ Санктпетербургскаго Вѣстника помѣщены иныя его строфы изъ Идиллій нѣжнаго писателя Геснера.

Такимъ образомъ восемь лѣтъ скрывался онъ отъ лица большаго свѣта. Посвятивъ себя уединенію, онъ уже не полагалъ вступить въ пространный кругъ сего міра, но неожидаемо опять вызванъ былъ изъ мирнаго уголка.

Высочайшій разумъ распространяетъ сіяніе свое изъ самыхъ отдаленныхъ и мрачныхъ мѣстъ. Какое жилище, какія даже огромныя горы скроютъ блескъ его отъ глазъ проницательныхъ людей. Многіе переводы и нѣкоторыя сочиненія сдѣлали имя Княжнина извѣстнымъ между его соотечественниками; оно также коснулось до слуха Россійскаго Патріота Ивана Ивановича Бецкаго. — Онъ, узнавъ подробно о дарованіяхъ нашего стихотворца, желалъ съ нимъ увидѣться. Долго ли проникнуть глубомысленному вельможѣ въ тайные изгибы сердца человѣческаго? Онъ увидѣлъ того великаго Генія, который озарилъ Княжнина, и болѣе не колебался избрать его въ Секретари свои. Предложеніе было сдѣлано; Княжнинъ принялъ его съ великимъ удовольствіемъ. Скоро онъ пріобрѣлъ благосклонность своего начальника, а душевными своими достоинствами его довѣренность. Ни одна бумага не выходила уже изъ рукъ Бецкаго, чтобы онъ не обработалъ ее съ нимъ вмѣстѣ. — Сей великій мужъ при каждомъ случаѣ одобрялъ свой выборъ, и съ новыми дѣлами всегда находилъ новые опыты, открывающіе приверженность въ себѣ своего подчиненнаго. Вскорѣ обязанности уваженія заступили мѣсто въ сердцѣ, умѣющемъ чувствовать заслуги окружающихъ себя людей. Княжнинъ былъ употребленъ по всѣмъ частямъ, находившимся тогда въ управленіи Бецкаго; онъ поручилъ ему должности, касательныя и до Смольнаго Монастыря благородныхъ дѣвицъ, и до Конторы о строеніи домовъ и садовъ, и до Воспитательнаго ИМПЕРАТОРСКАГО Дома. Княжнинъ всегда готовъ былъ природныя дарованія свои распространять на всѣ благодѣтельные предметы. При заведеніи Воспитательнаго Дома, въ коемъ пріемлются сироты, отверженныя предразсудками, надобно было приступить къ начертанію законовъ, въ которыхъ бы каждая строка изъявляла соболѣзнованіе къ человѣчеству. Хотя многія статьи изъ сихъ постановленій и были начертаны самимъ Бецкимъ, какъ учредителемъ Воспитательнаго До-

ма, но окончаны онѣ и приведены въ порядокъ уже при Княжнинѣ.

Среди круга дѣлъ своихъ, будучи отягченъ бездною бумагъ, онъ однакоже не позабывалъ Музъ, какъ вѣрныхъ своихъ собесѣдницъ. — Тогда, какъ всѣ полагали, что склонности его къ трудолюбію воспрепятствуютъ ему заниматься словесностію, тогда онъ началъ выдавать въ свѣтъ многія свои сочиненія; нѣкоторыя уже изъ нихъ были написаны, а другіе вновь производились. Трагедія Росславъ, обогащенная Россійскимъ сюжетомъ, увеличила славу нашего Расина.

Во время представленія сей трагедіи многочисленная публика съ восторгомъ приняла несравненное произведеніе пера великаго стихотворца, и можно сказать, что каждый стихъ сопровождала громкими рукоплесканіями. Ни одной сцены не прошло безъ того, чтобы она не замѣтила самыхъ тонкихъ красотъ сочинителя и не изъявила своихъ замѣчаній. А какъ скоро занавѣсъ опустили, то всеобщій гласъ разносилъ имя автора по всему театру. Всѣ желали видѣть творца Росслава, всякой вызывалъ его на сцену, чтобы осыпать похвалами, когда не льзя было увѣнчать лаврами. Скромный поэтъ не смѣлъ показаться предъ лице зрителей; будучи недовѣрчивъ къ своему таланту, воображалъ, что онъ награжденъ свыше своихъ дарованій. Дмитревскій, отличившійся тогда превосходною своею игрою въ ролѣ Росслава, изъявилъ за автора ожидающимъ зрителямъ чувствованіе его благодарности.

Вотъ изображеніе свойствъ его: тихой, благонравной характеръ, обработанной чтеніемъ и опытами всей его жизни, привлекалъ къ себѣ любовь и уваженіе тѣхъ, которые были съ нимъ знакомы и тѣхъ, которые только что слышали о немъ. Бывъ занятъ различными должностями, объемлющими большой кругъ, удовлетворялъ онъ желаніямъ бѣднаго, ожидающаго подаянія. Со всѣми знакомыми былъ одинаковъ, но уважалъ старость, почиталъ достоинства, не пренебрегалъ бѣдныхъ, не отличалъ богатыхъ, не кланялся гордымъ, не искалъ въ случайныхъ, и не старался отличить себя въ другомъ лицѣ. Ласковой, обходительной видъ, пріятнѣйшая улыбка привѣтствовали каждаго искреннею пріязнію; всякой, кто только начиналъ говорить съ нимъ, напередъ уже видѣлъ, что поэтъ сей устремляетъ къ словамъ его все свое вниманіе; хотябы разговоръ клонился къ самымъ ничтожнымъ вещамъ, но онъ никогда не терялъ внимательнаго вида, чтобы тѣмъ не огорчить своего собесѣдника. Удалялся отто всѣхъ

ссоръ, отъ всѣхъ споровъ, какъ отъ самыхъ опаснѣйшихъ случаевъ. Онъ всегда говаривалъ: Тушъ самолюбіе людей имѣетъ необузданную власть надъ всѣми чувствами, и заставляетъ вооружаться на всѣхъ сопротивниковъ самымъ жесточайшимъ образомъ. И для того-то часто, подавъ свое мнѣніе, и видя, что его съ запальчивостію отвергаютъ, защищалъ себя однимъ молчаніемъ. Но со всѣмъ тѣмъ любилъ слушать ученыя распри, любилъ въ это самое время примѣчать измѣненіе страстей человѣческихъ, чтобы дать болѣе дѣйствія кисти своей къ начертанію различныхъ характеровъ. Зная совершенно сердце человѣческое, онъ всегда предвидѣлъ, кому можно сказать правду и кому нѣтъ; и такъ небольшое число людей наслаждалось ею отъ нашего писателя. Коль скоро онъ открывалъ свое мнѣніе о какихъ нибудь погрѣшностяхъ, то взоръ его быстро проницалъ во глубину души того, съ кѣмъ онъ намѣревался говорить откровенно. Страшась навлечь себѣ непріятелей, онъ лучше желалъ быть болѣе скрытенъ, нежели менѣе любимъ.

Открытой домъ его былъ самымъ лучшимъ сборищемъ для всѣхъ ученыхъ людей. Любители изящныхъ наукъ, въ кругу сего общества, въ маленькомъ семъ Пантеонѣ питали сердца свои, а молодые стихотворцы образовывали юныя свои дарованія, оживотворяясь разумомъ нашего поэта.

Въ это самое время Россійская Академія сдѣлала его своимъ сочленомъ, и онъ участвовалъ въ сочиненіи Лексикона отечественнаго языка. Но будучи развлеченъ какъ должностію своею, такъ и привязанностію къ театру, для котораго трудился болѣе, нежели въ другихъ частяхъ словесности, то и не могъ показывать большихъ услугъ сему сообществу; однакоже, сколь было возможно, похищалъ онъ нѣкоторые часы отъ должностей своихъ, и унося ихъ также отъ прозорливыхъ глазъ Мельпомены и Таліи, снабжалъ Академію наукъ переводами; а выдаваемой ею тогда Журналъ подъ названіемъ Собесѣдника, обогащалъ многими произведеніями пера своего.

Премудрой ЕКАТЕРИНѢ угодно было видѣть на нашемъ собственномъ языкѣ изображеніе великаго Тита, какъ совершенное подобіе ангельской души Ея. Она препоручила Директору Своего театра Тайному Совѣтнику Бибикову выбрать человѣка, котораго бы кисть могла начертать сего Государя, и дать ему въ стихахъ своихъ тоже сердце, какимъ онъ украсилъ Римскую порфиру. — Кто́жъ тогда могъ бы явить въ Ти-

мѣ Тита, какъ не Княжнинъ? Въ три недѣли трагедія была готова, и Титъ представленъ былъ на придворномъ театрѣ предъ такимъже великимъ лицемъ. ЕКАТЕРИНА изъявила благоволеніе свое къ талантамъ писателя подаркомъ осыпанной бриліантами табакерки, на коей вензель съ безсмертнымъ ея именемъ стократъ болѣе возвеличилъ награду сію.

Ни одного разу занавѣсъ бе съ того не опускался, чтобы зритель не провожалъ актеровъ съ наполненными слезъ глазами. Тита игралъ Дмитревскій. — Талантъ величайшій! онъ какъ будто жилъ въ тѣ времена, когда Римъ блаженствовалъ подъ державою великаго сего Государя. Самъ Титъ не могъ бы лучше изобразить самаго себя. Авторъ этой трагедіи столь былъ восхищенъ превосходною игрою великаго сего актера, что одинъ разъ по окончаніи театра, у себя въ домѣ, обнявъ его съ нелицемѣрною благодарностію, сказалъ: „Щастливъ Княжнинъ, что родился во времена Дмитревскаго! „

Въ продолженіе одного года послѣ своего Тита, написалъ онъ еще двѣ трагедіи: Сафонизбу и Владисана, послѣдняя съ хорами. (*) Обѣ онѣ представлены были съ равнымъ успѣхомъ.

Княжнинъ нѣсколько разъ предпринималъ писать Россійскую Исторію, но чувствуя тягость трудовъ сихъ, которые бы отвлекли его отъ обязанностей службы, и отъ попеченій семейственныхъ, уклонился отъ сего бремени. Послѣ смерти его нашли во многихъ бумахъ начало поэмы ПЕТРА Великаго, и первой монологъ трагедіи Пожарскаго. По всему видно, что онъ хотѣлъ изобразить на театрѣ сего защитника Россіи, и воспѣть отца отечества: но колебался и не смѣлъ слѣдовать путемъ творцу Россіяды. При ясной зарѣ дней своихъ онъ совершенно былъ пристращенъ къ лирическому стихотворству и хотѣлъ посвятить себя оному; но у насъ были тогда лучшія оды Ломоносова; потомъ блеснуло перо неподражаемаго Державина, и Княжнинъ остановилъ полетъ свой, видя, что они на быстрыхъ крыльяхъ вознеслись ко храму славы; — онъ устремилъ себя къ другому роду сочиненій, и содѣлался нашимъ Эврипидомъ, нашимъ Расиномъ.

(*) Музыка въ сихъ хорахъ Господина Бюлана, придворнаго Камер-музыканта.

А хотя бы онъ и желалъ обратить перо свое къ важнѣйшимъ предметамъ, но не имѣлъ на то свободнаго времени. Утро его всегда озабочено было тягостію должностей Государственныхъ, а полдень посвящалъ онъ воспитанникамъ Сухопутнаго Кадетскаго корпуса. По убѣдительной прозьбѣ бывшаго Директора сего училища Графа Ангальта возложилъ Княжнинъ на себя еще бремя новой должности. Отъ трехъ и до шести часовъ каждой день преподавалъ онъ уроки о знаніяхъ Россійскаго языка.

При двухъ экзаменахъ говорилъ онъ самъ рѣчи: одну въ публичномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ, при выпускѣ изъ оной питомцевъ, а другую въ Кадетскомъ Сухопутномъ корпусѣ (*). Но жаль однакоже того, что даръ изражать словами свои произведенія не отвѣчалъ дару краснорѣчія, какимъ обогащены обѣ его рѣчи. Природная застѣнчивость препятствовала ему выражать всѣ красоты, съ какими долженъ Оракоръ изъясняться. Вообще онъ не любилъ самъ читать своихъ сочиненій; изъ скромности не хотѣлъ отличать себя излишними порывами восхищенія, а пренебреженіемъ боялся унизить ихъ. — Но рѣчи сіи вскорѣ были послѣ того напечатаны и читатели увидѣли совершенство пера сочинителя, котораго онъ не могъ изъяснить, бугучи Оракоромъ.

Можно сказать про сего писателя, что онъ въ быстро-текущемъ времени не убивалъ праздностію часовъ своихъ и спѣшилъ употреблять въ пользу свои дарованія. Опера Сбитенщикъ (**), и комедія Хваспунъ, показались въ свѣтъ почти въ одно время и вмѣстѣ произвели въ читателяхъ новое удовольствіе. О первой скажу, что она была много разъ играна на театрѣ, и національной сюжетъ, украшенный замысловатыми шутками, заставляетъ всегда зрителей смѣяться около двухъ часовъ. Въ оперѣ сей бездна комическихъ сценъ, которыми авторъ хотѣлъ угодить и Партеру и Райку. — Но Хваспунъ, характерная комедія въ стихахъ,

(*) Первая рѣчь напечатана при жизни сего писателя, а послѣдняя помѣщена въ числѣ его сочиненій въ пятомъ томѣ, послѣ уже его кончины.

(**) Въ которой музыка также Господина Бюлана.

какъ самое превосходное твореніе, заслуживаетъ особливое вниманіе. Не показалъ ли въ ней авторъ, что онъ одаренъ дарованіями Комика, какъ и Трагика? Имѣла ли Россія такого стихотворца, которой бы съ равнымъ совершенствомъ владѣлъ кинжаломъ Мельпомены и смѣющеюся маскою Таліи? — Сумароковъ въ трагедіяхъ своихъ извлекаетъ слезы; но не можетъ въ комедіяхъ смѣшить съ остротою; Фон-Визинъ неподражаемъ въ Недорослѣ, въ Бригадирѣ, а не написалъ ни одной трагедіи. Княжнинъ же успѣлъ какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ; не то ли онъ въ Хвастунѣ своемъ, что Корнелій въ Лжецѣ, что Мольеръ въ Тартюфѣ. (*) Тутъ всякое лице имѣетъ свои оттѣнки и разнообразіе, — занимаетъ со стороны своего предмета, приводитъ въ восхищеніе положеніемъ своего характера, смѣшитъ или удивляетъ превосходствомъ стиховъ своихъ, въ которыхъ замыкаются или острыя, тонкія шутки, или чистѣйшая мораль.

По окончаніи Хвастуна своего пожавъ новые лавры, написалъ онъ еще двѣ піэсы: одну оперу, называемую Притворно-сумасшедшая (**), а другую комедію Неудачнаго Примиришеля или безъ обѣда домой поѣду: обѣ піесы одарены остротою, свойственною нашему Комику.

Въ мелкихъ твореніяхъ, дарованія его также были видимы. — Сказки и басни, написанныя Лафонтеновымъ вкусомъ, показываютъ, что онъ и въ семъ родѣ могъ писать съ равнымъ преимуществомъ, и еще другіе на примѣръ: *Стансы къ Богу;* письмо въ стихахъ *ты и вы; исповѣданіе жеманихи и отъ дяди стихотворца Рифлоскрыпа;* письмо *къ Г. Д. и А.;* посланіе *къ Россійскимъ питомцамъ свободныхъ наукъ;* двѣ оды *утро и вечеръ;* посланіе *къ Княгинѣ Дашковой, на случай открытія Академіи Россійской.* — Орфей, мел-

(*) Нѣкто изъ нынѣшнихъ хорошихъ прозаиковъ, въ похвальномъ словѣ своемъ, упоминая о славныхъ Россійскихъ поэтахъ, позабылъ, а ежели не хотѣлъ, то это несправедливо, поставить въ число ихъ и сего стихотворца; но слава его чрезъ то не умалилась. Онъ всегда будетъ вѣчнымъ, а не временнымъ писателемъ.

(**) На оперу сію музыку клалъ Г-нъ Аспаритто: и она была удостоена представленія.

лодрамма (*) также причислена къ мелкимъ его твореніямъ. Она нѣсколько разъ была представлена на театрѣ и заслужила большую похвалу. Г-нъ Дмитревскій, въ роль Орфея короновалъ ее своею чрезвычайною игрою.

Наконецъ Княжнинъ увидѣлъ, сколь онъ много принесъ удовольствія своимъ согражданамъ, а чтобы оставить вѣчное воспоминовеніе о жизни своей, то онъ рѣшился, собравъ всѣ свои творенія, напечатать ихъ. — Премудрая МОНАРХИНЯ приняла съ благоволеніемъ труды его. Она повелѣла его сочиненія напечатать въ типографіи Горнаго Корпуса, а по совершеніи сего всѣ экземпляры отдать въ его пользу.

Въ то самое время великій Министръ Безбородко предлагалъ ему перейти къ себѣ съ большими выгодами и со стороны чиновъ, и со стороны состоянія его; но Княжнинъ не согласился жертвовать благодарностію золоту. Онъ остался при своемъ мѣстѣ съ посредственнымъ жалованьемъ, съ чиномъ Надворнаго Совѣтника, съ которымъ окончилъ жизнь свою и съ названіемъ друга своего благодѣтеля, при комъ онъ располагалъ до послѣдней искры угасающаго пламенника жизни его, сохранищь къ нему нелицемѣрную приверженность.

Но все стремится въ этомъ мірѣ къ опроверженію нашихъ замысловъ. Всѣ предпріятія человѣческія смерть разрушаетъ. Она обратила свирѣпый взоръ свой на любезнѣйшаго нашего писателя и злѣйшая горячка, приключившаяся отъ жесточайшей простуды, лишила его всѣхъ силъ и душевныхъ и тѣлесныхъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ врачи, которые старались подать способы, чтобы заградить путь ему ко гробу, увидѣли искуство свое ничтожнымъ. Въ десять дней болѣзнь въ немъ до того увеличилась, что онъ не въ состояніи былъ повелѣвать своими членами. — Въ послѣдній вечеръ, когда дневной свѣтъ навсегда скрылся отъ глазъ его, когда родственники, друзья увидѣли приближеніе къ нему неминуемаго часа, въ сей вечеръ печальный и послѣдній, призванъ былъ уже къ нему душевной врачъ.

(*) Въ мелодраммѣ сей сперва была музыка Торелли, а послѣ нашего Рускаго Г. Ѳомина, бывшаго долго въ чужихъ краяхъ, который превосходнымъ талантомъ своимъ помрачилъ прежнюю музыку совершенно и хотя, ко всеобщему нашему сожалѣнію окончилъ теченіе дней своихъ; но въ Орфеѣ оставилъ незабвенную по себѣ память.

Онъ открылъ слабые взоры свои, и съ нѣкоторою радостною улыбкою какъ будто переступилъ за рубежъ гроба и видѣлъ собышіе утѣшительныхъ надеждъ Христіянина, простеръ руки къ духовнику своему, который, принявъ отъ него признаніе, увѣнчалъ путь его совершеніемъ всѣхъ должностей. Въ полночь предалъ онъ духъ свой Отцу всѣхъ міровъ. Закроемъ сію печальную завѣсу, и не станемъ терзать сердецъ своихъ воспоминаніемъ о невозвратной потерѣ писателя, служащаго честію и славою своему отечеству; скажу о томъ только, что онъ умеръ 1791 года Генваря 14 дня 48 ми лѣтъ.... Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ. Тамъ простой дикой камень воздвигнутъ ему съ изображеніемъ одного его имени; но камень сей помрачаетъ всѣ окружающіе себя богатые памятники: подъ нимъ сокрытъ прахъ Княжнина.

ДИДОНА

ТРАГЕДІЯ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДИДОНА, Карѳагенская Царица.

ЕНЕЙ, Троянскій Князь.

ЯРБЪ, Царь Гетульскій.

АНТЕНОРЪ, сопутникъ Енеевъ.

ГІАСЪ, наперсникъ Ярбовъ.

ТИМАРЪ, вельможа Дидонинъ.

ЕЛИЗА, АРСИНА, } наперсницы Дидонины.

ВОИНЪ Дидонинъ (говорящій).

Воины Ярбовы.

Воины Дидонины.

Дѣйствіе въ Карѳагенѣ въ Дидониныхъ чертогахъ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ЕКАТЕРИНѢ II.

Сіяньемъ имени безсмертна Твоего
Позволь украсить трудъ Тобою ободренный;
Ко мраку, можетъ быть, забвенья осужденный.
Трудъ бренный слабаго таланта моего,
Твоей премудрости воззрѣніемъ возвышенъ,
Межъ Росскихъ славныхъ лиръ пребудетъ вѣчно слышенъ.
Потомство имя зря священное ему,
Оставитъ слабости творенью моему:
Блаженствомъ пользуясь Тобою насажденнымъ,
Что взоръ Твой освятилъ, то будетъ все почтеннымъ.
Такъ скажутъ: „Авторъ сей хотя и не достигъ
„До тѣхъ высотъ, гдѣ Фебъ внушаетъ громкій стихъ;
„ЕКАТЕРИНИНА вниманья удостоенъ,
„Пусть будетъ на Парнассѣ къ мѣстечку онъ пристроенъ.
„ЕЯ законами мы счастливы навѣкъ;
„Великъ ли, малъ, намъ всякъ пріятенъ человѣкъ;

„Кто былъ подвласпенъ ЕЙ. И слабое растенье,
„И гордый кедръ одной руки произведенье.
„Пріятны чада намъ, когда любезна мапь."
Вотъ будутъ какъ Твои народы восклицать,
Вкушающи Твоихъ уставовъ Нектаръ сладкій,
Которыхъ мудростью съ престола Твоего,
Ты человѣчества исправя всѣ упадки,
Возводишь на чреду достойную его,
Иль лучше, такъ сказать, Твоей души достойну.
Содѣлавъ власти цѣпь свободну, легку, стройну,
Ты въ счастьи равенство намъ первая нашла,
Блаженствомъ никого изъ насъ не обошла.

Коль прежде вѣкъ златымъ тотъ вѣкомъ нарицался,
Какъ агнецъ кроткій злыхъ волковъ не устрашался,
Какъ бурей не шерзалъ угрюмъ Борей пловца;
Когда медвѣдь учтивъ и скроменъ какъ овца,

Безвредно силенъ былъ, свои сжимая лапы,
И съ пастырей не рвалъ съ главою вмѣстѣ шляпы;
Когда не зрѣли львы величья мѣры въ томъ,
Чтобы имъ кланялись усердно бья челомъ,
Какъ будто бы того, что лбу покорныхъ больно,
Для отличенія властителей довольно;
Когда, чтобъ словомъ то сказать, земля какъ рай
Полна отрадъ, была любезный смертнымъ край,
Не знаю, былъ ли вѣкъ такой; но есть онъ нынѣ,
Благодаря за то одной ЕКАТЕРИНѢ.

Быть можетъ, въ смѣлости нестройный слогъ, простой,
Владычица сердецъ! шѣмъ виненъ предъ Тобой,
Что онъ хвалой Тебѣ скучаетъ безъ искусства:
Не краснорѣчіе, сіе вѣщаютъ чувства.
Хвалю ли я Тебя? и какъ на то дерзать?
То стало бъ Океанъ лишь каплей дополнять:

Но жарЪ преданности насЪ часто завлекаетЪ;
Тобою всякЪ вЪ своей блаженствуя судьбѣ,
И вЪ восхищеніи вѣщая о Тебѣ,
Что хвалитЪ онЪ Тебя, и самЪ позабываетЪ!

ДИДОНА,
ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЕНЕЙ, АНТЕНОРЪ.

АНТЕНОРЪ.

Се день уже насталъ желаемый тобою,
Въ который будешь Царь надъ здѣшнею страною.
Дидона свой вѣнецъ Енею отдаетъ,
И ваши бракъ сердца на вѣки сопряжетъ.
Готовый къ торжеству весь городъ веселится,
Но спутники . . . Еней! Твой зракъ печалью шмится,
Когда дражайшая во власшь твою красы. . . .

ЕНЕЙ.

О рокъ! о грозный день! о бѣдственны часы!

АНТЕНОРЪ.

Но что же нынѣ твой геройскій духъ смущаетъ?
Иль вновь Анхизъ въ стѣнахъ Троянскихъ погибаетъ,
И спасть отъ пламени его тебя зоветъ?
Иль Гекторъ пораженъ вторично днесь падетъ?
Но Трои больше нѣтъ, и Троя вся съ тобою.

ЕНЕЙ.

А я къ мученію оставленъ жить судьбою.
Прошли преславныя геройски времена.
О полна лаврами Троянская страна!
Почто не тамо я со свѣтомъ разлучился!
Покрытъ бы лаврами въ тѣнь гроба низпустился;
Мой съ блескомъ жизни лучь на вѣки преломясь,
Отсталъ бы отъ меня, со славой съединясь;
Не зрѣлъ бы ты меня терзаема тоскою,
Отъ мѣстъ влекома сихъ, борющася съ собою.

АНТЕНОРЪ.

Еней! сихъ мѣстъ!... въ сей день!... но кто тебя влечетъ?
Или воспомненъ сталъ забвенъ боговъ завѣтъ,
И паки славы гласъ услышанъ днесь тобою?
Возможно ли? . . . Но ахъ! я льщусь одной мечтою.
Не время вспоминать Троянъ упавшій градъ,
Какъ чувства всѣ тебя къ одной любви стремятъ;
Когда ты къ вѣчному веселью приступаешь,
Вотще о бѣдныхъ ты, вотще воспоминаешь:
Имъ нѣтъ защитника, и тщетно самъ Зевесъ
Троянъ воставити тебѣ велѣлъ съ небесъ.

ЕНЕЙ.

Почто къ мученью мнѣ мученья прилагати,
И ахъ, растерзанна еще почто терзати!
Когда бы долженъ былъ я кровь мою пролить,
Чтобъ жертвуя собой, Трояней искупить;
Ябъ пролилъ всю: но ахъ! Дидону мнѣ оставить,
И смертію себя возлюбленной прославить!

АНТЕНОРЪ.

Но кто жъ быть счастливымъ тебѣ въ сей день претитъ?

ЕНЕЙ.

Все, все Енееву къ Дидонѣ страсть винитъ:
Родительева тѣнь, Троянская держава,

Мой долгъ, Зевесъ, сама моя безсмертна слава.
Вчера, какъ сонъ принесъ полезный намъ покой,
Мой духъ, наполненный Дидониной красой,
Вкушалъ спокойствіе въ минуты безмятежны,
И восхищали весь мой разумъ мысли нѣжны,
Явился мнѣ отецъ. Анхизовъ скорбный видъ
Въ молчаніи своемъ показывалъ мой стыдъ:
Съ жалѣньемъ на меня взирая непрестанно,
Онъ долго воздыхалъ, стоная несказанно,
И съ горестью открывъ уста, сіе вѣщалъ:
„Неблагодарный сынъ, тоголь я ожидалъ
„Отъ крови моея боговъ смѣшенной съ кровью!
„Мой сынъ, любезный сынъ, отягощенъ любовью,
„Во праздности свой вѣкъ намѣрится влачить;
„Зевесу кляту давъ, дерзаетъ измѣнить!“
Симъ гласомъ пораженъ я сонъ и одръ оставилъ,
И въ храмъ отца боговъ тотчасъ свой путь направилъ,
И тайно къ олтарю собравши тамъ жрецовъ,
Безсмертныхъ умолять я имъ велѣлъ боговъ,
Желая своея судьбины облегченья.
Но я для горести рожденъ и для мученья!
Вотще предъ олтаремъ съ стенаніемъ упалъ,
И землю я, простертъ, слезами орошалъ.
Увы! несчастливыхъ молитвы суть напрасны,
И боги сами мнѣ несчастному ужасны!
Во храмѣ стѣны вдругъ ужасный громъ потрясъ,
И въ ярой молніи небесный гнѣвъ не гасъ.
Начальствующаго жреца власы вздымались,
Дыханія въ груди отъ ярости спирались,
Которою его наполнивъ небеса,
Въ его устахъ сіи послали словеса,
Лишѣйшія слова! которы вспоминая,
Еще я мучуся, терзаясь и стоная.
Такъ Богъ въ жрецѣ вѣщалъ: „о слабый ты Еней!
„Гдѣ мужество души дѣвалося твоей?
„Тебѣ врученно мной Троянъ оставше племя,
„Чтобы посѣяши несмѣшныхъ лавровъ сѣмя;

„А сѣмена сіи на терніе упавъ,
„Безплодны для меня, безъ пользы свѣту ставъ.“

АНТЕНОРЪ.

Чтожъ хочешь ты начать?

ЕНЕЙ

Обремененъ тоскою,
Отчаянъ и лишенъ надежды и покою,
Злымъ рокомъ осужденъ дни тратить во слезахъ,
Когда мутится умъ, и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ,
Могу ли что начать, я жизни ненавидя,
Мою отраду всю въ единой смерти видя?

АНТЕНОРЪ.

Се мысль достойную защитникъ нашъ явилъ!
Иль мало рокъ еще Пріамовъ родъ губилъ?
О Троя бѣдственна! о мать героевъ славныхъ,
Великодушіемъ самимъ безсмертнымъ равныхъ!
Надѣясь на боговъ, я тщетно уповалъ;
Послѣднее въ себѣ Еней у насъ отъялъ:
Еней, котораго судьбина избираетъ
За Трою умереть, отъ страсти умираетъ.

ЕНЕЙ.

Когдабъ я точно зналъ, что я драгой лишась,
Не долго буду жить, страдая и крушась,
И смерть, сію одну мнѣ въ горести утѣху,
Немедленно найду гражданъ моихъ къ успѣху;
Я въ сей бы горькій путь съ веселіемъ вошелъ,
И въ смерти бы своей безсмертныхъ даръ нашелъ.
Но ахъ! мнѣ должно жить, и жить не для Дидоны!
О люты отъ небесъ предписанны законы!
О долгъ къ отечеству, источникъ вѣчныхъ бѣдъ!
Мнѣ гробъ отечество тамъ, гдѣ Дидоны нѣтъ!
Мое все счастье въ томъ, чтобы ее любити,
Ее всечасно зрѣть, ей вѣчно милымъ быти...

Воспомни, Антенорѣ, какѣ алчный Понтѣ ревѣлѣ,
И поглотить онѣ весь Пріамовѣ родѣ хотѣлѣ;
Какѣ волны до небесѣ, свирѣпствуя, вздымались,
И вѣ тотѣ же часѣ отѣ тучь до ада низвергались.
День оный вѣ страшну ночь Нептунѣ преобратилѣ;
Гремящій только огнь во мракѣ намѣ свѣтилѣ;
Спасенья не было: боговѣ тогда мы звали;
А боги вѣ помощи несчастнымѣ отрицали.
Ужѣ адовы врата отверзлись намѣ тогда;
Вѣ разбиты корабли вливалася вода,
Втекала сѣ нею смерть:... прекрасная Дидона
Кѣ спасенью нашему подвиглася со трона,
И жалостнѣй боговѣ на помощь притекла.
Она изѣ челюстей насѣ смерти извлекла.
Грояне, боги, я, неблагодарны будемѣ,
Когда Дидонины щедроты позабудемѣ.
Но я еще, но я всѣхѣ злобнѣе стократѣ:
Я, ею избранный, чтобѣ, вмѣсто всѣхѣ наградѣ,
Прекраснѣйшу любить, сѣ ней бракомѣ сочетаться...
Тираномѣ буду я ей вѣ памяти мечтаться!...
Я жизни ей милѣй, во мнѣ душа ея,
Я ею вижу свѣтѣ, всѣмѣ долженѣ ей; а я
За всю ея любовь, за все благодѣянье
Повергну нѣжный духѣ вѣ несносное терзанье!
За то, что хочетѣ мнѣ все вѣ жертву принести,
За сердце, за престолѣ скажу я ей: прости!...
Когда разлуки часѣ несчастнымѣ намѣ настанетѣ,
Сказати ей; прости, мнѣ жизни не достанетѣ.

АНТЕНОРѢ.

Но Троя, боги . . .

ЕНЕЙ.

Ахѣ, весь свѣтѣ теряю вѣ ней!
Вѣ ней зритѣ вселенную пылающій Еней.
О боги! истиннуль о ней теперь вѣщаю?
Я ею благости всѣ ваши ощущаю.

Не чувствовалъ бы я, не знавъ Дидоны въ вѣкъ,
Какъ можетъ счастливъ быть на свѣтѣ человѣкъ.

АНТЕНОРЪ.

Чѣмъ страсти долженъ ты, то все воспоминаешь,
А клятвы, должность, честь совсѣмъ позабываешь;
Не хочешь вспомянуть, любовью ослѣпленъ,
Чѣмъ ты отечествомъ упавшимъ одолженъ.

ЕНЕЙ.

Увы! какой любви я долженъ отрицаться!

АНТЕНОРЪ.

Сильна сія любовь; но честь велитъ разстаться.
Рѣши, рѣши судьбу отечества въ сей часъ.

ЕНЕЙ.

О должность! о любовь! о Трои жалкій гласъ!
Терпѣлъ ли кто когда подобное мученье?

АНТЕНОРЪ.

Еще ли чувствуешь о Троѣ сожалѣнье?
Та страсть великихъ душъ, къ отечеству любовь,
Днесь можетъ ли еще твою тревожить кровь?

ЕНЕЙ.

О мой любезный другъ! о мукъ моихъ свидѣтель!
Напрасно, можетъ быть, свою ты добродѣтель
Противъ страдающа въ свирѣпость превратилъ,
И ахъ, несчастнаго ты недостойнымъ чтилъ!
Въ сей самый часъ, когда я грудь мою терзаю,
Уже я предпріялъ... ахъ, что сказать дерзаю!...
Трепещущій языкъ въ устахъ оцѣпенѣлъ;
Жестокой мысли сей языкъ открыть не смѣлъ....
Любезный Антеноръ! я самъ себя страшуся!....
Но я ужъ предпріялъ . . . пускай души лишуся!

Трояне, легче бы мнѣ было умереть!
Хочу... а я еще могу свѣтъ солнца зрѣть!
Хочу... когда могу съ Дидоной сочетаться...

АНТЕНОРЪ.

Вѣщай, герой!

ЕНЕЙ.

На вѣкъ съ Дидоною разстаться!

АНТЕНОРЪ.

Я въ страсти твердости не ожидалъ такой.
Побѣда славная одержана тобой.
Тотъ счастливъ, кто любви отравы не вкушаетъ;
Но тотъ великъ, ея кто узы разрушаетъ:
И оставляючи Еней страну сію,
Любовью славу днесь величишь ты свою.

ЕНЕЙ.

Побѣда лютая! и слава прежестока!
Ахъ, какъ утѣшенъ бы я былъ предѣломъ рока,
Когдабъ съ Дидоною разлуки нашей въ часъ
Покрыла смертна тьма моихъ зѣницы глазъ,
Или... чего, увы! несчастный не желаетъ! —
Чтобъ та, которою мой страстный духъ пылаетъ,
Отъ страсти свободясь, Енея позабывъ,
Своихъ дражайшихъ слезъ ни капли не проливъ,
Лишась меня безъ мукъ, безстрастною осталась,
Чтобъ ярость на меня судьбины изліялась,
Не огорчивъ ничѣмъ дражайшую мнѣ грудь,
Которую я могъ къ несчастію тронуть.

АНТЕНОРЪ.

А можетъ быть твое желанье и свершится,
И временемъ твой зракъ изъ мыслей истребится.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИДОНА, ЕЛИЗА, ЕНЕЙ и АНТЕНОРЪ.

ДИДОНА.

Оставь, драгой Еней, ты мнѣ мою вину,
Что алчна зрѣть тебя, пришедъ въ сію страну,
Твой съ другомъ разговоръ въ сей часъ перерываю;
Стремленью моего я сердца уступаю.
Ужъ солнце полпути свершило своего,
А я, дражайшаго присутства твоего
Лишенная тобой, въ тотъ самый часъ крушуся,
Когда во храмъ на бракъ итти съ тобою льщуся.
Что сдѣлалось тебѣ? Открой мнѣ мысль свою,
И словомъ ободри печальну грудь мою.
Ужъ тѣмъ, что не былъ ты со мной одной минуты,
Ты въ сердце мнѣ вселилъ мученья, скорьби люты.
Скажи, возлюбленный, какъ я сюда пришла,
О комъ здѣсь тайна рѣчь изъ устъ дражайшихъ шла?
О мнѣль уста твои любезные вѣщали?
Иль мысли хоть твои меня ли воображали?

ЕНЕЙ.

Въ свидѣтельство себѣ зову безсмертныхъ я,
Что образомъ твоимъ полна вся мысль моя;
Всегда, вездѣ одну тебя любити стану;
Живу любя тебя, тебя любя увяну.

ДИДОНА.

Ты клятвами меня спокоити хотя,
Не къ сердцу, но къ богамъ ты мыслями летя,
Свидѣтелями ихъ зовешь своей любови,
И ахъ, зовешь съ такой холодностію крови!
Я не къ богамъ пришла, къ Енею моему:
Будь самъ свидѣтелемъ ты сердцу своему.
Я клятвами твоей горячности не мѣрю;
Я вздоху твоему единому повѣрю.

ЕНЕЙ.

Дидона!... Небеса!... ахъ, что сказать мнѣ ей!

ДИДОНА.

Вѣщай, отвѣтствуй мнѣ, возлюбленный Еней.
Но зракъ ты отъ меня дражайшій отвращаешь!
Безмолвенъ ты при мнѣ! Еней, ты воздыхаешь?
Твой духъ смущенъ, но чѣмъ? Или во градѣ семъ
Изъ воинства, вельможъ, кто при дворѣ моемъ,
Презрѣвъ тебя, тебѣ противенъ быть дерзаетъ,
И оскорбивъ твой духъ, весь гнѣвъ мой привлекаетъ?

ЕНЕЙ.

Когда бы я твоимъ рабомъ былъ огорченъ,
Обидоюбъ мой духъ той не былъ возмущенъ;
На гордость низкаго взирая съ сожалѣньемъ,
Съ покойною душей емубъ я мстилъ презрѣньемъ.
А если посрамленъ отъ равнаго Еней,
То помощибъ искалъ въ одной рукѣ своей.
Никто во градѣ семъ меня не огорчаетъ;
А что несчастенъ я, то все изобличаетъ.

ДИДОНА.

Несчастенъ ты? увы! или уже любовь,
Еней, твою ко мнѣ не воспаляетъ кровь?
Еней! я зрю тебя смятенна, тороплива!
Иль тѣмъ несчастенъ ты, что я тобой счастлива?
Свершилось все! твоя ко мнѣ минула страсть.
Отсутствіе твое вѣщало мнѣ напасть.
Я страждy; а меня ты оставлялъ въ терзаньѣ,
Меня, которая съ тобою не въ свиданье,
Которая тогда, когда не зритъ тебя,
Скучаетъ жизнію, не чувствуетъ себя.

ЕНЕЙ.

Тебя всечасно зрѣть мое одно желанье;
То знаютъ боги, ты... но Ярбово посланье

Вступило твоего владычества въ предѣлъ;
Я быши не хотѣлъ помѣхой царскихъ дѣлъ.
Я знаю то, что власть, величества алкая,
Должна всегда, сама себя отягощая,
Сердечно счастіе на должность ту мѣнять,
Которая духъ Царей одна должна плѣнять.

ДИДОНА.

Давно ли такъ Еней любезный помышляетъ,
Что мысль моя его въ величествѣ теряетъ?
Единъ твой взглядъ, твой вздохъ и слово устъ твоихъ
Долгъ сердца моего и гордость мыслей сихъ.
Но что ты славы въ путь Дидону устремляешь,
Достойна тѣмъ въ себѣ супруга ей являешь,
Надъ ней, надъ сей страной достойнаго Царя.
Но ахъ! любовника почто ты долгъ презря,
Смущаешь нѣжный духъ въ моей счастливой долѣ?
Будь меньше ты герой, люби меня лишь болѣ.

ЕНЕЙ.

О коль несчастенъ я! ты сердце мнѣ разишь!
Неблагодарному ты милости явишь.

ДИДОНА.

Неблагодарному! а ты имъ можешь быти?
Ты можешь пламенну мою любовь забыти?

ЕНЕЙ.

Чтобъ я забылъ!... увы! узнай, что я терплю.
Кто можетъ такъ любить, какъ я тебя люблю?
Все нахожу въ тебѣ, тобой единой таю,
И прелести въ тебѣ я новы обрѣтаю.
Я каждый день тебя и каждый вижу часъ,
А зрю тебя всегда, какъ зрѣлъ я въ первый разъ.
Но ахъ!..

ДИДОНА.

Сверши.

ЕНЕЙ.

Увы! языкъ въ устахъ нѣмѣетъ;
Мятутся чувствія, и сердце каменѣетъ.
Прости.

ЯВЛЕНІЕ III.

ДИДОНА и ЕЛИЗА.

ДИДОНА.

Что зрю, и кто сокрылся отъ меня!
Сего ли я ждала въ минуты брачна дня?
Еней ли отъ меня, Елиза, убѣгаетъ?
Чѣмъ винна я предъ нимъ? и что сіе вѣщаетъ?
Какимъ, свирѣпый рокъ, ты бѣдствомъ мнѣ грозишь!
Скажи, Елиза, мнѣ?... жестокая! молчишь!
Еней меня бѣжитъ, а я одна страдаю.

ЕЛИЗА.

Теряюсь въ мыслях я, сего не понимаю.

ДИДОНА.

Свидѣтельницею, Елиза, ты была,
И разговоръ мой съ нимъ ты слышать весь могла.
Безстрастна, всѣ мои слова ты примѣчала.
Разсудка твоего любовь не помрачала.
Скажи, Елиза, мнѣ, не молвилаль чего
Я въ оскорбленіе любезна моего?
Конечно жаръ его ко мнѣ ужъ угасаетъ.
Увы! отъ мысли сей Дидона умираетъ!
Пойдемъ къ нему, пойдемъ! да истолкуетъ онъ
Со мной поступокъ сей, мой жалкій слыша стонъ.
Но если всѣ слова изчислити подробно,
Вину сей хладности понять мнѣ удобно.
Онъ мнѣ о Ярбовомъ посланіи вѣщалъ;

Какъ лютая змія, онъ грудь мою грызетъ.
Объемлетъ ярость умъ, и сердце ревность рветъ.

ГІАСЪ.

Властитель многихъ странъ съ престола ты нисходишь,
А месть свою одинъ ты въ чуждый градъ приводишь;
Подъ именемъ посла дерзаешь предпріять....

ЯРБЪ.

Тебѣль о мщеніи удобно размышлять?
Молчи, незнающій еще всей Царской тайны.
Отважность кончитъ лишь дѣла необычайны.

ГІАСЪ.

Отважность, Государь, когда насъ честь ведетъ,
Пребудетъ въ вѣкъ славна, хотя и упадетъ;
Но если, своея игралище мы страсти,
Вдаемся для нея во всякія напасти,
Отважность такова безумію равна.

ЯРБЪ.

Мнѣ месть лишь кажется пріятна и славна.

ГІАСЪ.

Но если ты отмстити помышляешь,
На чѣмъ же, Государь, надежду устрояешь,
Во предпріяшіяхъ неслыханныхъ твоихъ?

ЯРБЪ.

На гордости вельможъ, на сребролюбьи ихъ.
Царица здѣшнихъ мѣстъ, горя къ Енею въ страсти,
Мнѣ помощь подаетъ сама къ своей напасти.
Троянска бѣглеца владычества стыдясь,
Вельможи многіе, въ притворствѣ утаясь,
Покорства кажутъ видъ, но въ сердцѣ злость питаютъ;
Непримиришельныхъ враговъ въ себѣ скрываютъ;
И многіе изъ нихъ Дидону полюбя,
Хотятъ ея возложить корону на себя.

ГІАСЪ.

Оставь усердью то, что смѣло я вѣщаю;
И мыслить, Государь, того я не дерзаю,
Чтобъ ты удобенъ былъ рабу престолъ вручить,
Которагобъ ты могъ возлюбленну лишить.

ЯРБЪ.

Когда прекрасная и гордая Дидона
Моею ревностью низвергнется со трона;
Коль я возлюбленну удобенъ поразить,
Могу ли хищника престола я щадить?
Виновникъ бѣдствія великія Царицы
Достойну отъ моей воспріймет мзду десницы,
И льстясь на тронъ взойти, во мрачный снидетъ адъ.
Дидона и Еней, вельможи, весь сей градъ
То будутъ чувствовать, колико Ярбъ страдаетъ.

ГІАСЪ.

Что слышу, Государь, и Ярбъ ли то вѣщаетъ?
Понять не могу! — Возможноль, чтобъ любовь
Могла позволить пролить дражайшу кровь,
Низвергнувъ въ крайнія возлюбленну напасти?

ЯРБЪ.

Измѣрь ты яростью моей жестокость страсти:
Несчастливо любя, разсудокъ я гублю;
Не знаю самъ себя, не помню, что люблю.
Игралище страстей и жертва злобна рока,
Свирѣпъ, ожесточенъ иду во слѣдъ порока;
Безъ склонности къ нему злодѣйства я страшусь;
Но ахъ! къ злодѣйству я неволею влекусь,
Погибелью моей любезной ушѣшаюсь,
И мстить хочу я той, которой восхищаюсь.
Но мщенье ли меня сюда влекло, Гіасъ?
Надежды звалъ меня сюда сладчайшій гласъ,
Которая меня донынѣ ушѣшаетъ.

Какъ лютая змія, онъ грудь мою грызетъ.
Объемлетъ ярость умъ, и сердце ревность рветъ.

ГІАСЪ.

Властитель многихъ странъ съ престола ты нисходишь,
А месть свою одинъ ты въ чуждый градъ приводишь;
Подъ именемъ посла дерзаешь предпріять....

ЯРБЪ.

Тебѣль о мщеніи удобно размышлять?
Молчи, незнающій еще всей Царской тайны.
Отважность кончитъ лишь дѣла необычайны.

ГІАСЪ.

Отважность, Государь, когда насъ честь ведетъ,
Пребудетъ въ вѣкъ славна, хотя и упадетъ;
Но если, своея игралище мы страсти,
Вдаемся для нея во всякія напасти,
Отважность такова безумію равна.

ЯРБЪ.

Мнѣ месть лишь кажется пріятна и славна.

ГІАСЪ.

Но если ты отмстити помышляешь,
На чѣмъ же, Государь, надежду устрояешь,
Во предпріятіяхъ неслыханныхъ твоихъ?

ЯРБЪ.

На гордости вельможъ, на сребролюбьи ихъ.
Царица здѣшнихъ мѣстъ, горя къ Енею въ страсти,
Мнѣ помощь подаетъ сама къ своей напасти.
Троянска бѣглеца владычества стыдясь,
Вельможи многіе, въ притворствѣ утаясь,
Покорства кажутъ видъ, но въ сердцѣ злость питаютъ;
Непримиримельныхъ враговъ въ себѣ скрываютъ;
И многіе изъ нихъ Дидону полюбя,
Хотятъ ея взложить корону на себя.

ГІАСЪ.

Оставь усердью то, что смѣло я вѣщаю;
И мыслить, Государь, того я не дерзаю,
Чтобъ ты удобенъ былъ рабу престолъ вручить,
Которагобъ ты могъ возлюбленну лишить.

ЯРБЪ.

Когда прекрасная и гордая Дидона
Моею ревностью низвергнется со трона;
Коль я возлюбленну удобенъ поразить,
Могу ли хищника престола я щадить?
Виновникъ бѣдствія великія Царицы
Достойну отъ моей воспріймет мзду десницы,
И льстясь на тронъ взойти, во мрачный снидетъ адъ.
Дидона и Еней, вельможи, весь сей градъ
То будутъ чувствовать, колико Ярбъ страдаетъ.

ГІАСЪ.

Что слышу, Государь, и Ярбъ ли то вѣщаетъ?
Понять не могу! — Возможноль, чтобъ любовь
Могла позволити пролить дражайшу кровь,
Низвергнувъ въ крайнія возлюбленну напасти?

ЯРБЪ.

Измѣрь ты яростью моей жестокость страсти:
Несчастливо любя, разсудокъ я гублю;
Не знаю самъ себя, не помню, что люблю.
Игралище страстей и жертва злобна рока,
Свирѣпъ, ожесточенъ иду во слѣдъ порока;
Безъ склонности къ нему злодѣйства я страшусь;
Но ахъ! къ злодѣйству я неволею влекусь,
Погибелью моей любезной ушѣшаюсь,
И мстить хочу я той, которой восхищаюсь.
Но мщенье ли меня сюда влекло, Гіасъ?
Надежды звалъ меня сюда сладчайшій гласъ,
Которая меня донынѣ ушѣшаетъ.

ГІАСЪ.

Или не вся твоя надежда исчезаетъ?
Мечтой ты, Государь, единой обольщенъ.

ЯРБЪ.

Надежда есть, доколь ихъ бракъ не совершенъ.
Хоть Ярбъ не милъ, но тронъ его быть можетъ лестенъ;
Великой властью Ярбъ всей Африкѣ извѣстенъ.
Ещебъ сказалъ, что кровь боговъ во мнѣ течетъ,
Когдабъ мой родъ мнѣ былъ достоинства предметъ;
Но я сію мечту Енею оставляю,
А самъ собою лишь прославиться желаю.
Гетулліи моей предѣлъ распространенъ,
Престолъ на многихъ мой престолахъ утвержденъ;
Безъ помощи боговъ меня къ богамъ возносятъ,
Народы многіе тьму жертвъ ко мнѣ приносятъ.
Но кто Еней? Съ собой носящій стыдъ бѣглецъ.
Пристойно ли его главѣ носить вѣнецъ?
Онъ храбро, брани въ часъ, на грозну смерть дерзаетъ,
Онъ воинъ; но Царя сіе не отличаетъ.
Иной великъ въ бояхъ, но на престолѣ слабъ;
На полѣ властвуетъ, а подъ короной рабъ.
Помощникъ нуженъ днесь таковъ, какъ я, Дидонѣ,
Къ правленью скипетромъ, страны сей къ оборонѣ.

ГІАСЪ.

Хоть польза общества Дидонѣ то твердитъ,
Хоть самъ разсудокъ ей за Ярба говоритъ;
Но какъ разсудокъ слабъ, когда бунтуютъ страсти!
О! еслибъ быть могли сердца у насъ во власти,
Когда бы разумъ нашъ надъ нами обладалъ,
Любить Дидону Ярбъ конечно бы престалъ.

ЯРБЪ.

Почто отъемлешь ты то сладко заблужденье,
Въ которомъ только мнѣ осталось утѣшенье?

Почто ты правды мнѣ открылъ несносный свѣтъ?
Гіасъ, ты думаешь, что мнѣ надежды нѣтъ?

ГІАСЪ.

Безмѣрной страстію Дидона распаленна,
Къ Енею всей душей и мыслью устремленна.
Почто скрывать мнѣ то, что будешь самъ ты зрѣть?

ЯРБЪ.

О мысль смертельная! Ея душей владѣть
Дерзаетъ... кто? Еней! пришлецъ, Троянинъ люшый!
А я безъ мщенія теряю здѣсь минуты,
Въ которы, можетъ быть, о нестерпима часть!
Совмѣстникъ мой свою усугубляя власть,
Въ ласканіяхъ ея надъ Ярбомъ торжествуетъ;
А Ярбъ презрѣніе лишь только испытуетъ.
Не знаю въ горести, которую терплю,
Я ненавижу ли, или еще люблю.
Но ахъ! доколь мой рокъ совсемъ не разрѣшится,
Дай сердцу моему надеждой сладкой льститься.
А можетъ быть она, вообразя свой тронъ
И сильнаго Царя услыша страстный стонъ,
Мысль Царску ощутивъ, ко славѣ обратится,
И вшедъ сама въ себя, той страсти устыдится....

ГІАСЪ.

Дидону вижу я идущу зрѣть тебя;
Скрѣпися, Государь, не забывай себя.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИДОНА, ЯРБЪ, ЕЛИЗА, ГІАСЪ.

ЯРБЪ

Доколѣ Ярбово желанье изъяснится,
Внемли сіе, что онъ дѣламъ швоимъ дивится,

Которыми Царей ты многихъ превзошла.
Тамъ дикія мѣста, пустыню ты нашла,
Гдѣ пышный градъ, твоей премудростью твореннοй,
Несется къ облакамъ на зависть всей вселенной:
Градъ созданъ, кажется, небесною рукой,
Обуреваемымъ надежда и покой.
На тронъ ты вознеслась для подданныхъ блаженства.
Но мало то; въ тебѣ всѣ вижу совершенства,
И восхищаюсь, зря всѣхъ прелестей соборъ.
Достоинъ Ярба былъ плѣнить твой нѣжный взоръ,
И въ сердцѣ утвердя его твою власть вѣчно,
Склонить сего Царя тебя любить сердечно.
Твоею красотой вся кровь его кипитъ:
Восходитъ ли на тронъ рабовъ своихъ судить,
Стремится ль на враговъ, разженъ воинской бранью,
Всѣмъ жертвуетъ тебѣ, все чтитъ твоею данью,
Тебѣ все хочетъ онъ повергнуши съ собой:
Престолы и вѣнцы, себя и свой покой,
Онъ все въ сей часъ къ ногамъ Дидониным приноситъ,
И сердца твоего въ награду только проситъ.
Содѣлай Ярбову мученію конецъ;
Возвыси сей престолъ, прибавь къ вѣнцу вѣнецъ.
Или гнушаешься блистающимъ въ порфирѣ?
Ктожъ изъ Царей тебя достоинъ будетъ въ мірѣ,
Коль презрѣнъ будетъ Ярбъ, никѣмъ не побѣжденъ?
Твой скиптръ въ рукахъ твоихъ имъ будетъ утвержденъ.
Твой тронъ днесь страшенъ сталъ; но тѣмъ себѣ опасенъ:
Подверженъ тотъ бѣдамъ, кто сталъ другимъ ужасенъ.
Склонись къ сему Царю: желаніе его
Есть польза важная престола твоего.

ДИДОНА.

Великаго Царя увидѣвши посланье,
Иное думала услышать я желанье.
Я чаяла, что Ярбъ съ престола своего,
Ища величества союза моего,
Десницу дружества къ Дидонѣ простираетъ,
Чтобы противъ того, кто рушити дерзаетъ

Спокойство Африки неправедной войной,
Сплавъ подкрѣпленному страны сея рукой,
Надежнѣе сразить продерзостна злодѣя;
Для пользы общества своей я не жалѣя,
Стѣснилабъ множествомъ пучину кораблей,
Поля покрылабъ тьмой блистающихъ мечей;
Желаньебъ Ярбово быть не могло безплодно,
Я слѣлалабъ все то, что Ярбу лишь угодно;
Но сердцемъ намъ своимъ не льзя повелѣвать.
Возможноль естества уставъ одолѣвать,
Противу самаго себя вооружаться,
И къ горести своей съ немилымъ сочетаться?
Чтишь Ярба и жалѣть, вотъ все, что я могу,
И дружество къ нему вовѣки сберегу.

ЯРБЪ.

Что Ярбъ тебѣ не милъ, тому вину онъ знаетъ.

ДИДОНА.

Коль знаетъ онъ, почтожъ тобою вопрошаетъ?

ЯРБЪ.

Царица! постыдись ты страсти своея.

ДИДОНА.

Возможно ли, что бы того стыдилась я,
Чѣмъ только жизнь моя мнѣ можетъ быти лестна?
Да будетъ Ярбу страсть моя уже извѣстна:
Люблю, Енеемъ я пылаю и горю;
Съ восторгомъ я о семъ съ тобою говорю.
Постыдноль мнѣ горѣть къ великому герою,
Который защищалъ съ толикой славой Трою,
Который Гекпору геройствомъ равенъ былъ,
Который Грековъ всѣхъ своимъ мечемъ страшилъ?
Прекрасенъ, младъ, герой, Царю достойно мыслишъ;
Но кто достоинства Енеевы изчислитъ?
Когдабъ, какъ я, весь міръ сего героя зналъ,

Царемъ бы одного его себѣ избралъ;
И Карѳагена вся съ Дидоною согласна.

ЯРБЪ.

Но Ярба месть тебѣ не будетъ ли опасна?
Онъ можетъ показать, тобой уничиженъ,
Кто долженъ быть изъ двухъ совмѣстниковъ почтенъ,
Троянскій ли бѣглецъ, отъ Грековъ побѣжденный,
Иль Ярбъ, къ владычеству богами въ свѣтъ рожденный?

ДИДОНА.

Коль Ярбъ рожденъ владѣть, пускай владѣетъ онъ;
Еней мнѣ милъ, Еней взойдетъ ко мнѣ на тронъ.
Знать Ярбу суждено, чтобъ только лишь грозити,
А мнѣ дражайшаго Енея въ вѣкъ любити,
И грозы презирать, которыхъ не страшусь.
Енея потерять, вотъ все, о чемъ крушусь:
А съ нимъ, хотябъ на насъ вселенна ополчилась,
Противу всѣхъ Царей ништожъ не усумнилась.

ЯРБЪ.

Но знай, что бракъ твой съ нимъ унизитъ твой вѣнецъ.

ДИДОНА.

Престань, и наглостямъ содѣлай ты конецъ;
Не истребляй во мнѣ ты дерзостью терпѣнья,
И къ Ярбу моего не умножай презрѣнья.
Тотъ малъ въ моихъ глазахъ, который мнѣ грозитъ.
Ярбъ силенъ, храбръ, враговъ какъ молнія разитъ;
Великъ онъ, можетъ быть отечеству полезенъ;
Не спорю, онъ вашъ богъ; а мнѣ Еней любезенъ.
Ярбъ все въ странахъ своихъ; но здѣсь мнѣ все Еней.
Я сихъ Царица странъ; онъ Царь души моей.
Ты можешь нынѣ путь направити обратно
И Ярбу принести извѣстье непріятно,
Что сердце въ самый день отъѣзда твоего

Я съ сердцемъ сопрятла драгова моего;
Иль радостямъ моимъ ты можешь быть свидѣтель,
Чтобъ знать, какъ спрашенъ мнѣ Гетулліи владѣтель.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯРБЪ, ГІАСЪ.

ЯРБЪ.

Мнѣ быть свидѣтелемъ несчастья своего?
Я буду; но страшись присутства моего!
Жестока! твой отказъ мнѣ радость въ грудь вселяетъ,
И страсть отнявъ, одну лишь злобу оставляетъ.
Стараній свобожденъ, которыми язвлюсь,
Съ покойною душей въ отмщенье устремлюсь.
Погибнетъ мой злодѣй въ объятіяхъ Дидоны!
Въ сіюжъ лишится нощь она своей короны!
Въ сію несчастну нощь презрѣнная любовь
Въ противномъ градѣ мнѣ прольетъ рѣками кровь!
Ужъ ярости моей въ сей часъ мечи острятся,
Отважны воины внѣ города хранятся;
Узримъ все зданье здѣсь въ пылающемъ огнѣ,
И Трою сотворя вторую въ сей странѣ;
Мы Карѳагену всю въ Троянско внергнемъ горе,
Наполнимъ трупами волнующеся море!
Пускай вторично здѣсь, коль мечь не поразитъ,
Люпѣйшій мой злодѣй со срамомъ убѣжитъ....
Но что? Я мстить хочу во время мрака ночи,
А люпый бракъ скорѣй мои увидятъ очи!
Могуль единый часъ врага во счастьи зрѣть,
Чтобъ яростью душа, отъ злобы не умреть!
Какъ буду я сносить Дидоны лестны взгляды,
Иному, а не мнѣ дающіе отрады!
Пойду, какъ алчный тигръ, противъ моихъ враговъ,
Сражуся съ смертными, пойду противъ боговъ:

Тамъ въ грудь предъ олтаремъ Енею мечь вонзая,
И сердце яростной рукою извлекая,
Злодѣя наказавъ, Дидонѣ отомщу,
И брачныя свѣщи въ надгробны превращу.

КОНЕЦЪ

Втораго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДИДОНА, ЕЛИЗА.

ДИДОНА.

О Ярбѣ ты твердя, не огорчай Дидоны;
Мнѣ гнусны съ нимъ его и скипетры и троны.
Единый взоръ драгой Енеевыхъ очесъ
Превыше троновъ, царствъ, дражайшій даръ небесъ.
Коль хочешь, слабостью мой пламень называя,
Порочь, но слабости Царицы почитая.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИДОНА, ЕЛИЗА, АРСИНА *съ воиномъ.*

АРСИНА *къ Дидонѣ.*

Имѣешъ воинъ сей вѣсть тайную сказать.

ДИДОНА *къ воину.*

Вѣщай!

ВОИНЪ.

Противъ тебя дерзаютъ возставать.
Гетульскаго Царя посолъ ожесточенный
По граду здѣсь лѣтъ ядъ злости сокровенный.
Вельможей, воиновъ сребромъ прельщая взоръ,
Готовитъ на тебя погибелей соборъ;
А тѣмъ, которыхъ духъ лишь гордость ослѣняетъ,
Онъ стыдъ зрѣть странника на тронѣ представляетъ.

ДИДОНА.

Усердіе твое, какъ должно, признаю.
Поди. Воспомню я преданность мнѣ твою.
Воинъ уходитъ.
Герой любовникъ мой, могу ли устрашаться!
Но ахъ! онъ самъ меня старается скрываться,
Въ тотъ день, какъ къ щастію готовлюсь моему!
Предчувствую ударъ я сердцу своему!
Енея нѣтъ со мной. Ахъ! что тому виною?
Что сдѣлалось ему? что станется со мною?

ЕЛИЗА.

Злой умыслъ на тебя увѣдавъ, можетъ быть,
Въ сей часъ злодѣйскій ковъ онъ тщится истребить.

ДИДОНА.

Съ моими мыслями, Елиза, ты согласна;
Конечно до него дошла та вѣсть ужасна,
Которая любви его грозитъ бѣдой.
Поди, скажи ему, чтобъ вкупѣ онъ со мной
Устроить все пришелъ. Скажи, что я страдаю,
Что безъ него души въ себѣ не ощущаю.

ЯВЛЕНІЕ III.

ДИДОНА, АРСИНА.

ДИДОНА.

Что я ни говорю, но духъ смущеньемъ полнъ;
Колеблюся страстей среди различныхъ волнъ;
Смущаюсь, радуюсь, надѣюсь, унываю;
Не тщетноль радуюсь? не тщетноль уповаю?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДИДОНА, ЕЛИЗА, АРСИНА.

ЕЛИЗА.

Царица! ахъ!... Еней!...

ДИДОНА.

Сверши.

ЕЛИЗА.

Ужъ на брегахъ,
И воиновъ его ужъ часть на кораблѣхъ....

ДИДОНА.

О вѣсть ужасная! все ясно понимаю:
Еней меня бѣжитъ, я жизнь мою теряю!
къ Елизѣ.
Способствуй ты любви отчаянной моей;
Когда не хочешь зрѣть моихъ кончины дней;
Стремись и возврати мою въ Енеѣ душу,
Скажи ему, что жизнь мою въ сей часъ я рушу,
Проси, моли, пролей потоки горькихъ слезъ,
Грози за смерть мою отмщеніемъ небесъ.
Явя ему все то, что духъ мой ощущаетъ,
Скажи ему... скажи: Дидона умираетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ДИДОНА, АРСИНА.

ДИДОНА.

Се часъ, который мнѣ то ясно показалъ,
Присутствa моего почто Еней бѣжалъ.

Се люпая вина при мнѣ его смятенья:
За всю мою любовь готовилъ мнѣ мученья.
Обманывала я несчастная себя!
Моглаль измѣнникомъ, Еней, считать тебя,
Тебя, котораго всему предпочитаю!
И днесь, лишь только то себѣ воображаю,
Что хочешь ты меня несчастну покидать,
Не вѣря, я тебяжъ желаю оправдать.

АРСИНА.

Забылъ Еней, забылъ твое благодѣянье.

ДИДОНА.

О мысль жестокая! смертельное терзанье!
Арсина! вѣрь тому, что я напрасно рвусь;
Смятенная мечтой, мечтою я крушусь.
По клятвахъ таковыхъ Еней меня оставитъ?
Ахъ, нѣтъ! Еней себя, Еней не обезславитъ....
Елизу вижу я. Елиза ты одна!
Конечно я въ сей день умрешь осуждена!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДИДОНА, АРСИНА, ЕЛИЗА.

ЕЛИЗА.

Тебѣ способствуютъ безсмертны сами боги;
Еней...

ДИДОНА.

Гдѣ онъ?

ЕЛИЗА.

Въ сіи вступаетъ ужъ чертоги.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДИДОНА, ЕНЕЙ.

ДИДОНА.

Я слышала, что ты оставить предпріялъ
Несчастную меня, что ты уйти желалъ.
Желалъ ты, или нѣтъ, меня въ томъ увѣряли;
Я думаю, что то мнѣ ложно объявляли.
Не вѣрю я тому... Но ты, Еней, молчишь.
Не вѣрю... ахъ тиранъ! ты вѣришь мнѣ велишь!
Смятеніе твое и люпое молчанье
Есть смерти моея ужасно предсказанье.
Се плодъ моей любви, се нашихъ жаръ сердецъ!
Сгараю я тобой и гибну наконецъ.
Взгляни ты на меня; почто страшишься видѣть,
Которую возмогъ ты днесь возненавидѣть?
Взгляни, Еней; не гнѣвъ узришь въ лицѣ моемъ,
Увидишь смерти тѣнь единую на немъ:
Взгляни ты на меня, примѣть мое мученье.
Иль устрашаешься придти ты въ сожалѣнье?
Мужайся, ты герой; отъемли жизнь мою
И ахъ, безъ робости пронзай ты грудь сію
И сердце страстно, гдѣ твой образъ обитая...

ЕНЕЙ.

Не отлягчай меня ты, мучась и страдая.
Днесь должно твердость намъ обѣимъ воспріять,
Другъ другу помощи пропивъ себя давать.
Довольно безъ тебя я самъ собой размученъ;
И безъ дражайшихъ слезъ твоихъ я злополученъ.
Мужайся, утверди меня пропивъ себя.
Любовь свою ко мнѣ навѣки истреби,
Вспомоществуй ты мнѣ несчастливѣй всѣхъ быти,
Вспомоществуй въ очахъ токъ слезный затвориши;
А ежели не льзя повелѣвать слезамъ,

Да будетъ въ слабости подпорой слава намъ,
Чтобы сказалъ весь міръ, о насъ съ тобой жалѣя:
Не могъ сразити рокъ Дидону и Енея...
Мнѣ боги отъ тебя велятъ навѣкъ отстать.

ДИДОНА.

Не можетъ божество невинную карать;
Богами тщетно ты невѣрность закрываешь.
Зевесъ! ты слыша ложь, его не поражаешь!

ЕНЕЙ.

Въ сію ужасну ночь, о гибельный ударъ!
Онъ самъ мнѣ повелѣлъ тушить къ Дидонѣ жаръ
И вспомнить мой обѣтъ. Намъ должно разставаться.
Осмѣлишься ль Еней богамъ сопротивляться?

ДИДОНА.

Почтожъ, жестокій! мнѣ ты прежде не сказалъ,
Что самъ Зевесъ твою любовь опровергалъ?
На то ли овладѣлъ моею ты душою,
Чтобы извлечь ее въ сей день твоей рукою?

ЕНЕЙ.

Удобноль въ радостяхъ желать то предузнать,
Что наши радости возможетъ огорчать?
Къ утѣхамъ я любви одной стремясь всечасно,
Отъ мыслей отвращалъ предвѣденье ужасно.
Я мыслилъ, что Зевесъ, гремящій въ небесахъ,
Всю славу утвердилъ мою въ твоихъ красахъ;
Что боги люпые, немилосерды боги
Не будутъ для тебя ко мнѣ толико строги.
Но тщетно все! Зевесъ на смерть иттти велитъ,
Далеко отъ тебя Енея онъ стремитъ.
Предчувствую, со мной что можетъ приключиться;
Ужъ сердце отъ меня готово отлучиться;
Всѣ радости мои останутся съ тобой;
Смертельный, люпый пупь я вижу предъ собой.

Я лишь тобою жизнь могу въ себѣ питати...
Но ахъ! я долженъ днесь о славѣ помышляти.

ДИДОНА.

Бѣги, жестокій ты, и оставляй меня!
Бѣги, не буду я себя стыдить стеня;
Не буду предъ тобой вздыханьемъ унижаться,
Не хочешь быть со мной, и я хочу разстаться,
Сего лишь я ждала, чтобъ сами тѣ уста,
Которыхъ клятвами здѣсь полны всѣ мѣста,
Которы вѣчною любовью увѣряли,
Чтобъ тѣжъ уста свою невѣрность возвѣщали,
Разлуку вѣчну мнѣ веля съ собой снести.
Узнала я тебя, Еней; навѣкъ прости...
Навѣкъ, увы! навѣкъ! о слово преужасно
Въ любви сгарающимъ и зрѣвшимся всечасно!
Какъ мѣсяцъ, годъ снести возлюбленной твоей,
Чтобъ раздѣляло насъ толь множество морей,
Чтобъ начинался день, и день оканчавался,
А тыбъ, драгой Еней, съ Дидоной не видался?
Не боги, нѣтъ, меня оставити велятъ;
Нѣтъ, смерти моея безсмертны не хотятъ;
Ея желаешь ты. Коль винна я предъ вами,
Разите, небеса, меня въ сей часъ вы сами!
Чѣмъ гнѣваю боговъ? Тѣмъ разъѣ ихъ гнѣвлю,
Что болѣе всего, Еней, тебя люблю?
Иль хочешь смертію моей себя прославить?
Не оставляй меня, мой духъ меня оставитъ;
Не оставляй меня для горькихъ слезъ моихъ!
Тебѣль, Еней, тебѣль искать утѣхи въ нихъ?
Воспомни клятвы всѣ, мнѣ данныя тобою,
И зри у ногъ твоихъ Царицу предъ собою.

ЕНЕЙ.

Ахъ, что ты дѣлаешь!

ДИДОНА.

Не умерщвляй меня!
Иль бѣдную на смерть, жестокій, обвиня,

Пронзи ты грудь мою дражайшею рукою;
Утѣшь хоть тѣмъ, когда не хочешь быть со мною;
Я жизни безъ тебя не возмогу сперпѣть.
Что въ свѣтѣ мнѣ, когда тебя не буду зрѣть!
Кому несчастная Дидона станетъ вѣрить,
Когда и самъ Еней предъ нею лицемѣритъ?
Къ кому, лишась тебя, прибѣгну я стеня?
Ни смертныхъ, ни боговъ не будетъ для меня...
Я слышу стонъ въ устахъ твоихъ!

ЕНЕЙ.

Я страждy, рвуся;
И какъ не рваться мнѣ? съ Дидоной разстаюся!
Днесь гибнетъ весь мой свѣтъ, теряю все, что есть;
Тебя теряю, жизнь... но остается честь.
Размученъ страстію, расперзанъ, безпокоенъ,
Тогда лишь буду я любви твоей достоенъ.
Любовь твоя тебя не станетъ посрамлять:
Къ герою будешь ты тѣ вздохи устремлять,
Которы подаешь бѣгущему Енею.

ДИДОНА.

Ступай; я болѣе просити не умѣю.
Мнѣ полно мучиться; я много слезъ лила
И долго предъ тобой любовницей была;
Царица буду днесь. Довольствуйся геройствомъ.
Оставь меня, пришлецъ, звѣрямъ подобный свойствомъ!
Вѣщаютъ, что въ тебѣ безсмертныхъ кровь течетъ;
Не правда, лютый тигръ тебѣ далъ видѣть свѣтъ;
Въ утробѣ ты зачатъ свирѣпѣйшія львицы!
Бѣги и удались несчастнѣйшей Царицы;
Сокрой противный взоръ невѣрныхъ ты очесъ,
Въ которыхъ видѣла я прежде даръ небесъ;
Сокройся, удались... о чемъ ты помышляешь?

ЕНЕЙ.

Я мышлю, что ты гнѣвъ невинному являешь...
И такъ ужъ ты меня изъ сердца своего...
Я мышлю, что... ахъ, нѣтъ! не мышлю ничего!

ДИДОНА.

Чтобъ я невѣрностью твоею огорченна,
Жалѣть измѣнника была бы униженна.
Чтобъ я... тиранъ! узнай, могу тебя забыть;
Я больше сдѣлаю: хочу супругой быть
Тому, котораго я прежде презирала,
Которому тебя я, льстецъ, предпочитала.
Я съ Ярбомъ сопрягусь, съ нимъ буду вѣчно жить:
Въ сей день и при тебѣ хочу я объявить.
Въ сей часъ къ посланнику его...

ЕНЕЙ.

Постой, жестока!
И ты согласна ставъ съ свирѣпостію рока,
Намѣсто, чтобъ мою судьбину облегчить,
Стремишься смерть мою лишь болѣ ожягчить!
И такъ, о небо! я уже всего лишаюсь,
И не съ возлюбленной я нынѣ разлучаюсь;
Съ невѣстой Ярбовой...

ДИДОНА.

Мнѣ слава то велитъ.
Любовь сердца сплела, а слава разлучитъ.
Я славы голосу тебя не меньше внемлю;
Какъ ты, и я такъ честь себѣ въ законъ пріемлю.
Иной узнаетъ то, соединясь со мной,
Что можно съ честію владѣти сей страной;
Что больше мой престолъ принесть возможетъ славы,
Какъ неизвѣстныя исканіе державы.
Въ иномъ я радости и счастье буду зрѣть,
Которыя въ тебѣ я льстилася имѣть.
Иной мнѣ возвратитъ все, что тобою трачу.
Иной... ты слезы льешь, и я съ тобою плачу!
Еней! не вѣрь словамъ отчаянной любви;
Лишась тебя, умру!... несчастну оживи!
Закрой мой гробъ; мой духъ ужъ съ тѣломъ разстается!

ЕНЕЙ.

Живи, дражайшая! Еней твой остается.

ДИДОНА.

О слово радостно, неожиданно мной!
Я душу предаю тебѣ съ моей рукой.

Тимаръ входитъ.

Тимаръ, скажи жрецамъ мое ты повелѣнье,
Чтобъ воздали богамъ мое благодаренье,
И украшали бы ко браку олтари.
Мы внидемъ въ храмъ напредь вечернія зари.
А самъ готовь мой тронъ съ короною моею,
Тѣ слабые дары любви моей Енею.

ТИМАРЪ *одинъ къ воину съ нимъ вшедшему.*

Я въ храмъ иду; а ты ко Ярбовымъ посламъ;
Скажи, что видъ иной сталъ паки всѣмъ дѣламъ;
Что къ предпріятію ужъ все теперь готово,
И что исполнится Тимаромъ данно слово.

КОНЕЦЪ

Третьяго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЯРБЪ *одинъ.*

Свирѣпа ада дщерь, надежда злобныхъ, месть,
Къ чему несчастнаго стремишься ты привесть?
Люшѣйшей ярости мнѣ въ сердце ядъ вливая,
Влечешь меня на все, мнѣ очи закрывая....
Дидона нѣжну страсть удобна ощущать;
Но сердце кто ея дерзаетъ обольщать?
Пришлецъ, ругаяся моей несносной части,
Въ утѣхахъ изчислять тѣ станетъ всѣ напасти,
Которы долженъ ты отъ странника терпѣть;
Онъ въ прелестяхъ ея всечасно будетъ зрѣть,
Колико щастливъ онъ, и сколько я несчастенъ.
Благополученъ врагъ, а я лишь только страстенъ!
О ты! котораго всѣ чтутъ моимъ отцомъ,
Великій Юпитеръ, держащій страшный громъ,
Зри сыну твоему творенныя досады!
Впервые для своей молю тебя отрады:
Когда ты мой отецъ, яви, что я твой сынъ;
Изъ мрака грозныхъ тучь, природы руша чинъ,
Мнѣ сей ужасный день въ ночь шемну претворяя,
Не солнцемъ, молніей всю землю озаряя,
Вселенну потряси и громомъ поражай;
Низвергни городъ сей, блистай, греми, карай....
Но что! Слова мои напрасно я теряю,
И своего отца безъ пользы умоляю.
Когда ты не разишь, тебя отцемъ не чту,
И только тщетную я зрю въ тебѣ мечту;
Безсиленъ ты смягчить души моей мученье.
Мнѣ боги фуріи, отецъ мой помощенье!

Мой мечь помощникъ мнѣ; сей мечь въ моихъ рукахъ
Безъ помощи твоей преобратитъ все въ прахъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЯРБЪ, ГІАСЪ.

ЯРБЪ.

Ужель все сдѣлано? Открытъ ли путь мнѣ къ мести?

ГІАСЪ.

Мы можемъ внити въ храмъ; но ты противу чести,
Еще дерзну сказать, желаешь поступить,
И славу многихъ лѣтъ въ минуту погубить.

ЯРБЪ.

Что въ славѣ, коль она отмщати запрещаетъ?
Въ обидѣ унывать, то славу помрачаетъ.
Въ суровыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обладаю я,
Не научилася жалѣть любовь моя.
Пускай иной, снося отказъ своей любезной,
Вздыхаетъ съ радостью, лiетъ изъ глазъ токъ слезной,
Отъемлющаго все совмѣстика щадитъ;
Меня не плачь, но кровь за муки наградитъ.
Одной свирѣпостью народъ мой только славенъ;
Народа люта Царь, ему хочу быть равенъ.

ГІАСЪ.

Страшуся, Государь, твой грозный видя взоръ!
Ты вѣчный для себя содѣлаешь позоръ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯРБЪ, ГІАСЪ, ТИМАРЪ.

ТИМАРЪ.

ярь ужъ вся твоя надежда миновалась,
олько месть одна утѣхою осталась.
ѣ во храмъ вошелъ, побѣдою гордясь,
ору надъ Царемъ обрѣлъ бѣгущій Князь.
Дидоной предъ тобой онъ будетъ сочетаться.

ЯРБЪ.

о, боги! можетъ духъ мой въ тѣлѣ удержаться?
злости рвуся я, и рвуся отъ стыда.
ѣй во храмъ пошелъ, и я иду туда.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТИМАРЪ, АНТЕНОРЪ.

ТИМАРЪ.

олѣ, Антеноръ?

АНТЕНОРЪ.

Я храма удалился,
ъ стыдъ Троянъ въ глазахъ моихъ не совершился.
а ты люпость, рокъ, на Трою истощилъ,
асъ летящу смерть почто остановилъ?
блибъ мы тогда отечества на лонѣ,
былибъ рабы любови и Дидонѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ДИДОНА, АНТЕНОРЪ.

ДИДОНА.

Все гибнетъ, небеса! все гибнетъ, Антеноръ!
Я шла во храмъ, но пыль столпомъ запьмила взоръ.
Спираяся у вратъ изъ храма всѣ стремятся;
Посолъ Гетульскій тамъ; мечами тамъ разятся;
Стенанье, вопль и шумъ. Во храмѣ мой Еней,
Туда пошелъ со мной ждать радости своей,
А смерть онъ можетъ быть незапную встрѣчаетъ,
И можетъ быть уже въ сей часъ свой вѣкъ кончаетъ
Спѣши, о Антеноръ! и я иду съ тобой.

АНТЕНОРЪ *удерживая Дидону.*

Безъ пользы будетъ тамъ приходъ, Царица, твой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДИДОНА *одна.*

Я чувствъ лишаюся, мои трепещутъ ноги.
Разите вы меня, о праведные боги!
Спасите только лишь Енея моего.
Виновна я, что онъ завѣта твоего,
О ты, отецъ боговъ! поднесь не могъ исполнить;
Героя слабостью дерзнула я наполнить.
Щади его! твоя течетъ въ Енеѣ кровь.
Пускай презрѣвъ мой стонъ, забывъ мою любовь,
Возлюбленный навѣкъ отселѣ отъѣзжаетъ....
Ахъ, что въ отчаяньи любовь моя вѣщаетъ!
Не вѣдаю, чего въ тоскѣ хочу моей:
Увы! хочу одной лишь смерти я своей.

Пусть мертвую меня оставитъ мой любезный,
На гробѣ онъ моемъ потокъ проливши слезный.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДИДОНА, ЕЛИЗА.

ДИДОНА.

Что сдѣлалось, скажи?

ЕЛИЗА.

Весь храмъ смятеньемъ полнъ.
Насилу извлеклась народа я изъ волнъ.

ДИДОНА.

Не видѣлаль... увы! спросить я не дерзаю.
Скажи... трепещетъ духъ... гдѣ мой Еней?

ЕЛИЗА.

Не знаю.

ДИДОНА.

Смятеніемъ еще въ сей часъ наполненъ храмъ;
А ты не видѣла, увы! Енея тамъ.
Конечно онъ погибъ, и нѣтъ ужъ въ томъ сомнѣнья.

ЕЛИЗА.

Не можно описать толь страшнаго волненья.
Колеблется весь храмъ, трясутся стѣны въ немъ.
Вельможи и жрецы, въ смятеніи своемъ,
Другъ другу вонъ изходъ, тѣсняся, заграждаютъ;
Разбиты олтари со трескомъ упадаютъ.
Тамъ подавленныхъ стонъ, тамъ слышанъ звукъ мечей;
Иной гласитъ: погибъ несчастливый Еней!

Иной кричитъ: онъ живъ, но палъ посолъ тиранна!
Изпорглася отполь въ сомнѣньи, бездыханна,
Трепещуща, безъ чувствъ, не зная ничего.

ДИДОНА.

Увы! къ жестокости страданья моего,
Елиза, придала ты больше мнѣ мученья.
Сама иду во храмъ, лишаюся терпѣнья.

ЕЛИЗА.

Ты хочешь жизнь свою опасности предать.

ДИДОНА.

Что въ жизни мнѣ, когда Енея не видать?
Что въ свѣтѣ, коль его я въ немъ не буду зрѣть?
Пойду спасти его, иль купно умереть.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДИДОНА, ЕНЕЙ, ЯРБЪ *въ оковахъ и воин*

ДИДОНА.

Что вижу я? Еней! драгой Еней, ты здравъ!

ЕНЕЙ.

Живу, рукой своей я варвара поправъ.
Во храмѣ, я тобой имѣя сердце плѣнно,
Отъ смертныхъ, отъ боговъ къ Дидонѣ отвлеченно
Къ сердечнымъ радостямъ всю душу обративъ,
Присутствія твоего я ждалъ, весь міръ забывъ.
Вельможи и народъ въ молчаньи предстояли,
Прихода твоего и сами боги ждали;
Ко жертвованью былъ готовъ священный ликъ.
Незапно возстаетъ вдали смятенный крикъ,
Весь движется народъ, отъ звука храмъ трепещет

Какъ волны страшныя къ брегамъ вихрь сильный мещетъ
И извергаетъ въ нихъ чудовище изъ водъ,
Таковъ во ужасѣ волнуяся народъ,
Разверзшись, вдругъ посла Гетульска открываетъ.
Какъ молнія остръ мечь въ рукахъ его блистаетъ,
Какъ угліе глаза кровавые горятъ,
Отъ ярости уста безмолвные дрожатъ.
Предстать и мечь вознесть была одна минута;
Но я предупредилъ сего злодѣя люта,
Исторгнулъ мечь изъ рукъ и въ узы заключилъ.

ДИДОНА *Ярбу.*

Чудовище! тебя тому кто научилъ?
Кто право далъ тебѣ?

ЯРБЪ.

О томъ не вопрошая,
Послѣдуй строгости, ты часть мою свершая.

— ДИДОНА.

Убійца злой! посолъ великаго Царя!
Законы святости народовъ всѣхъ презря,
Достоинъ смерть вкусить ты, всѣ стерпя мученья!
Коль хочешь жить, пади предъ нимъ, проси прощенья!
Презрѣвъ тебя, въ сей часъ изъ града изведутъ.

ЯРБЪ.

Хоть громы на меня съ небесъ въ сей часъ падутъ,
Хоть адъ откроешь мнѣ ты гнѣвною рукою,
Я сниду и во адъ съ неподлою душою.

ДИДОНА.

Съ неподлою? тиранъ! неподлымъ хочешь быть,
А ты, какъ гнусный тать, въ сей часъ дерзалъ разить.
къ Енею.
Злодѣя нашего твоей даю я власти;
Еней, властителемъ его ты будешь части.

ЯРБЪ.

Стыдяся подданны правленья бѣглеца,
Досадой полны ихъ противъ тебя сердца.

ДИДОНА.

Блаженствомъ подданныхъ моихъ мой троиъ крѣпится;
Тиранамъ лишь однимъ рабовъ своихъ страшишься.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЕНЕЙ, ЯРБЪ *въ оковахъ и воины.*

ЕНЕЙ.

Теперь въ рукахъ моихъ и смерть и жизнь твоя,
Отвѣтствуй мнѣ, скажи, тебѣ что сдѣлалъ я?
Что привело злодѣйствовать Енею?
Но ты молчишь.

ЯРБЪ.

Какъ мнѣ отвѣтствовать злодѣю?
Отдай отъятый мечь, съ мечемъ я дамъ отвѣтъ.
За стыдъ мой кровь твоя ручьями потечетъ.

ЕНЕЙ.

Кто Ахиллеса зрѣлъ и въ полѣ съ нимъ сражался,
Тотъ злостибъ Ярбова посла не убоялся;
Но славы моея я тѣмъ не сбрегу,
Когда прерву ту жизнь, котору дать могу.

ЯРБЪ.

Ты жизнь мнѣ дашь? къ чему я приведенъ судьбою!
Рази! что въ жизни мнѣ, коль буду жить тобою!

ЕНЕЙ.

Но гордость такова прилична ли рабу?
Покорство часть твоя; вмѣстись въ твою судьбу.

ЯРБЪ.

Покорство! мнѣ робѣть? мнѣ кланяться Енею?
Я къ страху не привыкъ и ползать не умѣю.
Того единаго страшуся только я,
Чтобъ даромъ не была твоимъ мнѣ жизнь моя.
Отъемли ты ее; она въ твоей днесь волѣ;
Когда я буду жить, не жить злодѣю болѣ.

ЕНЕЙ.

Покорства твоего не требуетъ Еней;
И буду ли великъ я низостью твоей?
И наглостью, что ты величествомъ считаешь,
Въ жестокости своей меня не унижаешь.
Стремися раздражать и рвись, тирановъ рабъ;
Прощаю все тому, кто предо мною слабъ.
Ты, раздразивъ меня, возвыситься тѣмъ чаешь;
Но тщетна мысль твоя, и ты меня не знаешь.

ЯРБЪ.

Что знать мнѣ о тебѣ? бѣгущій ты Еней;
Но Ярба ты узнай; смотри, твой здѣсь злодѣй.
Узнай совмѣстника, Дидоною прельщенна,
Въ оковахъ зри его, оружія лишенна.

ЕНЕЙ.

Что нужды въ томъ? Хоть Царь, хоть рабъ, кто ты ни есть,
Злодѣя зрю въ тебѣ. Твоя презрѣнна месть,
Хотябъ ты богомъ былъ, и богабъ помрачила.
Благодари судьбѣ, что мнѣ тебя вручила:
Къ несчастливымъ Еней не можетъ быти строгъ;
На мѣстѣ брани я врага сразить бы могъ,
Опасность равная тамъ славой озаряетъ;
Но сильный честь свою свирѣпостью теряетъ.
Царь, пользуйся въ сей часъ щедротою моей:
Енея ты не зналъ; узнай же, кто Еней.

Злодѣю моему люпѣйшему прощаю,
Ему я честь и жизнь, и вольность возвращаю.
Снявъ узы, воины, отдайте мечь ему.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЯРБЪ *одинъ.*

Пріемлю даръ тебѣ на гибель самому.
Щедроту чувствую, но отъ кого? о боги!
Въ стыдѣ мой рвется духъ, меня не держатъ ноги!
Я въ узахъ былъ, и былъ ко смерти осужденъ,
Енею долженъ всемъ, Енеемъ свобожденъ!
Рѣчь кажда на главѣ власы мои вздымаетъ!
Щедрота вражеска лишь злобу умножаетъ.
Стократъ довольнѣй бы своимъ я рокомъ былъ,
Коль милостьюбъ мой врагъ меня не отягчилъ.
Енеемъ я живу! Енеемъ свѣтъ сей вижу!
Я мерзостенъ себѣ, себя я ненавижу.
Но злобою клянусь на то лишь только жить,
Чтобъ кровію твоей безчестіе омыть.
Мечемъ клянусь, мнѣ симъ твоимъ дражайшимъ даромъ,
Въ сію же ночь предстань тебѣ во гнѣвѣ яромъ.
Коль хочешь, можешь рокъ еще меня разить;
Я все тебѣ прощу, когда могу отмстить.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЯРБЪ, АНТЕНОРЪ *и воины.*

АНТЕНОРЪ.

Дидона чрезъ меня то Ярбу возвѣщаетъ,
Что за злодѣйствіе ему не отомщаетъ;
Чтобъ шелъ изъ града вонъ въ сей часъ онъ невредженъ,
И будетъ воинствомъ онъ симъ препровожденъ.

ЯРБЪ.

Иду изъ града вонъ; но пусть Дидона знаетъ,
Что люта месть ее съ Енеемъ ожидаетъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

АНТЕНОРЪ *одинъ.*

Внемлите, небеса, моленію Троянъ!
Освободите ихъ отъ сихъ противныхъ странъ!
Представьте мнѣ въ любви померкшаго героя,
Енея, кѣмъ должна воздвигнута быть Троя!
Внушите силу вы глаголу моему,
Что былъ онъ, и что сталъ, дать чувствовать ему!...
Се онъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЕНЕЙ, АНТЕНОРЪ.

ЕНЕЙ *Увидя Антенора.*

Не мыслилъ я, чтобъ могъ того увидѣть,
Который долженъ днесь меня возненавидѣть.
Взирая на тебя, я совѣстью грызусь.

АНТЕНОРЪ.

И я узрѣвъ тебя, отъ горести мятусь.
Представилися мнѣ Пергамскіе герои,
Сыны, защитники низверженныя Трои;
Гекторъ, Троилъ и самъ представился Еней,
Ты помнишь ли себя?... Нѣтъ, въ слабости своей
Въ сей часъ, когда мой гласъ героевъ изчисляетъ,
Анхизовъ сынъ красы Дидоны воображаетъ.

ЕНЕЙ.

Царица, коея дивится власти свѣтъ...

АНТЕНОРЪ.

Кто изъ гражданъ твоихъ, тебѣ изшедшихъ въ слѣдъ,
Изъ коихъ многіе Енею кровью равны,
Кляшвъ преступленія твои узрѣвъ безславны,
На тронѣ зря тебя, не будетъ огорченъ?
Что въ томъ, что будешь ты въ порфиру облеченъ?
Величествомъ твой вѣкъ лишь только помрачится,
Порокъ въ лучахъ вѣнца ужаснѣе явится;
На трона высотѣ безчестіе виднѣй.
Мечь правосудія ты надъ главой своей,
Карающь мечь боговъ всечасно видѣть будешь;
Лишь помня гнѣвъ небесъ, ты скипиръ въ рукахъ забудешь.
Ступай, и презри скипиръ, вручаемый женой!

ЕНЕЙ.

Но духъ останется навѣкъ въ Дидонѣ мой.
Могуль снесши изъ устъ Дидониныхъ укоры
И плачущихъ очей прежалостные взоры?
Могуль свой долгъ тогда на память призывашь,
Отъ сердца какъ ея свое я стану рвать?
Погибни лучше все, Италія и слава,
И свѣта цѣлаго обѣщанна держава!
Вторично пламенемъ ты, Троя, изтребись!...
Ахъ, что вѣщаю я!...

АНТЕНОРЪ.

Несчастный, устрашись!
Зевесъ! такую рѣчь изъ устъ его внимая,
Ты громъ свой удержи, ослабшему прощая.
Оставь!... весь умъ его мрачитъ кипяща кровь;
Прости! не онъ то рекъ, сказала то любовь.

ЕНЕЙ.

Оставь мнѣ то, Зевесъ, пороковъ изтребитель!
Оставь мою вину и ты, драгой родитель!
Не укоряй меня; я самъ себя стыжусь.
Жестокая любовь! я днесь тебя страшусь.

АНТЕНОРЪ.

Она, Еней, тебя со Троей разлучаетъ.
Се Гекторъ смертныя оковы разрываетъ
И сильною рукой нѣдра земли трясетъ,
Взираетъ на тебя, и зря, не познаетъ.
Великая душа! о тѣнь окровавленна!
Съ тобою наша вся надежда заключенна.
Оставь мнѣ то, герой, что рушу твой покой!
Я знаю, страждешь ты, днесь слыша голосъ мой,
И за отечество Енея укоряешь,
И раны всѣ свои кровавы изчисляешь...
Не стало Гектора, и ужъ Енея нѣтъ;
Не палъ нашъ градъ тогда, се Троя днесь падетъ.
Любовь твой дѣла геройски помрачаетъ
И прежній славы лавръ съ главы твоей снимаетъ.
Но если славу ты уже пересталъ любить,
Которая можетъ насъ съ безсмертными сравнить,
Когда ты не герой, то ужасомъ тронися;
Воспомни клятвы ты, и клятвъ своихъ страшися.
Зевесъ, котораго тобой презрѣнъ предѣлъ,
Въ Италіи искать отечества велѣлъ.
Представь себѣ, что ты пренебрегать дерзаешь;
Весь громъ ты на себя небесный привлекаешь.
Воспрепещи и зри источникъ горькихъ слезъ,
Всѣхъ спутниковъ изъ сихъ ліющійся очесъ;
Зри тѣнь родителя унылу, раздраженну,
Презрѣніемъ къ тебѣ и гнѣвомъ воспаленну.
Анхизъ! се твой Еней... Внимай! онъ вопіетъ:
Енея зрѣть хочу; но здѣсь Енея нѣтъ!
Познай, Анхисъ, познай несчастнаго ты сына!

ЕНЕЙ.

О должность! о любовь! о грозная судьбина!
Коль рокъ велитъ, пойдемъ и сей оставимъ градъ,
Порочны узы гдѣ мой страстный духъ тягчатъ,
Которыхъ я бѣгу, которыми прельщаюсь.
Любовь оставилъ я, и славѣ подвергаюсь.

АНТЕНОРЪ.

Ты паки сталъ Еней, герой и кровь боговъ!
Восторгомъ я плѣненъ отъ звука оныхъ словъ.

ЕНЕЙ.

Поди къ Дидонѣ ты, смягчи мое страданье,
Прими къ ней отъ меня, отъ ней ко мнѣ прощанье;
А я, чтобъ сей ударъ несноснѣйшій стерпѣть,
Въ послѣдній разъ ее въ сей часъ не буду зрѣть,
Не буду взоромъ я прекраснымъ наслаждаться;
Идущему на смерть мнѣ должно утверждаться.
Умѣрь въ ней скорбь, меня удобну погубить,
Скажи ты ей, мой другъ, что буду въ вѣкъ любить;
Что вѣсти внявъ о ней печальны и жестоки,
Въ отчаяньи пролью не слезъ, но крови токи;
Скажи... но отъ меня ты отвращаешь взоръ;
Жалѣй меня, жалѣй, любезный АнтенорЪ!
Я не презрѣнія, но жалости достоенъ.

АНТЕНОРЪ.

Смотри, какъ страстію твой нынѣ духъ разстроенъ!
Любовь порочишь ты; но тщетно узы рвешь,
Тщась слезы удержать, потоки слезъ лiешь.

ЕНЕЙ.

Прости! Я все гублю, чѣмъ жизнь меня прельщаетъ;
Въ мучительную смерть рокъ дни преобращаетъ,
Которы мыслилъ я Дидонѣ посвятить.
Я слезъ потокъ лiю, и буду вѣчно лить;

Но не воображай, чтобъ я, страшася бѣдства,
Къ спокойству своему желалъ безславна средства,
Что бы, какъ боги мнѣ прославиться веляшъ,
Не смѣлъ бы я хотѣть оставити сей градъ.

АНТЕНОРЪ.

Яви то днесь, души всѣ силы собирая,
И превзойди себя, ты страсть превозмогая;
Бѣги! намъ въ томъ сама способна будетъ ночь.
Мы побѣждаемъ страсть, бѣжа отъ страсти прочь.

ЕНЕЙ.

Пойдемъ... но должно намъ безсмертныхъ вопроситн,
Намъ должно жертвами ихъ въ помощь пригласити.
Побудемъ здѣсь еще, останемся на часъ.

АНТЕНОРЪ.

Примѣть ты страстнаго въ словахъ сихъ сердца гласъ.
Терзаясь, ослабѣвъ, къ богамъ ищи желаешь;
Но вѣдай, не къ богамъ, ты къ страсти прибѣгаешь.
Обманываешь самъ ты въ горести себя,
И страждешь ты, Еней, свою болѣзнь любя.
Останься здѣсь на часъ, чтобы на вѣкъ остаться.

ЕНЕЙ.

Какъ будетъ, ахъ! о томъ Дидона сокрушаться!
Умретъ она, и я прекрасну погублю.
Я варваръ, Антеноръ, боговъ я прогнѣвлю.

АНТЕНОРЪ.

Боговъ, Еней? боговъ уже ты огорчаешь;
Иль гнѣва ихъ еще до днесь не ощущаешь?
Воспомни мечь, въ сей день на грудь твою взнесенъ;
Ты для раскаянья отъ смерти свобожденъ.

ЕНЕЙ.

О нестерпима часть! о ты вершина бѣдства!
Такъ мнѣ съ Дидоной быть ни малаго нѣтъ средства?

Въ тебѣ, дражайша, все, что въ свѣтѣ я люблю,
И ты пылаешь мной, а я тебя гублю!
Могу ли варварствомъ я быть на свѣтѣ славенъ?
Я жесточайшему злодѣю буду равенъ.

АНТЕНОРЪ.

Но чтожъ Троянамъ мнѣ сказать?

ЕНЕЙ.

Увы! вели,
Любезный Антеноръ, готовить корабли.
Вамъ, боги, предаю Дидону я несчастну!
Избавьте бѣдъ ее, храните вы прекрасну!

КОНЕЦЪ

Четвертаго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДИДОНА, ЕЛИЗА.

ДИДОНА.

Еще по всей землѣ простерта темнота.

ЕЛИЗА.

Какая мысль твою встревожила мечта,
Что ты спокойство сна такъ рано разрушаешь?

ДИДОНА.

Еней мечтался мнѣ; еще ли вопрошаешь?
О сонъ пресладостный, прервавшій мой покой!
Енея видѣла идущаго со мной
Во храмѣ утвердить сердечно сочетанье:
Мой вникнувъ страстный духъ въ толь лестное мечтанье,
Восторгомъ радости во мнѣ встрепеталъ,
И сонъ движеньемъ симъ отъ глазъ моихъ отстпалъ.
Но ночь еще своей завѣсы не снимаетъ
И часъ Енея зрѣть Дидоны убѣгаетъ.
Поди, Елиза ты, вели сказать ему,
Чтобъ сердцу, сна отставъ, отдался моему.
Скажи, хоть я всегда не зря его скучала;
Но ввѣкъ его еще такъ видѣть не желала.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИДОНА, *Воинъ.*

ВОИНЪ.

Измѣною ли то, иль силой можетъ быть,
Ярбъ съ воинствомъ во градъ въ сей часъ дерзнулъ вступить.

ДИДОНА.

Еще ли бѣдствіе отъ Ярба мнѣ осталось!
Енея нѣтъ со мной! ахъ, что съ Енеемъ сталось?
Къ Воину.
Спѣши, чтобъ воинство устроенно на бой,
Умрешь, иль побѣдишь готовилось со мной.
Воинъ уходитъ.
Се часъ, въ который я рабовъ познаю вѣрность,
И мзду получитъ ли щедротъ моихъ безмѣрность.
Я добродѣтели днесь буду ждать плодовъ.
Узнаю смертныхъ я, узнаю и боговъ.
Но между тѣмъ еще Енея нѣтъ со мною;
Страдаетъ грудь моя наполненна тоскою.
Елизы я не зрю, и ахъ, Енея нѣтъ!
Мнѣ медленность сія предвѣстъ бѣды даетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ДИДОНА, АРСИНА.

ДИДОНА.

Скажи, Арсина, мнѣ, открой мои напасти;
Гдѣ дѣлся мой Еней?

АРСИНА.

Стараньe тщетной страсти!
Ужъ безполезна вся твоя къ нему любовь.

ДИДОНА.

Свершилось все, и Ярбъ дражайшу пролилъ кровь.

АРСИНА.

Енея кровь? онъ здравъ невѣрный пребываетъ;
Еней живетъ; но ахъ! Дидона погибаетъ.
Забывъ всѣ благости и нѣжность всю твою,
Оставилъ городъ онъ въ несчастну ночь сію.

ДИДОНА.

О небеса!... гдѣ я?... Арсина! тыль вѣщаешь?

АРСИНА.

Не ложну вѣсть, увы! изъ устъ моихъ внимаешь.
Я въ тѣхъ мѣстахъ была, гдѣ прежде жилъ Еней;
Но пусты всѣ мѣста: у стражи я твоей
Тому дивясь, о всемъ съ раченьемъ вопрошала;
Единогласно мнѣ вся стража отвѣчала:
Отсель къ брегамъ морскимъ въ полночь прошелъ Еней;
Къ брегамъ пришла, ужъ нѣтъ его и кораблей;
Лишь волны вѣтрами отселѣ отвращаясь,
Бѣжали отъ браговъ съ невѣрнымъ соглашаясь.

ДИДОНА.

Свершилось все; Еней!

АРСИНА.

Ужъ нѣтъ его съ тобой.

ДИДОНА.

Ужъ нѣтъ его!... о льстецъ!... отъято все судьбой!
Надежда, счастіе, что ни было священно,
Отъ сердца моего все нынѣ похищенно.
Все отлетѣло прочь, осталась смерть одна.

АРСИНА.

Познавъ теперь, какъ страсть любовная вредна,
Царицей будь, забывъ любовь, презрѣвъ невѣрность.

ДИДОНА.

Ты вѣдаешь любви моей къ нему безмѣрность:
Я странника сего, льстеца, отъ волнъ спасла;
Царей, престолы, честь, все въ жертву принесла;
Дидона для него вселенную теряетъ;
А онъ, о злѣйшій тигръ! Дидону оставляетъ!

АРСИНА.

Престань ты тщетное стенанье испускать,
Забудь невѣрнаго; днесь должно градъ спасать.

ДИДОНА.

Ударъ удару въ слѣдъ противъ меня стремится.
Иль должно было всѣмъ бѣдамъ соединиться,
Что бы несчастную Дидону погубить?
Почто, измѣною желая поразить,
Мнѣ сердца не пронзилъ, отселѣ отъѣжжая?
Ты больше варваръ сталъ, быть меньше не дерзая!
Когда бы умертвилъ меня своей рукой,
Былабъ я счастливѣй, Еней, тогда тобой:
Что ты невѣренъ сталъ, тогобъ не ощутила;
Сраженная тобой, ябъ сладку смерть вкусила.

АРСИНА.

Забудь того, который самъ тебя забылъ.
За милости твои вотъ чѣмъ онъ заплатилъ.

ДИДОНА.

И ты, судьба, его со гнѣвомъ не карала!
Онъ смерть готовилъ мнѣ; а я льстецомъ сгарала!

АРСИНА.

Стенанья, горести во гробъ тебя влекутъ.
Стыдися слезъ, что днесь изъ глазъ твоихъ текутъ.

ДИДОНА.

Сіи горчайшихъ слезъ ліющися потоки
Суть крови моея предвѣстники жестоки!...

Се придетъ Ярбъ ко мнѣ; увидитъ онъ меня
О зломъ измѣнникѣ рыдающу стеня.
Какой мнѣ стыдъ! ему какая тѣмъ отрада!
Се, скажетъ лютый Ярбъ, за муки мнѣ награда!
Которы я терпѣлъ презрѣніемъ ея;
Узнаетъ гордая теперь, какъ рвался я.
Се часть ея уже съ моею днесь сравненна.
Я ею презрѣнъ былъ, она другимъ презрѣнна.
О небеса!

АРСИНА.

Оставь ты тщетну мысль сію;
Скрѣпись и одолѣй жестоку скорьбь свою.

ДИДОНА.

Скрѣпиться мнѣ? иль мой любезный возвратится?
Еней, тобою лишь Дидона оживится!
Погибни все теперь, не мнѣ уже владѣть.
И свѣта солнечна я не желаю зрѣть.
Корона, жизнь меня теперь обременяетъ;
Противно все, все здѣсь Енея вспоминаетъ
Куда ни обращусь, всѣ здѣшнія мѣста
На мысль приводятъ мнѣ невѣрнаго уста.
Но ахъ! Енея нѣтъ; а плачетъ лишь Дидона!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДИДОНА, ЕЛИЗА, АРСИНА.

ЕЛИЗА.

Причина твоего неукротима стона,
Любезный твой, письмо оставилъ здѣсь, Еней.
Ты можетъ быть найдешь къ утѣхѣ что твоей...

ДИДОНА.

Подай... подай... чего теперь еще страшиться?
Чего мнѣ трепещешь? онъ можетъ возвратится...

Онъ хочетъ можетъ быть Дидону испытать...
Онъ можетъ быть... Прочтемъ, возможноль все узнать?...
Лобзаю я черты, черты руки любезной,
И орошаетъ ихъ очей моихъ токъ слезной.
Страшусь читать, страшусь я все себѣ открыть...
Чегожь страшишься мнѣ? могуль несчастнѣй быть?

Читаетъ.

„Разгнѣванныхъ боговъ жестокіе законы
„Опредѣлили жизнь мою на вѣчны стоны;
„Опредѣлили мнѣ тебя навѣкъ лишась,
„Въ путь славы шествовать, во горести крушась.
„Дидона! покорись боговъ безсмертной волѣ,
„Храни дражайшу жизнь, подвергнись нашей долѣ.
„Коль хочешь ты, чтобъ жилъ на свѣтѣ твой Еней,
„Умѣрь тоску, живи для жизни ты моей! "
Живи!... Нѣтъ, я умру! ты жить повелѣваешь;
А самъ, жестокій! самъ меня ты убиваешь!...
Спремись, бѣги, скорѣй направить повели
Врагамъ бѣгущимъ въ слѣдъ изъ града корабли!

ЕЛИЗА.

Но солнца лучь еще земли не освѣщаетъ,
И ночь бѣгущихъ путь отъ нашихъ глазъ скрываетъ.

ДИДОНА.

О ночь! ужасна ночь! покровъ злодѣйскихъ дѣлъ,
Въ которую Еней въ невѣрности успѣлъ!
О льстивый сонъ! почто не сталъ ты сномъ мнѣ вѣчнымъ?
И вмѣсто, чтобъ манить спокойствіемъ сердечнымъ,
Почто призракомъ ты, внушить могущимъ страхъ,
Спокойства не прервавъ, въ ужаснѣйшихъ мечтахъ
Не предвѣщалъ ты мнѣ свершаемаго бѣдства?
Я востревоженна еще нашла бы средства
Кляятвопреступника жестока удержать;
Въ отчаяньи я все дерзнулабъ предпріять:
Я грудь его пронзивъ, свою бы поразила,
И смертію себя съ невѣрнымъ съединила.

ЕЛИЗА.

Престань терзаися, Царица, насъ крушить:
Страданіемъ не льзя утраты возвратишь,
И всѣ стенанія твои уже напрасны.

ДИДОНА.

Сокройтесь отъ меня; мнѣ смертны всѣ ужасны!
Все полно кажется измѣною въ сей часъ.
Сокройтесь отъ меня, подите прочь отъ глазъ.

ЕЛИЗА.

Или виною мы твоей напасти были?

ДИДОНА.

Вы, боги и Еней, и всѣ мнѣ измѣнили!
Почто не знали вы, что сей Пергамскій льстецъ
Коварствомъ мнѣ плететъ толь пагубный конецъ?
Вы видѣть то могли, но видѣть не хотѣли;
О счастьи вы своей Царицы не радѣли.
Вы знали все; и какъ, увы! всего не знать?
Старалсяль онъ свое намѣренье скрывать?
Злодѣйствія его всѣ были откровенны.
Давно ли корабли злодѣя соруженны?
Въ которые часы ходилъ онъ ко брегамъ
Готовить смерть и все мое несчастье тамъ?
Въ срединѣль дня, или въ срединѣ темной ночи?
Что, ахъ! того мои не смѣли видѣть очи,
Не чудно то; я весь теряла разумъ въ немъ,
Казался богомъ мнѣ во сердцѣ онъ моемъ....
Сокройтесь отъ меня, несчастную оставьте,
И мукъ моихъ своимъ отсутствіемъ убавьте.
Вы всѣ прошивны мнѣ; со мной Енея нѣтъ.

Поди, жестокій тигръ, скорѣй отъ глазъ моихъ!
Я не страшилась грозъ и не страшуся ихъ,
И робостью моей души не унижаю.
Царица я была, Царицей умираю.
Жалѣю, что прося народъ мой сохранишь,
Къ тирану прозьбою могла я снизходить.
Вонзай мечь въ грудь мою, ввергайся въ отомщенье.
Бина всѣхъ бѣдъ моихъ, скончай мое мученье.
Когдабъ ты не былъ здѣсь, люшѣйшій мой злодѣй!
Супругомъ бы мнѣ былъ возлюбленный Еней;
Когдабъ не ты, въ сей часъ Дидона не страдала.
Рази скорѣй; мнѣ жизнь моя ужасна стала.
Внимай: хотя Еней меня навѣкъ сгубилъ;
Но знай, Еней еще и днесь мнѣ столько милъ,
Что лучше для него желаю умереть,
Чѣмъ жить съ тобой всегда, тебя всечасно зрѣть.

ЯРБЪ.

Еще единый мигъ, погибнетъ весь твой градъ;
Стрѣлъ тучу огненныхъ въ минуту полетятъ.
Ужъ смерть разинувъ зѣвъ моей подвластна волѣ.
Въ послѣдній разъ прошу: твоей покорствуй долѣ.

ДИДОНА.

Нѣтъ! варварствуй, тиранъ! срывай съ главы вѣнецъ!
И царству моему содѣлавши конецъ,
Пріемли скипетръ мой рукой окровавленной!
Владѣй надъ мертвыми въ странѣ опустошенной!
Яви, злодѣйствомъ симъ умноживъ тьму грѣховъ,
Неправоту, или безсиліе боговъ!
Пускай по всей землѣ въ предбудущіе вѣки
Со страхомъ о тебѣ услышатъ человѣки.
Пусть злѣйши варвары то будутъ ставить въ студъ,
Коль именемъ твоимъ ихъ смертны нарекутъ.
Ступай, въ свирѣпости бросай огонь на зданье;
Но въ ярости своей себѣ найдешь каранье,
Злодѣйствіемъ своимъ накажешь самъ себя;

Изъ гроба буду гнать повсюду я тебя,
Вездѣ тебѣ, во всемъ всечасно представляться;
Всечасно совѣстью ты будешь угрызаться.
Хоть изъ тиранскихъ душъ вся жалость изгнана;
Но совѣсть имъ еще карающа дана,
Которa счастливыхъ злодѣевъ потрясаетъ,
Вселяетъ тартаръ въ нихъ и ими ихъ караетъ.

ЯРБЪ.

Ступайте, воины, моей вы злости въ слѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДИДОНА *одна.*

Уже ли надо мной окончилась тьма бѣдъ,
Къ которымъ я на свѣтъ была произведенна?
Лишаюся всего и часть моя свершенна.
Благодарю тебя, немилосердый рокъ!
Ты столько былъ ко мнѣ несчастливой жестокъ,
Что больше ты явить суровства не умѣешь!
Ты силы истощилъ и въ лютостяхъ слабѣешь.
А ты, Еней! хотя несчастну погубилъ,
Вина всѣхъ бѣдъ моихъ; но ты еще мнѣ милъ.
Любила я тебя, тебѣ вѣнецъ вручая,
Любила счастлива, люблю и умирая.
Я знаю, страждешь ты въ сей часъ подобно мнѣ,
И обращая взоръ къ плачевной сей странѣ,
Близь смерти ты меня стенящу воображаешь,
И въ мысляхъ кровь мою слезами омываешь,
Которую тебѣ на жертву я пролью;
Чтобъ оживить меня, ты жизнь даешь свою
И можетъ быть въ сей часъ желаешь возвратишься;
Жестокій! возвратись; Дидона оживится.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ДИДОНА, ЯРБЪ. *Нѣсколько Ярбовыхъ воиновъ.*

ЯРБЪ.

Ужъ нѣтъ спасенія, и твой плачевный градъ,
О страшно зрѣлище! весь пламенемъ объятъ,
И дымомъ солнца лучь какъ мрачной тучей тмится.
Смягчись, жестокая! и пламень потушится;
Спѣши... или чтобъ грудь противну растерзать,
Ты хочешь все съ собой погибели предать?
Услышь народа стонъ и трескъ падуща зданья.
Не медли окончать ты Ярбовы страданья.
Ужъ вихри пламенны теперь вблизи ревутъ;
Всѣ жители со мной къ ногамъ твоимъ падутъ.
Спасись. Ужъ Ярбъ себя въ послѣдни унижаетъ.
Спасись. Се храмина уже сія пылаетъ.

ДИДОНА.

Мнѣ есть спасеніе, хочу себя спасти.
Мнѣ съ Ярбомъ гнусенъ свѣтъ; драгой Ѣней, прости!
Весь градъ кончаяся, падетъ съ своей Царицей.
Да будетъ Карѳагенъ Дидониной гробницей!

Бросается въ огонь.

ЯРБЪ.

Дидона!... нѣтъ ее!... я злобой омраченъ,
Бросая громъ, своимъ самъ громомъ пораженъ.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

Изъ гроба буду гнать повсюду я тебя,
Вездѣ тебѣ, во всемъ всечасно представляться;
Всечасно совѣстью ты будешь угрызаться.
Хоть изъ тиранскихъ душъ вся жалость изгнана;
Но совѣсть имъ еще карающа дана,
Которая счастливыхъ злодѣевъ потрясаетъ,
Вселяетъ тартаръ въ нихъ и ими ихъ караетъ.

ЯРБЪ.

Ступайте, воины, моей вы злости въ слѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДИДОНА *одна.*

Уже ли надо мной окончилась тьма бѣдъ,
Къ которымъ я на свѣтъ была произведенна?
Лишаюся всего и часть моя свершенна.
Благодарю тебя, немилосердый рокъ!
Ты столько былъ ко мнѣ несчастливой жестокъ,
Что больше ты явить суровства не умѣешь!
Ты силы истощилъ и въ лютостяхъ слабѣешь.
А ты, Еней! хотя несчастну погубилъ,
Вина всѣхъ бѣдъ моихъ; но ты еще мнѣ милъ.
Любила я тебя, тебѣ вѣнецъ вручая,
Любила счастлива, люблю и умирая.
Я знаю, страждешь ты въ сей часъ подобно мнѣ,
И обращая взоръ къ плачевной сей странѣ,
Близь смерти ты меня стенящу воображаешь,
И въ мысляхъ кровь мою слезами омываешь,
Которую тебѣ на жертву я пролью;
Чтобъ оживить меня, ты жизнь даешь свою
И можетъ быть въ сей часъ желаешь возвратишься;
Жестокій! возвратись; Дидона оживится.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ТИТЪ, ИмператоръРимскій.

СЕКСТЪ, КонсулъДругъ его.

ВИТЕЛЛІЯ, дочь Императора того же имени, любовница Секстова.

СЕРВИЛЛІЯ, сестра Секстова.

АННІЙ, СенаторъЛюбовникъ Сервиллін.

ПУБЛІЙ, Сенаторъ.

ЛЕНТУЛЪ.

СЕНАТОРЫ безъ рѣчей.

ВОИНЪ.

ЛИКТОРЫ.

ПРЕТОРЫ.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе въ Римѣ.

ТИТОВО МИЛОСЕРДІЕ,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ зданіе Капитоліи и предъ оною площадь, на которой народъ и посланники съ данями отъ подвластныхъ Риму областей.

ТИТЪ, предъ нимъ СЕКСТЪ, АННІЙ, ПУБЛІЙ, СЕНАТОРЫ, ПРЕТОРЫ, воины выходятъ въ устройствѣ изъ Капитоліи.

ХОРЪ *народа во время шествія Титова.*

Цари безчисленныхъ міровъ!
Въ Монархѣ образъ свой храните,
Его насъ власти не лишите;
Иныхъ не требуемъ даровъ.

* * *

О благѣ міра не пекитесь,
Доколѣ скиптръ его хранитъ;
На сердце кротко положитесь,
Оно васъ, боги, замѣнитъ.

* * *

Мы видимъ рай въ его державѣ,
Онъ тихихъ дней намъ солнца свѣтъ.
Чего еще не достаетъ
Къ блаженству намъ, ему ко славѣ?

ТИТЪ.

Римляне храбрые! народъ рожденный къ славѣ!
Какія радости вкушаю я тобой!
Когда ты щасливъ мной,
Мнѣ легки бремена, привязанны къ державѣ.
Подъ тягостью короны я моей
Колико подданныхъ, толико зрю друзей.

АННІЙ.

Сената гласъ, тобою восхищенна,
Отечества отцемъ тебя нарѣкъ,
Давно такъ всѣхъ сердцами нареченна;
Что чувствуетъ народъ, Сенатъ то рѣкъ.

ПУБЛІЙ.

Чѣмъ болѣ кто на тронѣ человѣкъ,
Тѣмъ болѣ тотъ богамъ подобенъ.
Римъ чувствовать сіе удобенъ;
И въ Титѣ хощетъ Римъ безсмертныхъ обожать,
Тобою хощетъ ихъ снискать къ себѣ щедроты,
И образъ ихъ въ тебѣ являть твои доброты.
Во всемъ ты имъ стремишься подражать:
Стремишься смертныхъ ты счастливить и покоить,
Свое ты счастье зришь въ блаженствѣ ихъ:
За бездну благостей твоихъ
Римъ хочетъ храмъ тебѣ устроить.

АННІЙ.

Сіи сокровища отъ странъ
Подвластныхъ Риму;
Обильну дань тобою зриму, *указывая на принесенныя дани.*

Согласный весь сенатъ съ усердіемъ гражданъ
На зданье храма посвящаетъ.

ТИТЪ.

Народъ! за всѣ свои труды
Титъ вашу лишь любовь наградой почитаетъ;
Иной не требую я мзды.
Но та любовь уже предѣлы преступаетъ,
И такъ, какъ васъ, равно и Тита устыжаетъ.
Отечества отца
Дражайше нареченье,
Есть Титова вѣнца
Верховно украшенье;
Но я стараяся сего достоинъ быть,
Не смѣю титломъ толь священнымъ украшаться.
Доволенъ, если могъ то имя заслужить,
Я не хочу хвалами возвышаться.
Но храмъ, о Римляне! но Титу храмъ?
Сіе пристойно обожанье
Единымъ лишь богамъ:
Какое то для васъ уничиженье,
Чтобъ смертные возженный фиміамъ,
Подобному имъ смертному курили!
Властители, которые забыли,
Что смертны суть они;
Которы царствія во дни
Иною славою не могутъ украшаться,
Какъ только человѣчествомъ гнушаться,
Ставъ игомъ подданнымъ своимъ;
Не стоятъ скипетра, врученна имъ.
Оставимъ гордости и рабской лести,
Одной примать,
Другой давать
Неподлежащи чести.
Пріятнѣй мнѣ спократъ
На тронѣ имя человѣка;
Оно меня твориттъ не такъ далека

Отъ васъ, которыхъ я люблю какъ чадъ:
И если я любимъ подобно вами;
Престаньте друга вы равнять съ богами,
И удалять его отъ васъ до горьнихъ странъ.
Да будетъ храмъ мой, Римъ; олтарь, сердца гражданъ.—
Однако сихъ даровъ не оприцаю;
Употребленіе ихъ только премѣняю:
Дыханье пламенно Везувскаго жерла,
Свирѣпымъ смерти изверженьемъ
Покрыло окрестны мѣста опустошеньемъ.
Которыхъ огненна рѣка не пожрала,
Тѣ обитатели, остатки изумленны,
Скитаются, бѣдами окруженны.
Сіе къ нимъ злато обратимъ;
Утѣшимъ страждущихъ и стоны прекратимъ.
Живя не для себя, но для подвластныхъ,
Блаженъ, когда могу утѣшить я несчастныхъ.

АННІЙ.

О смертный выше всѣхъ! о истинный герой!

ПУБЛІЙ.

О какъ всѣ почести суть низки предъ тобой!

ТИТЪ.

Престаньте, каждаго во мнѣ вы долгъ владыки
Считати за дѣла велики.
Пусть вашъ глаголъ всечасно мнѣ твердитъ
Не то, что сдѣлалъ я; что дѣлать надлежитъ.
Се долгъ прямый друзей къ сѣдящимъ на престолѣ!
Вѣщати истинну, то въ вашей волѣ:
Но похвалы всегда имѣютъ лести видъ;
Меня не отягчайте ими болѣ.

ХОРЪ *народа.*

Цари безчисленныхъ міровъ, и проч.

ПУБЛІЙ.

Народъ! пойдемъ отселѣ въ храмъ
Усердное принесть моленіе богамъ;
Да Типомъ Кесарей украсивши порфиру,
До позднихъ лѣтъ продляшъ свою щедроту міру.

Публій съ народомъ выходитъ.

ТИТЪ.

Вы, Анній, Секстъ, останьшеся со мной.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТИТЪ, СЕКСТЪ, АННІЙ.

АННІЙ *Сексту въ сторону отъ Тита.*

Ты знаешь, Секстъ, чѣмъ рушимъ мой покой:
Вспомоществуй моей любови страстной
Къ Сервилліи, твоей сестрѣ прекрасной.

СЕКСТЪ *Титу.*

Уже ли горести, что духъ твой ощущалъ,
Какъ Беренису ты на вѣки покидалъ....

ТИТЪ.

О Секстъ! любезный другъ! какъ тѣ минуты
Мнѣ были горьки, люты!
Но все свершилося. Когда доволенъ Римъ,
Предпочитаю то успѣхамъ я моимъ;
И я сію побѣду надъ собою
Хочу и болѣ совершить,
И Риму всего сомнѣнія лишить.

СЕКСТЪ.

Но разлученіе Царицы сей съ тобою
Или къ сомнѣнью что оставило еще?
Ея отъѣздъ....

ТИТЪ.

Съ собой борясь вотще
Она отъ Римскихъ стѣнъ двукратно удалялась;
И столькожъ разъ
Отраву принося прелестныхъ глазъ
Обратно къ Титу возвращалась.
Возврата третьяго страшишься можетъ Римъ.
Желая моему угоденъ быть народу,
И Рима ненависть я зная къ царску роду,
Хочу во всемъ быть правъ предъ нимъ;
Хочу, и тѣнь его отвергнувъ подозрѣнья,
Явишь, что самыя его предразсужденья,
Которыя онъ чтитъ, въ законъ перемѣня,
Священны для меня.
Я Беренису днесь на вѣки забываю;
На Римскій тронъ Римлянку возвышаю:
Сервиллія къ тому избранна мной.

АННІЙ.

О рокъ!

СЕКСТЪ.

Моя сестра!

ТИТЪ.

Но чтожъ васъ такъ смущаетъ?

СЕКСТЪ.

Толика честь....

ТИТЪ.

Она и болѣе стѣсняетъ
Мой узелъ дружества съ тобой,
Которымъ Титъ своихъ дней горесть услаждаетъ.
Къ Аннію.
Что Рима Титъ спокойство утверждаетъ,
Творя Сервиллію супругою своей,
Поди, мой другъ, и возвѣсти то ей.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТИТЪ, СЕКСТЪ.

ТИТЪ.

Но отъ чего, о Секстъ! въ очахъ сіе смятенье?
Иль дружество мое тебѣ въ отягощенье?
Всегда со мной печальна зрю тебя,
И прежнюю лица всю свѣтлость истребя,
Въ тотъ день, какъ я любви вселенной удостоенъ,
Какъ всѣхъ сердца летятъ ко мнѣ,
Единый Секстъ въ сей радостной странѣ
Вздыхаетъ, пасмуренъ и безпокоенъ.

СЕКСТЪ *обнимая Тита.*

Увы!

ТИТЪ.

Потокомъ горькихъ слезъ
Мою десницу орошаешь!
Съ твоимъ покоемъ весь и мой покой исчезъ!
Вѣщай: чѣмъ душу сокрушаешь?
Могу ли зрѣть тебя въ страданьи, и не знать,
Какъ другу помощь дать!
Своимъ молчаніемъ мнѣ сердце Секстъ пронзаетъ:
Имѣетъ тайну онъ, которой Титъ не знаетъ!
Но ты молчанія не хочешь перервать,
Не хочешь въ сердце друга проліять
Тоски сокрытыя ты сердца огорченна.
Пойду, и все употребя
Ко утѣшенію тебя,
Поставлю Секста я толико возвышенна,
Что бы безмѣрной высоты,
На коей зришь меня постановленна,
Ни въ чѣмъ примѣтить самъ не могъ бы ты.

СЕКСТЪ.

Умѣрь твое благодѣянье,
Когда за то ты въ воздаянье
Не хочешь, Государь, неблагодарныхъ зрѣть.

ТИТЪ.

Чтожъ мнѣ останется? что буду я имѣть,
Когда лишусь благотворенья,
Сего единаго монарховъ утѣшенья?
Се плодъ единъ всевышней власти;
Все прочее мученье, тягота,
Неволя пышная, блестящая мечта.
Какъ бѣдныбъ были мы въ великолѣпной части,
Когдабъ лишилися тѣхъ радостныхъ часовъ,
Въ которы принося мы свѣту утѣшенье,
Дать человѣчеству возможемъ облегченье;
Обрадовать сиротъ, стенящихъ вдовъ;
Достоинства и добродѣтель
На верхъ величія изъ мрака вознести,
Друзьямъ отраду принести.
О коль блаженъ владыка благодѣтель!
Тебя оставить, долгъ мнѣ власти днесь велитъ;
Но будетъ Секстъ вездѣ, гдѣ только будетъ Титъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕКСТЪ *одинъ.*

А Секстъ еще не хочетъ скрыться
Отъ горести и отъ стыда во адъ!
И видѣть солнца свѣтъ не можетъ устыдиться,
Проступка злѣйшаго въ себѣ скрывая ядъ,
Чѣмъ люта страсть его наполнила всю душу!
Вителлія! я власть твою надъ сердцемъ рушу.
Титъ благость всѣхъ боговъ въ себѣ одномъ вмѣстилъ
И небо духъ его на землю преселилъ:

А я, чудовище ужаснѣйшее ада!
Соборище злодѣйствъ! дишить стремлюся свѣтъ
Того, въ комъ вся его отрада.
Не можетъ быть сего; не можетъ, нѣтъ.
Но то вѣщаетъ умъ, а сердце отрицаетъ.
Вителлія идетъ; мой духъ изнемогаетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИТЕЛЛІЯ, СЕКСТЪ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Ужель исполнился мнѣ Секстомъ данъ обѣтъ?
И скороль Тита кровь противна потечетъ?
Но ты теперь былъ съ нимъ.
Отверстъ ли путь мнѣ къ трону?
Уже ли моему закону
Покоренъ Римъ?

СЕКСТЪ.

Готово все; но ахъ!

ВИТЕЛЛІЯ.

Готово; а вздыхаешь:
Устами близокъ лишь, но сердцемъ ты далекъ,
Что началъ, никогда того не окончаешь.
Хотя ты заслужить любовь мою желаешь;
Но не заслужишь ввѣкъ.

СЕКСТЪ.

Готовясь совершить я кляпву преужасну,
Котору языкомъ моимъ рекла любовь,
Оставь, коль друга Секстъ воображая кровь,
Колеблется, кленя ту страсть злосчастну,
Которая меня къ злодѣйствію влечетъ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Вителлія не на престолѣ;
А СекстЪ злодѣйствіемЪ смерть Титову зовешЪ!
Поди, рабЪ ТитовЪ, вЪ гнусной долѣ,
Владыки милостей ищи
И вкругЪ престола ползай, трепещи;
И рабство предпочтя Вителліи несчастной,
И даже самому блистанію вѣнца,
Оставь меня вЪ моей судьбѣ ужасной
ИныхЪ отмстителей искать за смерть отца,
Низпавша ТитовымЪ отцемЪ со трона.

СЕКСТЪ.

Не мысли, что бы СекстЪ дражайшею рукой
Ему предписанна закона
Исполнить не хотя, души своей покой
Блаженству предпочелЪ владѣть твоей красой.
Все вЪ жертву приношу, и даже добродѣшель,
Которой ты одной должнабЪ наградой быть.
Но гнѣва твоего вЪ сей часЪ я самЪ свидѣтель,
Хоть вижу, сколько ты стремишься мстить,
Умѣя благости кЪ намЪ Титовы измѣрить,
Я гнѣву твоему не возмогу повѣрить.
Великодушіе извѣстно мнѣ твое,
И мнѣ всегда мечтается сіе:
Когда на гробѣ мірЪ о немЪ рыдати станетЪ,
КакЪ чувство твоего отмщенія увянетЪ;
Твое раскаянье погасшій гнѣвЪ виня,
ПридетЪ укорами обременить меня.

ВИТЕЛЛІЯ.

Мое раскаянье! Когда приму державу
И возвращу мою упраченную славу?...
Когда за смерть отца отмщать велитЪ намЪ рокЪ,
То злоба долгЪ тогда, раскаянье порокЪ.
Почто меня такимЪ сомнѣньемЪ унижаешь?
Или меня тебѣ подобною считаешь?

Коль хочешь, Кесаря страшись въ душѣ твоей.
Но слабости во мнѣ не полагай своей;
Не мысли, чтобъ могла я гнѣвъ мой утолити.
Не знаешь ты меня, такъ можешь ли любити?

СЕКСТЪ.

Могу ли я любить!... ахъ, еслибъ не любилъ!
Какимъ еще увѣрить злодѣяньемъ
Тебя, готову быть убійству воздаяньемъ?
Чѣмъ хочешь, что бы я еще явилъ
Любовь, которая тиранствуя такъ мною,
Влечетъ меня во слѣдъ повсюду за тобою?
Усердный Титу другъ, ему обязанъ всемъ,
Любовникъ пламенный тебя любя какъ душу,
Едино чувствіе другимъ всечасно рушу
И бури чувствую я страшны въ сердцѣ семъ!
Отъ добродѣтели стремяся я къ пороку
Страстей различныхъ по волнамъ;
И всюду зря я бездну бѣдъ глубоку,
Себя страшуся самъ!
Однако страсть любви меня одолѣваетъ;
Среди раскаянья я совѣстью грызомъ,
Небесный внемля громъ,
Уста тебя виняшъ, но сердце обожаетъ.
Кляну любовь, кляну; но покоряюсь ей.
Смотри, какъ власть сильна на мнѣ красы твоей:
Не омрачивъ меня, меня ты обольщаешь,
И не запмивъ ума, ты сердце привлекаешь.
Я добродѣтель чту,
Злодѣйства ненавижу
И мой проступокъ страшный вижу;
Но чтобъ обрѣсть твою небесну красоту,
Безъ коей жизнію гнушаюсь,
Въ неслыханно злодѣйствіе ввергаюсь!

ВИТЕЛЛІЯ.

Вителлія не требуетъ сего
Для ней постыдна принужденья.

Порочитъ правоту кто гнѣва моего,
Быть совершителемъ не можетъ отомщенья.
Не мыслила, чтобъ Секстъ, почтенъ
Супругомъ быть Вителліевой дщери,
Имѣя путь ко трону отворенъ,
И ужъ касаясь славы двери,
Быть сыномъ моего гнушался бы отца
И счелъ безчестіемъ сразить всѣхъ бѣдъ творца,
Которыми душа моя обремененна.
Когда стремленію ты чувства возвышенна
Названіе злодѣйствія даешь,
Когда мое ты сердце рвешь;
Ступай, не нужна мнѣ рука твоя презрѣнна.
Ты добродѣтелью себя твоей прославь,
А мнѣ мои злодѣйствія оставь.

СЕКСТЪ.

Мнѣ должнобъ то!... но кто тебѣ противустанетъ.
Убійства алчешь ты, и Секстъ въ минуту грянетъ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Но се сообщники, и съ ними Лентулъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВИТЕЛЛІЯ, СЕКСТЪ, ЛЕНТУЛЪ *и толпа сообщниковъ.*

ЛЕНТУЛЪ.

Приближился тотъ часъ, въ который участь Рима,
Когда угодно то судьбамъ,
Во власти нашей будетъ зрима;
Въ который міръ Вителліи къ ногамъ
Преклонится главою:
И се друзья влекомые тобою, *указывая на сообщниковъ.*

Воспламененные усердіемъ моимъ,
Не чтущи за тебя и жизнь урономъ;
Реки лишь только имъ,
И Титъ изчезнетъ съ тономъ!
Взгляни на нихъ, увидь сей жаръ,
Который въ лицахъ пламенѣетъ;
Се молнія закрыта въ тучѣ рдѣетъ,
Реветъ, и близокъ ужъ ударъ.

ВИТЕЛЛІЯ *къ сообщникамъ.*

Друзья! участники Вителліина мщенья,
И прекратители всеобща униженья!
Расторгнемъ узы сограждан.
Скажите, Римляне, на толь животъ намъ данъ,
Что бы, возвышеннымъ въ теченье многихъ вѣковъ,
Трудомъ богамъ подобныхъ человѣковъ,
Внѣ Римскихъ стѣнъ царей себѣ рабами зрѣть,
А въ Римѣ предъ своимъ властителемъ робѣть;
Чтобъ Титъ, подобіе сіе Веспассіана,
Коварный сей тиранъ и сынъ того тирана,
Которымъ умерщвленъ несчастный мой отецъ;
Сей Римскій гражданинъ лишь лестью намъ не равный,
Имѣя на главѣ владычества вѣнецъ,
Ногами попиралъ сей Римъ преславный,
Которому служили Брутъ, Катонъ,
Помпей и Сципіонъ;
Сей Титъ, дающій намъ законъ,
Который, если бы еще хоть мало
Въ душѣ его безстыдства доставало,
Со Беренисою на тронѣ сопряженъ
Ей Римскій скипетръ далъ въ срединѣ Римскихъ стѣнъ;
Который... Какъ стерпѣть не содрогаясь,
Римлянками гнушаясь,
Дерзалъ, не мнѣ простря свою десницу,
Забывъ и долгъ, и честь
Вителью предпочесть
Ково?... Царицу!
Я знаю, хвалятъ всѣ его; но то все лесть.

И меньшель онъ тиранъ, что кротостью блистаетъ;
Онъ узы согражданъ цвѣтами закрываетъ.

ЛЕНТУЛЪ *къ сообщникамъ.*

Пускай рабы его боготворятъ;
Отрекшися отъ Рима чада
За то властителя благодарятъ,
Что фуріямъ не равенъ ада;
Ихъ крови токами не льетъ,
И не даетъ
Вкушать ширановъ наглыхъ муку;
Пускай рабы его цалуютъ руку.
Но въ комъ хоть искра есть
Души благорожденной,
И кѣмъ хоть мало правитъ честь,
Тотъ гнѣвомъ воспаленной,
Не могши ига несть,
Отъ ярости трепещетъ
И въ сердцѣ громъ на Тита мещетъ.
Се другъ его, самъ Секстъ вамъ въ томъ примѣръ;
Хотя въ щедротахъ Титъ къ нему не знаетъ мѣръ,
Хоть благостью его Секстъ каждый день считаетъ,
Секстъ Римлянинъ, и ту пріязнь
Обидой почитаетъ,
Которою его тиранъ обременяетъ.
Чего вамъ болѣ? Секстъ ему готовитъ казнь,
Вторый Брутъ, Кесарю мечь кары изощряетъ.

ВИТЕЛЛІЯ *вынувъ Секстовъ мечь.*

Се мечь, вина свободы согражданъ!
Отечества спаситель!
Тирановъ истребитель!
Коль есть еще межъ васъ, кому духъ робкій данъ,
Кто сердцемъ трепеща отъ страха унываетъ
И къ понесенію преславныхъ толь бременъ
Довольно силъ въ себѣ не ощущаетъ,
Въ сей часъ отъ насъ да будетъ удаленъ,

И ко стопамъ повергшися владыки
Измѣнникъ гнусный все явитъ,
Чѣмъ мы стремимся быть велики.
А тотъ, кто рабства съ гнѣвомъ зритъ,
И кто къ тиранству полнъ гнушеньемъ,
Кто хочетъ съ нами славы въ храмъ,
Тотъ нашимъ да явитъ глазамъ
Меча свирѣпымъ изверженьемъ
Ужасный свой тирану духъ. *Всѣ сообщники вынимаютъ мечи, и съ ними Лентулъ.*

ЛЕНТУЛЪ.

Въ сообщникахъ зря полну мести жатву,
Прими на сихъ мечахъ героевъ страшну клятву.

ВИТЕЛЛІЯ.

О Римъ! о ты безсмертныхъ другъ!
Еще твоя душа не вовсе истребилась:
Въ герояхъ сихъ она моимъ очамъ открылась.
Къ Сексту и Лентулу въ сторону.
А я, когда не льстивъ любови вашей жаръ,
Клянусь тому отдать и сердце я и руку,
Кто первый совершитъ ударъ.

СЕКСТЪ *вырывая мечь свой изъ рукъ Вителлія.*

Я чувствуя прежесточайшу муку,
Клянусь, жестокая, клянусь въ тоскѣ моей...

ВИТЕЛЛІЯ.

Свершай.

СЕКСТЪ.

Что будетъ Секстъ злодѣй.

ХОРЪ *народа слышенъ за театромъ.*

О боги! нашихъ дней вы отнимите,
И нашимъ вѣкомъ вѣкъ его продлите.

ЛЕНТУЛЪ.

Рабовъ намъ гнусныхъ слышанъ гласъ.
Какъ нѣкій богъ на Римскомъ Титъ престолѣ!
О стыдъ! нѣтъ Римлянъ въ Римѣ болѣ!
Теперь весь Римъ лишь только въ насъ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Сей голосъ слыша, какъ мой духъ крѣпится въ тѣлѣ!
Пойдемъ, и нашу злость сокроемъ мы ошселѣ.

ХОРЪ *народа.*

О боги! нашихъ дней вы отнимите,
И нашимъ вѣкомъ вѣкъ его продлите;
Что бы и чада нашихъ чадъ
Причастны были тѣхъ отрадъ,
Тому неизмѣриму счастью,
Что мы его вкушаемъ властью.

Балетъ представляетъ радость Римлянъ и усердіе ихъ къ Титу.

КОНЕЦЪ

Перваго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ гульбище усаженное деревьями.

СЕРВИЛЛІЯ, АННІЙ.

СЕРВИЛЛІЯ.

Что слышу! Анній самъ! могуль тому повѣрить?
Или ты, Анній, могъ мнѣ въ страсти лицемѣрить,
Котору счастіемъ моей я жизни чту?
Самъ Анній трона мнѣ представя красоту,
Власть міра предпочесть себѣ повелѣваетъ,
И на Сервиллію порфиру воздѣваетъ,
Которой безъ него вселенная ничто!
Увы! удобно ли меня утѣшить то,
Что цѣлый міръ у ногъ моихъ увижу?
Лишенная тебя себя возненавижу!

АННІЙ.

Сервиллія! о ты душа души моей!
Ахъ! еслибъ кроткій Титъ во благости своей,
Которой столько намъ возлюбленны законы,
Представя мнѣ своей сіяніе короны,
Велѣлъ бы свой престолъ, или тебя избрать;
Привыкнувъ душу я мою тобой питать,
Отвергъ бы я престолъ и власть всея вселенной.
Или, когда бы Титъ свою державну власть
Во зло употребляя,
Безсмертну нашу страсть
Величіемъ своимъ обременяя,

Одну бы силу мнѣ противуполагалъ;
Когдабъ не Титъ тебя, но Кесарь отнималъ;
Въ отчаяньи моемъ я въ немъ тирана видя
И дни мои несчастны ненавидя,
На жертвубъ за тебя иль жизнь мою принесъ,
Илибъ губитель мой моей рукой исчезъ.
Но Титъ, отличный тѣмъ лишь только на престолѣ,
Что самъ себя стѣсня въ своей всевластной волѣ,
Утѣхамъ врагъ своимъ,
Желаетъ лишь того, чего желаетъ Римъ;
Отецъ подвластнаго народа,
Отрада смертныхъ рода,
Единый онъ себѣ не зритъ отрадъ;
И самъ себя одолѣвая,
Онъ Береницыныхъ очей дражайшій взглядъ
Навѣкъ съ терзаніемъ теряя,
Что бы народу угодить,
Возмогъ ее отъ сердца отлучить:
А мы, когда твои красы достойны трона
Къ себѣ онъ хочетъ возвести,
Не можемъ горестью взаимнаго урона
Ему достойной жертвы принести.
Скрѣпись Сервиллія, и подражая Титу,
Доколь себя не можешь одолѣть,
Питай печаль глубоко въ сердцѣ скрыту
Чтобъ послѣ радости имѣть,
Что мы себѣ толь горькимъ принужденьемъ
Властителю достойну олтарей,
Подобно какъ и онъ превыше ставъ страстей,
Еще неслыханнымъ до нынѣ приношеньемъ
Могли за общество хоть мало отплатить.

СЕРВИЛЛІЯ.

Такъ можешь ты себя удобнымъ находить,
Теряючи меня надеждой льститься можешь,
Что ты когда нибудь конецъ бѣдамъ положишь?
Что горесть усладишь,
Въ которой вѣкъ страдать я стану какъ страдаю?

Что слезы прекратишь,
Которы льешь, и я которы проливаю?

АННІЙ.

Могу ли я? увы! того не знаю!
Лишь только знаю я, что должно мнѣ страдать,
Что долженъ Римлянинъ собою обладать,
Что мнѣ сіи минуты прежестоки!
Но ты, дражайшая, сугубишь слезъ потоки!
Въ несчастіи моемъ колико я блаженъ!
И Титу самому тобою предпочтенъ.
Сіяніе вѣнца и все позабываешь.
Не видишь ничего, о мнѣ одномъ страдаешь:
Но все, что сердце мнѣ твое даетъ
У Тита отнимая,
То все меня предъ нимъ преступникомъ зоветъ,
Его желаніямъ препоны полагая.
Прости.

СЕРВИЛЛІЯ.

Постой; помедли хоть на часъ,
И вспомни, что я зрю тебя въ послѣдній разъ.

АННІЙ.

Се Титъ: зри въ немъ небесъ ко смертнымъ благость;
Скрывай, какъ можешь ты, своей печали тягость.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТИТЪ, СЕРВИЛЛІЯ.

ТИТЪ.

Уже, Сервиллія, донесено тебѣ
Жаланіе мое, согласно Рима съ волей,
Чтобъ быть твоей судьбѣ

Соединенною съ моею долей.
На добродѣтели достойныя вѣнца
Взлагаю я корону власти міра;
Имъ только лишь однимъ принадлежитъ порфира.
Названье заслуживъ я подданныхъ отца,
Надѣюся, Сервиллія прекрасна
Вспомоществуючи мнѣ иго власти несть,
И должности всегда подвластна,
Названье матери потщится пріобрѣсть.
Властители такіежъ человѣки;
Что должно видѣть имъ, не могутъ зрѣть всего.
Старайся просвѣщать супруга твоего;
Вѣщай, примѣтивъ, гдѣ слезъ бѣдныхъ льются рѣки;
Гдѣ правосудіе затмѣнное сребромъ
Наклонъ своихъ вѣсовъ корысти уступаетъ;
Гдѣ лютой пышности подъ тягостнымъ жезломъ,
Стѣсненно робкое достоинство страдаетъ.
Спомоществуй ты мнѣ, чтобъ счастливыхъ число
Подъ властью нашею надежду превзошло;
Чтобъ Титъ съ тобою на престолѣ,
Зря человѣчество богамъ въ завидной долѣ,
Вселенной счастіемъ въ коронѣ упоенъ,
Забылъ весь тяжкій трудъ, которымъ отягченъ.
Ты зришь, что я тебя избравъ моей супругой,
Не страстныя любви волненіемъ стремимъ,
Хочу, что бы и бракъ мой Римъ
Считалъ себѣ услугой.
Я добродѣтели, не прелестямъ твоимъ,
Мой скипетръ раздѣлять со мной препоручаю;
И бракомъ симъ, превыше я страстей,
Которыя сердцамъ погибельны Царей,
Не слабость, но любовь къ отечеству вѣнчаю,
То помня завсегда, что я превыше всѣхъ
Не для своихъ, для подданныхъ утѣхъ.
Но грудь Сервилліи стенанье воздымаетъ?

СЕРВИЛЛІЯ.

Могу ль противиться, коль Титъ повелѣваетъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

ТИТЪ, ВИТЕЛЛІЯ, СЕРВИЛЛІЯ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Правдивъ ли слухъ достигнулъ до меня,
Что прежнюю любовь перемѣня,
Здѣсь Титъ Сервилліи достойнѣй не находитъ
И на престолъ ее супругою возводитъ?

ТИТЪ.

Правдивъ сей слухъ; доволенъ будетъ Римъ.
Я добродѣтелямъ, Вителлія, твоимъ
На судъ мой выборъ оставляю.
Ты знаешь, раздѣля съ Сервилліей вѣнецъ,
Какимъ я сердцемъ тронъ вселенной украшаю.
Я въ сейже часъ сему намѣренью конецъ
Въ Сенатѣ положить поспѣшуся;
И въ сейже день я съ нею сопрягуся....
Извѣстно мнѣ, что Секстъ любовью могъ тронуть,
Вителлія, твою прекрасну грудь;
Что духъ его навѣкъ плѣненъ красой твоею.
Содѣлай щастье мнѣ ты щастіемъ его.
Я Секста такъ люблю, какъ сына моего.
Давъ руку ты ему будь дочерью моею.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕРВИЛЛІЯ, ВИТЕЛЛІЯ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Такъ будешь ты въ сей день владычицей моей?
И съ высоты неизмѣримой

Къ Вителліи, едва тобою зримой,
Ты благостью твоей...

СЕРВИЛЛІЯ.

Окончимъ рѣчь тебѣ внушенную досадой:
Престань терзаться величіемъ моимъ.
Что ты, судя по чувствіямъ твоимъ,
Считаешь для себя толикою отрадой,
То горькихъ слезъ моихъ вина!

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИТЕЛЛІЯ *одна.*

Не горесть, радость слезъ потоки изливаетъ,
Которы пролила передо мной она,
Но тщетная тебя надежда обольщаетъ!
Еще Вителлія живетъ!
Страшись моей ты гордости терзанья!
Еще такихъ на свѣтѣ смертныхъ нѣтъ,
Которые безъ наказанья
Могли бъ владѣть,
И въ подданныхъ Вителлію имѣть....
Съ какою дерзостью сей сынъ Веспасіана,
Сей Титъ вселенныя кумиръ,
Предъ коимъ уклоненъ весь міръ,
Иной въ глазахъ моихъ... Но презримъ мы тирана.
И сынъ злодѣя моего
Не стоитъ онъ того,
Чтобъ сердце мнѣ его считать урономъ.
Любовь! ты слабыхъ смертныхъ часть,
Не ты Вителліина страсть.
Она должна однимъ прельщаться троном.
О тронъ! великихъ ты сердецъ
Едино утѣшенье.
Что въ свѣтѣ, если не вѣнецъ

Чела Вителльи украшенье?
Душѣ моей иной отрады нѣтъ;
И ежели не тронъ, мнѣ гробъ тогда предметъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЕКСТЪ, ВИТЕЛЛІЯ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Почто сіи отчаянные взоры?
Что значитъ хладный сей ко мнѣ приходъ?
Я зрю въ очахъ твоихъ себѣ укоры;
И се любви твоей мнѣ плодъ!
Отъ Тита ты пришелъ, я вижу.
Изчезъ предъ Титомъ Секстъ, любовникъ мой, герой!
Я вижу здѣсь раба его передъ собой,
Котораго смертельно ненавижу.

СЕКСТЪ.

То правда, душу зришь въ моихъ очахъ,
Которой предъ тобой не закрываю.
Въ твоихъ возлюбленныхъ красахъ
Злодѣйства моего источникъ обрѣтаю,
А въ сердцѣ Титовомъ раскаянья вину.
Любовь жестокая, которую кляну,
Всегда красу въ тебѣ мнѣ новую являетъ,
Который власть меня ко пропасти влечетъ;
Въ немъ благости всегда сіяетъ свѣтъ,
Которой Секстовъ духъ отъ бездны отвлекаетъ.
Тебѣ я клялся, отомстить;
Ему я прежде клялся вѣренъ быть.
Тобой стремимъ я мечъ на Тита извлекаю,
Но мечъ сей на себя предъ Титомъ обращаю.
Вителлію я сколько ни люблю;
Умру, коль Тита погублю!

Колико сердцемъ я ко другу ни стремлюся;
Умру, когда Вителліи лишуся.
О состояніе, какова въ адѣ нѣтъ!...
Но гнѣвъ уже твой духъ мятетъ,
Сей гнѣвъ, твоей свершитель мести....

ВИТЕЛЛІЯ.

Пи; не стоишь чести
И гнѣва моего;
Достоинъ только ты презрѣнья одного.

СЕКСТЪ.

Тогдабъ достоинъ былъ презрѣнья твоего,
Когда бы, не смущенъ ни мало,
На Тита простиралъ злодѣйства жало;
Когдабъ, спокойно лютъ,
Я съ равнодушіемъ тѣхъ страшныхъ ждалъ минутъ,
Въ которы Тита кровь тебѣ прольется въ жертву;
Но совѣсть зря во мнѣ еще не мертву,
Вителлія меня возможетъ ли презрѣть?
Иль Тита не терпя, не можешь ты терпѣть
Всего, что добродѣтели имѣетъ
Въ себѣ хоть малый видъ?
Ахъ! чѣмъ, благотворящій Титъ,
Чѣмъ злобу заслужилъ?

ВИТЕЛЛІЯ.

Владѣетъ!

СЕКСТЪ.

Ты знаешь, какъ того достоинъ онъ!
Не Титъ здѣсь царствуетъ, здѣсь царствуетъ законъ.
Какъ солнца лучъ, щедротой
Его блистаетъ тронъ;
И мы души его добротой
Ограждены, утѣшены всякъ часъ,
Мы только лишь плоды его сбираемъ власти;

А онъ въ возвышенной своей на тронѣ части,
Трудами изнуренъ, стократъ несчастнѣй насъ.
Чего не достаетъ ко счастью намъ и славѣ?
И какъ насъ Титъ вознесъ величіемъ своимъ?
Цари, его подвластные державѣ,
Суть меньше насъ предъ нимъ.

ВИТЕЛЛІЯ.

О Римлянинъ! ты можешь ли такъ мыслить.
Доволенъ участью твоей,
Что выше ты царей,
Ты можешь ли себя великимъ числить!

СЕКСТЪ.

Помысли, чью ты грудь пронзить стремишь меня!
Представь себѣ ты всѣ его благодѣянья.
Какія мы найдемъ предъ свѣтомъ оправданья,
Когда насъ міръ отчаянный виня,
Не видя своего отца на тронѣ,
Во плачѣ горестномъ, въ унынiи и стонѣ,
Убійцевъ Титовыхъ укорой бременя
И всю его воспомня добродѣтель,
Насъ будетъ вопрошать,
За что во гробъ низверженъ благъ содѣтель?
Что мы тогда, что станемъ отвѣчать?
Не то ль, что онъ владѣлъ? тогда речетъ вселенна,
Къ намъ ужасомъ полна и гнѣвомъ воспаленна,
Тогда речетъ и Римъ, героевъ градъ:
Свободы, власть его, пріятнѣй намъ стократъ....
Зри Тита блѣднаго, окровавленна;
Рыданіемъ народа окруженна,
Во гробѣ зри его; услыши плача гласъ!
Не кажется ль тотъ часъ послѣдній свѣту часъ?
Вострепещи, гнушаяся собою,
Попранна зря отца злыхъ чадъ его рукою!

ВИТЕЛЛІЯ.

О другъ злодѣя моего!

За тѣмъ ли ты пришелъ, чтобы хвалить его?
Чтобъ божеству сему предъ мною покланяшься?
Гнушатися собой, и даже мной гнушашься?
Поди, оставь меня, я клятвы отдаю,
Которыми любовь ты обманулъ мою.

СЕКСТЪ.

Къ свершенью Титовой смертельныя судьбины,
Найди ты мнѣ, найди хоть малыя причины;
Коль можешь, тѣмъ мое злодѣйство облегчи,
И Секстовъ духъ хотя мечтою омрачи.

ВИТЕЛЛІЯ.

Мечтой? иль мало ты еще причинъ имѣешь?
Любовь Вителліи и тронъ тебя зовешъ....
Не сынъ ты Рима, нѣтъ,
Не Римлянинъ, когда владыкой быть не смѣешь;
Не любишь и меня! я тщетно льстилась тѣмъ.
Въ сей часъ, въ сей самый часъ въ восторгѣ я моемъ,
Какъ съ тѣмъ я Секста ожидала,
Что онъ кровь Тита лить готовъ ко мнѣ придетъ,
И сердце все одной мнѣ въ жертву принесетъ,
Ужъ я его любить смертельно начинала;
И мысля вскорости врага увидѣть кровь,
Казала богомъ мнѣ его моя любовь.
Но Секстъ, самъ Секстъ мой пламень погашаетъ,
И сердце самъ мое къ иному отвращаетъ.
Поди; есть мстители иные за меня,
Которые о Титѣ не стеня,
Ко мщенью моему десницу простираютъ
И въ мысляхъ моего злодѣя пожираютъ.

Лентулъ входитъ.

Вотъ Ленгулъ здѣсь! ему я сердце отдаю;
Поди, какъ хочешь ты о Кесарѣ крушися.

СЕКСТЪ.

Постой, жестокая! отчаянья страшися,

Въ которо ревностью ввергаешь страсть мою!
Все въ жертву принесу въ семъ страшномъ изступленьи!
Разсудка моего въ свирѣпомъ ослѣпленьи,
Лія рѣками кровь, и все что есть, губя
Злодѣемъ сдѣлаюсь достойнѣйшимъ тебя.
Отъ ярости моей сама ты воспрепещешь!

ВИТЕЛЛІЯ.

Свирѣпымъ взоромъ ты любовь мнѣ въ сердце мещешь;
Опять воспламенилъ жаръ сердца моего.
Рази! и будешь мнѣ любезнѣе всего.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВИТЕЛЛІЯ, СЕКСТЪ, ЛЕНТУЛЪ.

ЛЕНТУЛЪ.

Ужъ все учреждено; въ грядущи ночи мраки
Назначено твое отмщенье совершить;
Тебя на тронъ возвесть, а Титу грудь пронзить.
Уже уставлены ужасные тѣ знаки,
По коимъ жаръ сердецъ отмстителей твоихъ
Во всѣхъ мѣстахъ открыться долженъ въ мигъ.
Вся Капитолія огнемъ воспламененна
Сообщниковъ стремленье освѣтитъ;
И злоба во сердцахъ днесь только сокровенна,
Со всѣхъ сторонъ на Тита полетитъ:
Въ сообщникахъ она едва осиановленна,
Въ нетерпѣливости брозды грызетъ,
Чѣмъ Ленгулъ, правя ихъ, имъ воли не даетъ.
Но медлить намъ не должно болѣ,
Что бы сообщники не отворили глазъ;
Поставленны въ опасной долѣ
Надъ страшной бездною стремящимъ гнѣвомъ насъ,
Что бы не возмогли содрогшись обратиться
Къ раскаянью, чего лишь должно намъ страшиться.

Удобный часъ себѣ на пользу обратитъ,
Иль нерадѣніемъ часъ оный пропуститъ,
И наше счастье и напасти
Зависятъ только отъ того.
Страшуся Титовой превозносимой власти.
Извѣстно мнѣ коварство все его.
Коль хитрое имѣетъ онъ искуство,
И сердце обольщать и чувство!
За что сего льстеца и паче не терплю.
Но я, я всѐ употреблю,
Ему моей пронзити грудь рукою.
Съ какою
Я радостью его разить могу!
Я тѣмъ отмщу врагу
И твоея любви достоинъ буду.

СЕКСТЪ.

Постой!... клянусь сего не допустить,
И адскій сей ударъ моей рукой свершить.

ВИТЕЛЛІЯ, *подавъ руку Сексту.*

Секстъ! помни то; а я не позабуду
Обѣта моего. Иду; но въ ночь сію
Увидите меня передъ собою
Во гробѣ, иль на тронѣ возвышенну судьбою.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СЕКСТЪ, ЛЕНТУЛЪ.

ЛЕНТУЛЪ.

Какими бурями я душу зрю твою,
Вблизи пристанища, такъ люто возмущенну
И твердости своей совсѣмъ лишенну?
Начальнику ль, воздвигшу заговоръ,

Приличенъ сей унылый взоръ?
Тебѣ ли, насъ возведшу на стремнину,
На краѣ оныя паденье измѣрять,
И шествуя предъ нами, трепетать?
Тебѣ ль лицемъ вѣщать ужасну намъ судьбину?
Въ опасной кто снезѣ со ужасомъ идешь,
Тотъ вѣрно упадетъ.

СЕКСТЪ.

Въ Вителліи мою я долженъ душу видѣть,
А Тита не могу ни мало ненавидѣть!

ЛЕНТУЛЪ.

Глава сообщниковъ, такъ можешь ли вѣщать!
Колеблемость сію страшися имъ казать.
Уже и такъ они, симъ видомъ раздраженны,
Сомнѣніемъ о Секстѣ пораженны.

СЕКСТЪ.

Не удивляюся сомнѣнію сему:
Измѣнникъ всякъ привыкнувъ лицемѣрить,
Сообщнику подобному ему
Не можетъ вѣрить.
Но страсть къ Вителліи увѣрить можетъ ихъ,
Что буду вѣренъ я въ злодѣйствіяхъ моихъ;
Что Секстъ ихъ ярость всю себѣ во сердце приметъ;
Что Секстъ, жестокій Секстъ на Тита мечъ подъимешъ.
Но ахъ! не знаю я, могу ли совершить;
Не знаю, можетъ быть, трепещущей рукою
Стремяся друга грудь пронзить,
Мечемъ себѣ я путь во гробъ открою.

ЛЕНТУЛЪ.

Вселенной кто судьбу дерзаетъ премѣнить
И хочетъ тѣмъ себя навѣкъ прославить,
Раскаянье, то свойство слабыхъ душъ,

Онъ долженъ для другихъ оставить.
Велика духа мужъ,
Который славы въ слѣдъ ступаетъ,
Не видя ни чего на славу лишь взираетъ:
Онъ ига совѣсти освобожденъ,
Для низкихъ лишь сердецъ изобрѣтенна,
Летитъ на высоту, всемъ сердцемъ устремленъ,
Гдѣ узритъ вся его вселенна.
Я признаюсь, что сдѣлавъ первый шагъ,
Не чувствовалъ еще въ себѣ такихъ отвагъ;
Душа моя твоей подобно трепетала;
Но самъ себя подвигъ, и совѣсть замолчала.

СЕКСТЪ.

О какъ ты счастливъ предо мной!
Владычествуя злостъ тобой,
Тебѣ въ злодѣйствѣ славу кажетъ.
Хоть благость Титова тебя толикожъ вяжетъ;
Но ты изгнаніемъ наказанъ былъ
И благость позабывъ, обиды не забылъ.
А Секстъ за что, за что его возненавидитъ?
Всякъ день его вкушая дружбы плодъ,
Не столько Секстъ себѣ онъ солнца свѣта видитъ,
Колико Титовыхъ щедротъ!

ЛЕНТУЛЪ.

Но се Патриціи въ то шествуютъ собранье,
Куда пріидетъ Титъ вселенну обольщать,
Души своей являти дарованье.
Тамъ должно быть и намъ. Престани унывать,
Воображай себѣ, какую за измѣну
Вѣнеллія тебѣ опредѣляетъ цѣну:
Престолъ и прелести ея!
Вторымъ быть по тебѣ, и тѣмъ доволенъ я.

Поди.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЛЕНТУЛЪ *одинъ.*

О малодушный!
Лишь рабскимъ чувствіямъ послушный;
Тебѣ ль на тронѣ здѣсь владѣть,
И міра власть тебѣ ль въ рукахъ имѣть.
Лишь Тита я узрю поверженна тобою,
Ты самъ, ты самъ падешь моей рукою.
На то ли, Лентулъ, сей отважный путь пріялъ,
Чтобъ Секстъ съ Вителліей на тронѣ возсіялъ;
На то ли истощилъ я всю коварства бездну,
Чтобъ жизнь вести опять во мракѣ слезну?
На то ли я хотѣлъ всю славу заслужить,
Что бы властителя лишь только премѣнить,
И видѣть на другомъ мнѣ лестную корону?
Вителлія и Секстъ, вы лѣствица мнѣ къ трону.

ЯВЛЕНІЕ X.

Театръ представляетъ Сенатъ.

ТИТЪ, СЕКСТЪ, АННІЙ, ПУБЛІЙ, ЛЕНТУЛЪ, СЕНАТОРЫ сидящіе, позади ЛИКТОРЫ, ПРЕТОРЫ, народъ.

ТИТЪ *къ Сенаторамъ.*

Отечества отцы!
Величья Римскаго подпоры!
Простриte быстры ваши взоры
Въ подвластны намъ вселенныя концы;
Не кроется ль гдѣ зло, которо бы хоть мало
Покой и счастіе народовъ отнимало?
Вѣщайте мнѣ сіе: всегда я помню то,

Что все мое величіе ничто,
Когда подвласпные спонаютъ.
Вы мракъ моей разсѣйте слѣпоты;
Откройте мнѣ народа тяготы,
Которы власть Монарховъ обвиняютъ.
Все, чѣмъ въ мой вѣкъ
Лишь можетъ быть несчастливъ человѣкъ,
То все несносно Типу бѣдство,
То все мученіе ему.
Подайте средство
Вы сердцу моему
Вкушать сладчайшу тѣмъ отраду,
Чтобы народныхъ бѣдъ изчезли и слѣды;
Доставьте способы въ награду
За всѣ мои труды,
Чтобъ могъ я свѣтъ отъ тяжкихъ бѣдъ избавить,
И роду смертныхъ жизнь блаженную доставить.
Коль видя зло Монархъ, его не отвратилъ,
Онъ тѣмъ одинъ противъ народа погрѣшаетъ;
Но если правды лучъ меня не освѣтилъ,
Когда коварства тѣнь отъ глазъ его скрываетъ,
А вы то зря не можете открыть,
Гдѣ должно мнѣ зла корень истребить;
Противъ отечества то ваше преступленье.

А Н Н І Й.

Быть можетъ ли стенящихъ слышанъ гласъ?
Источникъ благостей твоихъ открытъ всякъ часъ
Даетъ въ минуту утѣшенье.
Гдѣ Титъ, тамъ грустей нѣтъ; и чтобъ престать терпѣть,
Тебя лишь надобно узрѣть.
Достойные страдать единые страдаютъ.

Т И Т Ъ.

Достойные страдать?
Иль ихъ вины мою щедроту превышаютъ?

Иль вѣчно имъ стенать,
А я не возмогу прервать ихъ стона?

ПУБЛІЙ.

Преступники закона,
Сужденные навѣкъ...

ТИТЪ.

Навѣкъ! какъ будто бы во адѣ!
Или низвергшійся въ пороки человѣкъ,
Узрѣвъ ко собственной досадѣ
То все, чѣмъ онъ мрачилъ себя,
Въ путь добродѣтели не можетъ обратиться?
Иль общества почтенье погубя,
Не можетъ совѣстью довольно сокрушиться,
И долженъ вдругъ двѣ казни претерпѣть;
И въ бѣдствѣ наконецъ свои очистя нравы,
Невиннаго себя еще подъ казнью зрѣть?
Нерѣдко въ строгости законы суть неправы.
О судіи! внемлите вы уставы,
Что человѣчество гласитъ.
Несчастныхъ сихъ я узы разрѣшаю,
Убійцамъ лишь единымъ не прощаю;
Въ томъ благость мнѣ сама претитъ.

АННІЙ.

Сенатъ со волею твоей согласенъ;
Но милосердый Титъ
Злодѣевъ тѣхъ, я мыслю, не проститъ,
Которыхъ ядъ нерѣдко не напрасенъ;
Которыхъ злобныя сердца
Въ блаженствѣ общества себѣ досаду видятъ,
И даже своего въ тебѣ отца
Безмѣрной къ нимъ щедроты ненавидятъ;
Которые злословіемъ своимъ,
Противъ тебя смутить желая Римъ,

Твое величье оскорбляютъ.

Показываетъ листъ, на коемъ имена написаны.

Се гнусны оныхъ имена,
Нашъ сшыдъ въ грядущи времена;
Которыхъ истребить повелѣваютъ
И благу общему на жертву ихъ принесть,
Законы, истинна, и долгъ и наша честь.

ТИТЪ.

Подай сіе несчастныхъ осужденье. *Принимаетъ листъ и не читая раздираетъ.*
Сенатъ не можетъ мнѣ найти препонъ
Искоренить пропивный сей законъ,
Который могъ величью оскорбленье
На то сыскать,
Чтобъ только лишь проступки умножать.
Не истинна его, не трусость начертала,
А гордость подтверждала.
Возможетъ ли молва Монарха оскорблять?
Коль истинну она удобна мнѣ являть,
То истинна должна меня наставить,
Какъ мнѣ проступокъ мой исправить;
А если ложь сплетаетъ злой языкъ,
То долженъ мной быть презрѣнъ клеветникъ;
И чтобы онъ меня престалъ безславить
И могъ прощенье заслужить,
Не наказаньемъ;
Однимъ благодѣяньемъ
Его къ себѣ желаю обратить.
Се Лентулъ въ томъ примѣръ: когда бы исполняя
Я строгость моего отца надъ нимъ,
Его въ изгнаньи оставляя,
Не возвратилъ я въ Римъ;
Не онъ, но ябъ въ томъ былъ виною,
Когда бы въ немъ врага донынѣ зрѣлъ.
Онъ паки здѣсь возставленъ мною;
Я друга въ немъ обрѣлъ.

Умножить счастіе его еще желаю,
И преторство ему вручаю:
Чтобъ онъ того, какъ былъ отецъ мой строгъ,
Изъ мыслей и слѣды искоренить возмогъ.
А ты, о Секстъ! о другъ нелицемѣрный!
Который завсегда мнѣ сердцемъ говоритъ;
Отечеству сынъ вѣрный!
Вторый ты буди Риму Титъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и ВОИНЪ.

ВОИНЪ *приноситъ письмо Титу.*

Письмо сіе необычайну,
Ужасную скрывающее тайну,
Мнѣ отдалъ Римлянинъ незнаемый вручить...

ТИТЪ.

Подай, то можетъ быть несчастнаго прошенье.

ВОИНЪ.

На жизнь твою злодѣйско умышленье!
Всѣ сенаторы съ ужасомъ возстаютъ.

АННІЙ, ПУБЛІЙ.

О ужасъ!

АННІЙ.

Тита умертвить!

ПУБЛІЙ.

И Римъ отца лишить!

СЕКСТЪ *въ сторону.*

Гдѣ скрыться мнѣ?

Твое величье оскорбляютъ.
Показываетъ листъ, на коемъ имена написаны.
Се гнусны оныхъ имена,
Нашъ стыдъ въ грядущи времена;
Которыхъ истребить повелѣваютъ
И благу общему на жертву ихъ принесть,
Законы, истинна, и долгъ и наша честь.

ТИТЪ.

Подай сіе несчастныхъ осужденье. *Принимаетъ листъ и не читая раздираетъ.*
Сенатъ не можетъ мнѣ найти препонъ
Искоренить пропивный сей законъ,
Который могъ величью оскорбленье
На то сыскать,
Чтобъ только лишь проступки умножать.
Не истинна его, не трусость начертала,
А гордость подтверждала.
Возможетъ ли молва Монарха оскорблять?
Коль истинну она удобна мнѣ являть,
То истинна должна меня наставить,
Какъ мнѣ проступокъ мой исправить;
А если ложь сплетаетъ злой языкъ,
То долженъ мной быть презрѣнъ клеветникъ;
И чтобы онъ меня престалъ безславить
И могъ прощенье заслужить,
Не наказаньемъ;
Однимъ благодѣяньемъ
Его къ себѣ желаю обратить.
Се Ленпулъ въ томъ примѣръ: когда бы исполняя
Я строгость моего отца надъ нимъ,
Его въ изгнаньи оставляя,
Не возвратилъ я въ Римъ;
Не онъ, но ябъ въ томъ былъ виною,
Когда бы въ немъ врага донынѣ зрѣлъ.
Онъ паки здѣсь возставленъ мною;
Я друга въ немъ обрѣлъ.

Умножить счастіе его еще желаю,
И преторство ему вручаю:
Чтобъ онъ того, какъ былъ отецъ мой строгъ,
Изъ мыслей и слѣды искоренить возмогъ.
А ты, о Секстъ! о другъ нелицемѣрный!
Который завсегда мнѣ сердцемъ говоритъ;
Отечеству сынъ вѣрный!
Вторый ты буди Риму Титъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и ВОИНЪ.

ВОИНЪ *приноситъ письмо Титу.*

Письмо сіе необычайну,
Ужасную скрывающее тайну,
Мнѣ отдалъ Римлянинъ незнаемый вручить...

ТИТЪ.

Подай, то можетъ быть несчастнаго прошенье.

ВОИНЪ.

На жизнь твою злодѣйско умышленье!
Всѣ сенаторы съ ужасомъ возстаютъ.

АННІЙ, ПУБЛІЙ.

О ужасъ!

АННІЙ.

Тита умертвить!

ПУБЛІЙ.

И Римъ отца лишить!

СЕКСТЪ *въ сторону.*

Гдѣ скрыться мнѣ?

ЛЕНТУЛЪ *въ сторону.*

О страшная премѣна!

АННІЙ.

О Рима стыдъ! о гнусная измѣна!

ХОРЪ *народа.*

О преступленіе! о страхъ!
Такихъ злодѣйствъ не льзя измѣришь!
Возможно ли тому повѣришь,
Что здѣшня града во стѣнахъ
Ему бы кто возмогъ быть врагъ!

ТИТЪ.

Не вѣрю, нѣтъ! сего не можетъ быть;
Никто меня, никто не хочетъ погубить.
Отдаетъ письмо Сексту.
Читай, мой другъ.

СЕКСТЪ *читаетъ.*

„О Титъ! брегися.
„Есть въ Римѣ варварски сердца,
„Которыя клялися
„Лишить тебя и жизни и вѣнца....

ТИТЪ.

Что сдѣлалъ Риму я! за что сія мнѣ злоба?
За что мнѣ подданны врата отверзли гроба?
За то ль, что я послѣдняго изъ нихъ
Считаю жизнь священнѣй дней моихъ?
О небо! *къ Сексту.* Ты, мой другъ, блѣднѣешь и трепещешь,
И взгляды на меня отчаянные мещешь?
Мой другъ, твои глаза наполненные слезъ
Едина мнѣ въ сей часъ успѣха отъ небесъ!
Свершай.

СЕКСТЪ *продолжаетъ читать.*

„Какъ ночь сіи ужасны скроетъ стѣны;
„Вся Капитолія въ огнѣ
„Знакъ будетъ люшыя измѣны.
„Повѣрь богамъ, когда не вѣришь мнѣ.
„Всего, что есть, брегися,
„И даже и друзей твоихъ страшися.“

ТИТЪ.

На что мнѣ свѣтъ? что мнѣ и въ жизни сей,
Коль долженъ я страшиться и друзей?
Страшиться и друзей! въ какой я люшой долѣ!
Всѣ смертны мнѣ друзья; а Секстъ драгой всѣхъ болѣ.

СЕКСТЪ.

О Титъ! не вѣрь шы ни кому,
И даже Сексту своему.

АННІЙ.

Весь сонмъ Патриціевъ какъ громомъ пораженный,
Отъ ужаса оцѣпенѣлъ;
Какъ тартаръ гласъ измѣны заревѣлъ.
Но время, чтобъ нашъ духъ преогорченный,
Стремился изыскать зла корень сокровенный.
Могущи Титову забыть пріязнь,
Да вострепещутъ всѣ, злодѣевъ видя казнь!
Но Кесарь слезъ лиешъ пошоки?...

ТИТЪ.

Воображая тѣ часы жесшоки,
Въ которы истинна лить смертныхъ кровь велитъ,
Ужъ сердце Титово трепещетъ и болѣетъ,
Преступниковъ жалѣетъ
И долгъ во мнѣ Монаршескій винитъ.

ПУБЛІЙ.

О истинный отецъ народа!

Возможно ли, чтобы природа
Могла ему враговъ на свѣтъ рождать!

АННІЙ.

Пойдемъ чудовищъ сихъ искать.
Къ Римлянамъ.
А вы, сыны достойны Рима,
Отца въ опасности ужасной зрима
Храня, должны его повсюду провождать,
И жизнь его сердцами защищать.

ТИТЪ.

Не надобна сія для Тита оборона.
Пускай спасается тиранновъ шѣмъ корона.
Коль Титова кровь Римлянамъ нужна,
Пускай ее ихъ злоба проливаетъ;
И если жизнь моя имъ больше не важна;
То жизнь такую Титъ несчастный презираетъ.
Уходитъ, и за нимъ Сенаторы.

ХОРЪ.

О преступленіе! о страхъ! и проч.

КОНЕЦЪ

Втораго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ Титовъ кабинетъ.

ТИТЪ, ПУБЛІЙ.

ТИТЪ *имѣя въ рукахъ листъ бумаги.*

Что вижу я? о рокъ! о грозный часъ!
Мнѣ Секстъ, самъ Секстъ любезный измѣняетъ!
Тоска въ устахъ перерываетъ гласъ!
Хотя сей страшный листъ въ томъ Типа увѣряетъ;
Но вѣрить не могу,
И мысль моя того не постигаетъ.
Все въ жертву приносилъ, о Титъ! кому? врагу!
Ты, Публій, знаешь то; какая плата Титу?...
О Секстъ! имѣлъ ли я какую мысль сокрыту,
Иль въ сердцѣ что моемъ питалъ,
Чего бы я тебѣ не удѣлялъ?
Чего еще тебѣ, чего не доставало?
Лишь только скиптра тяготы;
И сердце все мое съ тобою раздѣляло,
Лишь власти не имѣлъ мученья ты....
Но правда ль, Публій, то? Не рѣдко клеветою
Невинный страждетъ человѣкъ.

ПУБЛІЙ.

Обремененъ своей предъ Ленгуломъ виною,
Въ отчаяньи самъ Секстъ признавшись рекъ,
Что смерти злѣйшей онъ достоенъ.
Тогда слезъ позднихъ токъ раскаяньемъ удвоенъ;
Грызенье совѣсти, тоска смертельна, стыдъ,

Со всею благостью мечтающійся Титъ
Его терзаютъ неотступно.

ТИТЪ.

Несчастный! страждетъ онъ, и я страдаю купно!
Ты видишь, Публій, что не столько виненъ онъ,
Что кѣмъ нибудь къ злодѣйству приведенный...

ПУБЛІЙ.

Быть щедрымъ никогда не видишь ты препонъ,
А если наказать, тогда твой духъ смятенный,
Преступника стараясь оправдать,
Ко извиненью все стремится изыскать.

ТИТЪ.

Погибни сердце то немилосердо,
Которое въ жестокости лишь твердо,
Утѣхой чтитъ кровь смертныхъ проливать,
И даже и враговъ безъ жалости карать!
Поди, мой другъ, въ Сенатъ, гдѣ Секстъ несчастной
Коварствомъ Лентула прельщенъ,
И строгостью законовъ притѣсненъ,
Отъ страха трепеща, въ своей судьбѣ ужасной
Преступокъ можетъ быть свой самъ отяготилъ.
Не рвался бъ Секстъ, когда бъ онъ Тита не любилъ.
Измѣри, Публій, все ты мыслію своею.
Не все то истинна, что кажется быть ею.

ПУБЛІЙ.

О сколько бъ я судьбу благодарилъ,
Когда бъ его тебѣ невинна возвратилъ!
Но если онъ . . .

ТИТЪ.

Мою коль дружбу позабылъ,
Когда отъ Тита онъ къ злодѣйству обращенный,
Со Лентуломъ душею сопряженный

Утѣхой почиталъ неблагодарнымъ быть;
Тогда его, тогда и я могу забыть.
Но Секстъ извѣстенъ мнѣ, и быть тому не можно,
Поди, и поступи лишь только осторожно.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТИТЪ *одинъ.*

Среди надежды я и страха раздѣленъ;
Хотя покой отъ сердца удаленъ,
Не вовсе я себя несчастнымъ почитаю,
Коль друга зрѣть невиннымъ уповаю...
Не тщетно ли?... увы! мнѣ сердце говоритъ,
Что виненъ Секстъ; его то самъ казалъ мнѣ видъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТИТЪ, СЕРВИЛЛІЯ.

СЕРВИЛЛІЯ *упадая на колѣни.*

Къ ногамъ владыки моего...

ТИТЪ *поднимая ее.*

Возстань: о чемъ сіе прошенье?
Я на челѣ твоемъ смущенье
Зрю сердца твоего.
Вѣщай; чѣмъ можешь ты предъ Титомъ возмутишься?

СЕРВИЛЛІЯ.

Открытьемъ таинства страшуся преступиться,
И таинство сокрывъ, страшусь виновна быть.

ТИТЪ.

Лишь робостью меня ты можешь оскорбить.

СЕРВИЛЛІЯ.

Изъ всѣхъ достойнѣйшихъ Сервиллія избранна
Взойти на тронъ къ тебѣ,
Супругой быть твоей обѣтованна,
Должна бы, зря себя въ преславной толь судьбѣ,
Быть счастливѣе всѣхъ. Была бы я блаженна
И безъ престола съ Титомъ сопряженна:
Но сердце ужъ мое... не забывай того,
Что я притворствовать передъ тобой страшуся,
Что недостойною твоихъ щедротъ являюся,
Когда, скрывъ таинство я сердца моего,
Иному сердце покоренно
Я Титу посвящу.

ТИТЪ.

Но кѣмъ оно прельщенно?
Открой, я вѣдать то хочу.

СЕРВИЛЛІЯ.

Когда Сервиллія чистосердечна,
Притворства низкія презрѣвъ,
Заслужишъ Титовъ гнѣвъ,
Сервилліи то будетъ мука вѣчна:
Всечасно совѣсть мнѣ въ томъ будетъ упрекать.

ТИТЪ.

Коль искренность души мнѣ хочешь показать,
Сервиллія меня симъ страхомъ унижаетъ.

СЕРВИЛЛІЯ.

Симъ сердцемъ Анній обладаетъ.
Уже тогда любила я его,
Когда того, что я люблю не знала;
Когда еще не понимала
Сей склонности я сердца моего.
Всечасно, Государь, страсть наша возрастала,
И страсть сія моей питаньемъ жизни стала.

Безъ Аннія мнѣ цѣлый свѣтъ
Едины горести лишь только представляетъ;
Но если Титъ того желаетъ,
Сервилья съ нимъ во храмъ идетъ.

ТИТЪ.

Благодарю боговъ! я сердце откровенно
Впервые днесь обрѣлъ,
Впервые на лицѣ я истинну узрѣлъ.
О какъ твое признанье мнѣ священно!
Скрываясь предо мной, меня бы привела
Два сердца расперзать во пламенной ихъ страсти;
И тыбъ виновна въ томъ была,
Чтобы двухъ смертныхъ Титъ причиной былъ напасти,
Какъ долженъ я тебѣ! твой духъ мнѣ способъ далъ,
Что счастливыхъ число я вами умножаю.
Тебя я съ Анніемъ навѣки сопрягаю.
Когдабъ Титъ смертну страсть къ Сервилліи питалъ,
И рокомъ осужденъ ея красы лишаться,
Былъ долженъ избирать
Терзаться, иль терзать;
Титъ лучше выбралъ бы терзаться.

СЕРВИЛЛІЯ.

Отрада смертныхъ ты! я чѣмъ тебѣ воздамъ?
Тебѣ достойно приношенье
Приличное богамъ...

ТИТЪ.

Будь счастлива; и вотъ благодаренье
Достойное царямъ.
Поди, гласи ты всѣмъ, вѣщая,
Что истинна святая
Священнѣй мнѣ всего.
Желаетъ кто почтенье
Отъ сердца заслужить владыки своего,
Тотъ правду да явитъ очамъ его,

Хотябъ ему то было въ огорченье:
Мнѣ горесть оная пріятнѣе стократъ
Даемыхъ лестію пресладостныхъ отрадъ.
О! еслибъ я подавъ Сервильи утѣшенье,
И Секстовой судьбѣ возмогъ найти
Подобно облеченье,
И друга, ввергшася въ злодѣйствіе, спасти!

СЕРВИЛЛІЯ.

Что слышу я? мой братъ!

ТИТЪ.

Секстъ Тита ненавидитъ,
И въ смерти онъ моей свою утѣху видитъ.
Се начертаніе злодѣйскихъ тѣхъ именъ,
Между которыми твой братъ постановленъ.

СЕРВИЛЛІЯ.

О страхъ! отъ глазъ моихъ лучъ солнца убѣгаетъ.
Стыдъ брата моего меня обременяетъ.

ТИТЪ.

Сервиллія! еще не должно унывать,
И намъ всего еще возможно уповать.
Поди, и мнѣ въ отплату
Вспомоществуй несчастному ты брату
Его невинность изъяснить,
Или хотя его преступки уменьшить.

СЕРВИЛЛІЯ.

Иду сраженная его виною,
Явить его невиннымъ предъ тобою;
Или когда должна злодѣемъ брата зрѣть,
Иду съ нимъ купно умереть.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТИТЪ *одинъ.*

О если бы, податель я закона,
Вокругъ блистающа вѣнца
Всечасно зрѣлъ открытыя сердца;
Когдабъ съ превыспренности трона
Умѣя ложь отъ правды отличать,
Распредѣляя всѣхъ достойны части,
Возмогъ позора убѣгать
Порочныхъ возвышать;
Ябъ видѣлъ рай въ моей толь тяжкой власти....
О Секстъ! и ты притворствовать умѣлъ!
И добродѣтели забывъ внушенны мною,
Содѣтель гнусныхъ дѣлъ,
Мнѣ будешь люшаго раскаянья виною,
Что столько я тебя любилъ.
Къ кому несчастный ты во сердцѣ злость таилъ?
Ахъ! что тебя къ сему злодѣйству приводило?
И Секстъ и Титъ, не все ль едино было?
Ты сердце мнѣ пронзивъ, свое бы поразилъ!
Но можетъ быть еще... несносно безъизвѣстье!
О какъ оно меня томитъ! *увидя Аннія.*
Невиненъ ли мой Секстъ?... но твой печальный видъ!...
О рокъ?... что?... Секстъ!...

ЯВЛЕНІЕ V.

ТИТЪ, АННІЙ.

АННІЙ.

Онъ нашихъ дней безчестье;
Природы извергъ онъ,
Отъ коего и самъ законъ

Неслыханна содрогся преступленья;
И словомъ, онъ глава ужасна умышленья.

Т И Т Ъ.

Свершилось все!

А Н Н І Й *представляя Титу приговоръ.*

И се Сената судъ.
Патриціи стыдомъ, унынъемъ пораженны,
Кленя сей лютый день, того лишь только ждутъ,
Чтобъ были ихъ любой рѣшенья подвержденны.
Уже на казнь преступниковъ ведутъ,
И для внушенія такимъ сердцамъ боязни,
Хотя ихъ строги казни,
Но праведны они.
Потомки оными, узрѣвъ въ грядущи дни,
Какую злобу Римъ къ своимъ врагамъ имѣетъ,
Измѣряютъ казнью ихъ его къ тебѣ любовь.

Т И Т Ъ.

Почто, о боги! Типъ въ сей лютый часъ владѣетъ!

А Н Н І Й.

Чтобы злодѣевъ сихъ была пролита кровь,
Чтобъ Секстовы свершились казни строги,
Законы требуютъ, вселенна, Римъ и боги.
И если сихъ уже преступниковъ простишь,
Ты милосердіемъ къ злодѣйству путь явишь.

Т И Т Ъ.

Я знаю, Анній, то и ахъ! о томъ стонаю.
О лютый долгъ препорученный намъ!
Сей должностью я самъ себя терзаю.
Карать прямая казнь чувствительнымъ сердцамъ.
Но чѣмъ себя несчастный извиняетъ?

А Н Н І Й.

Молчаніе глубоко сохраняетъ.

И раздирая грудь омыту токомъ слезъ,
Не хочетъ и воззрѣть на свѣтлый блескъ небесъ.
На всѣ вопросы онъ лишь стономъ отвѣчаетъ,
И смертью окончать мученье умоляетъ.
Но изъ сердецъ сообщниковъ его
Мы тайну извлечемъ терзаньемъ.

ТИТЪ.

Титъ больше знать не хочетъ ничего,
Коль должно тартара страданьемъ
Остатокъ тайны извлекать
И муками еще виновныхъ умножать....
Да придетъ Секстъ ко мнѣ; увѣренъ, что предъ Титомъ
Онъ таинства не умолчитъ,
И друга своего опять увидитъ Титъ
Во сердцѣ нѣжномъ и открытомъ.
Есть въ Римѣ кто нибудь, кто Секста соблазня,
Подвигъ возстать противъ меня;
И вотъ что знать изъ устъ его желаю
Для облегченія вины его.
Признаніемъ, чего и ожидаю,
Во сердцѣ онъ Владыки своего,
Когда еще моя имъ дружба не забыта,
Еще найти возможетъ Тита.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТИТЪ *одинъ.*

Вотъ намъ друзья, которыхъ тронъ даетъ!
Насъ подданны равняютъ, боги, съ вами;
А насъ несчастнѣе на свѣтѣ нѣтъ.
Униженный судьбами
Послѣдній человѣкъ,
Ведя спокойно вѣкъ,
Всечасно видитъ,
Его кто любитъ, или ненавидитъ.

Но смертные, всегда
Блистая красками притворными предъ нами,
Не кажутъ никогда
Согласныхъ лицъ съ сердцами.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТИТЪ, АННІЙ, ПУБЛІЙ, СЕКСТЪ *и стражи.*

СЕКСТЪ *останавливаясь въ удаленіи отъ Тита.*

Гдѣ я? гдѣ скрыться мнѣ? разверзи бездну адъ,
И поглоти мои со мною злодѣянья!
О память Титова ко мнѣ благодѣянья!
Такихъ ли онъ себѣ за дружбу ждалъ наградъ?
Секстъ, прежней благости въ очахъ его не видитъ!
О рокъ! о грозный рокъ! Титъ Секста ненавидитъ!

ТИТЪ *въ сторону.*

Порокомъ какъ его преобразился зракъ!
Его лице покрылъ смертельный мракъ.
Какъ страждетъ онъ, несчастный!
къ Сексту.
Приближся, Секстъ!

СЕКСТЪ.

О гласъ!... не гласъ, но громъ ужасный!
Который мнѣ все сердце разразилъ.
Увы! когда мнѣ Титъ такъ страшенъ былъ!

ТИТЪ *съ важностію.*

Я рекъ, приближся Секстъ.

СЕКСТЪ *не много приближась.*

О боги!
Колеблется земля, мои трепещутъ ноги!

Лiется вЪ жилахЪ смертный хладЪ!
Коль страшны фурiи вокругЪ меня стоятЪ!
Всю Титову мнѣ благость представляютЪ,
И ею все мое злодѣйство измѣряютЪ,
Мой духЪ укорой бременя.

ТИТЪ *къ предстоящимъ.*

Оставьте съ нимЪ меня.

ЯВЛЕНIЕ VIII.

ТИТЪ, СЕКСТЪ.

ТИТЪ *нѣсколько помолчавъ.*

ТакЪ правда то, что СекстЪ возненавидѣлЪ Тита?
Что смерти онЪ моей желалЪ,
Что онЪ алкалЪ...
ЧтобЪ кровь была пролита?
Чiя!... о юный СекстЪ! какою ты судьбой
ХотѣлЪ, чтобЪ я погибЪ благотворитель твой?
Блаженства твоего усерднѣйшiй рачитель,
Я чѣмЪ возмогЪ тебѣ несноснЪ быть?
И если позабытЪ тобой во мнѣ властитель,
КакЪ друга ты во мнѣ возмогЪ забыть?
Благодѣянiй я моихЪ не исчисляю,
Смятенья твоего я тѣмЪ не умножаю.
ТитЪ никогда ихЪ помнить не умѣлЪ;
Но СекстЪ, ихЪ позабывЪ, на память мнѣ привелЪ.
ОтЪ самой юности во мнѣ отца ты видѣлЪ;
А ты пронзить мнѣ грудь хотѣлЪ!
ТитЪ другомЪ болѣе тебя кого имѣлЪ?
А ты его возненавидѣлЪ!
А сердце возмогло тебя къ тому привесть,
ЧтобЪ съ ТитомЪ потерять тебѣ твою и честь!
О боги! если СекстЪ возмогЪ мнѣ лицемѣрить;
Гдѣ мнѣ друзей найти? кому на свѣтѣ вѣрить?

СЕКСТЪ *со слезами бросаясь къ Титовымъ ногамъ.*

О Титъ!.., о Государь!... ахъ! еслибъ ты возмогъ
Во внутренность души расперзанной проникнуть,
Которая не могла къ злодѣйствію привыкнуть;
Когдабъ ты зрѣлъ, какой ужасный богъ
Обвивпо остріе грызущими зміями
Во сердце мнѣ вонзилъ;
Взирая Титовой души очами,
Хотя я часпь сію и заслужилъ,
Но видя все мое мученье,
Почувствовалъ бы ты о Секстѣ сожалѣнье.
Гласъ совѣсти изъ сердца глубины
Вѣщая всѣ мои вины,
Меня всякъ часъ какъ громомъ поражаетъ;
И Сексіпъ убѣжища въ себѣ не обрѣтаетъ.
Караетъ все меня; и благости твои
Суть первые въ сей часъ мучители мои;
Яви мнѣ, Государь, твою послѣдню благость:
Сними скорѣй съ меня ты жизни гнусной тягость.
Вели, чтобъ конча дни карающей рукой,
Престалъ бы Секстъ быть мерзокъ предъ собой.
Пускай омоетъ кровь мои злодѣйства многи,
Ко уполенію прогнѣванныхъ небесъ
На мѣспо горькихъ слезъ,
Которыми твои я омываю ноги.

Т И Т Ъ *возставъ.*

Возстань, несчастный, ахъ! могу ли слезы зрѣть
И, дружбу прежню вспоминая,
Толико твердости имѣть,
Чтобъ слезъ не лить, отъ горести стоная.
Увидь изъ пропасти твоихъ ужасныхъ бѣдъ,
Коль трона ты желалъ величьемъ ослѣпленный,
Какія мнѣ утѣхи подаетъ
Сей тронъ тобою вожделѣнный.
Чего ты въ немъ искалъ? блаженства твоего?
Смотри, жестокій Секстъ! вкушаю ль я его?

Вообрази себѣ ты дней моихъ отравы,
И пожелай теперь моей державы.

СЕКСТЪ.

Не трона тщетный блескъ мнѣ очи омрачилъ,
О Титъ!

ТИТЪ.

Такъ ктожъ меня съ тобою разлучилъ?
Противъ меня что Секста воружило?

СЕКСТЪ.

Не сердце, нѣтъ; оно тебя всегда любило;
Но слабость....

ТИТЪ.

Довершай,
И друга моего скорѣй мнѣ возвращай.

СЕКСТЪ *въ сторону.*

О какъ мой духъ страдаетъ!
Что Титъ повелѣваетъ,
Мнѣ то открыть любовь претитъ.

ТИТЪ.

Почто, о Секстъ! такой со мною стыдъ?
Оставь свое ты все притворство,
Оставь безмолвія упорство,
И страха истреби мечты.
Взявъ Секста за руку.
Твой Титъ, о Секстъ! твой другъ тебѣ вѣщаетъ.
Что Титу скажешь ты,
Повѣрь, вовѣкъ того твой Кесарь не узнаетъ.
Невинностью твоей колико восхищусь:
Тотчасъ въ твои объятья устремлюсь
И слезы Секстовы смѣшаю я съ моими.
Жестокій Секстъ! смягчися ты хошь ими!

Зря оправданіе твое ты въ сихъ слезахъ,
Хотя и виненъ ты, разсѣй твой страхъ,
И откровенностью прервавъ мои мученья,
Поищемъ вообще мы Сексту извиненья.

СЕКСТЪ *въ сторону.*

Вителліи могу ли измѣнить!
Къ Титу.
Ничто меня, ничто не можетъ извинить;
Мое молчаніе сіе тебѣ вѣщаетъ.

ТИТЪ.

Оно твои злодѣйства умножаетъ.
Титъ тайны всѣ съ тобою раздѣлялъ;
А отъ тебя единыя желаетъ.

СЕКСТЪ *въ сторону.*

О рокъ! иль мало ты еще меня терзалъ?
Я долженъ Титовыхъ всѣхъ милостей лишишься,
Или съ Вителліей навѣки разлучишься!

ТИТЪ.

Неблагодарный Секстъ! упорностью твоей
Какъ дружбѣ плашишь ты моей!

СЕКСТЪ *въ сторону.*

Любовь! крѣпи мой духъ, ужъ Титъ превозмогаетъ,
И тайну всю твою изъ сердца исторгаетъ.

ТИТЪ.

Ожесточеніе зря сердца твоего,
Презрѣнный можетъ другъ въ Монарха превратиться;
Страшися гнѣва ты владыки своего!
Упорствомъ благость вся возможетъ истощиться.
Въ послѣдній разъ, вѣщай!... Жестокій! ты молчишь.
Не друга ты въ себѣ, измѣнника явишь.

СЕКСТЪ.

Узнай, властишель мой!... Что дѣлаю? о боги!

ТИТЪ.

Окончи.

СЕКСТЪ.

Ахъ! когда свершатся казни строги!

ТИТЪ.

Что хочешь ты сказать?

СЕКСТЪ.

Что страшный я злодѣй!...
Что чувствую весь адъ въ душѣ моей;...
Что благостей твоихъ ни мало я не стою;...
Что не достоинъ я взирать на свѣтъ небесъ;...
Что рвусь, и что себя лишь смертью успокою;...
Что гнусенъ я себѣ.... О Титъ! для горькихъ слезъ
Вели меня скорѣй отъ жизни ты избавить.

ТИТЪ.

Когда въ злодѣйствіи ожесточенъ,
Отъ добродѣтели ты столько отвлеченъ,
Что ты не можешь въ путь ея себя поставить;
Ты смерти требуешь, и вкусишь смерть въ сей часъ.
Вы, стражи, отъ моихъ его сокройте глазъ.
Сексту, который прочь идетъ. *Самъ себѣ.*
Постой, несчастный! Какъ снести сію разлуку!

СЕКСТЪ.

Чтобъ утолить мою хоть мало муку,
Позволь въ послѣдній разъ
Твою облобызати руку.

ТИТЪ.

Прости.

СЕКСТЪ.

Титъ думалъ ли когда, что Секстъ умретъ
Ни мало имъ не сожалѣемъ;
Что снидетъ въ гробъ его злодѣемъ.
Но какъ жизнь горьку казнь достойна пресѣчетъ,
Хотя тогда о мнѣ воспоминай безъ гнѣва,
И обращая взоръ на первы дни мои,
Ты позабудь часы послѣдніе сіи.

ТИТЪ.

Поди.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТИТЪ *одинъ.*

Не избѣжишь уже ты смерти зѣва.
Въ измѣнѣ ты своей злодѣйски утвержденъ,
Владыки чувствуй власть, коль другъ тобой презрѣнъ....
Какой бы могъ отецъ щадити сына болѣ?
Твоя судьба была въ твоей строптивой волѣ;
Но милосердіе мое ты пренебрегъ
И правосудія ты гнѣвъ во мнѣ возжегъ.

Подходитъ къ столу, чтобъ подписать приговоръ.

Отмстимъ!... отмстимъ!... о Титъ! и ты способенъ
Толь низко чувствіе въ твоей душѣ питать?
И оскорбленъ, унизиться удобенъ,
Со оскорбителемъ твоимъ себя сравнять?
Стыдися быть ему въ свирѣпости подобенъ!
Какая слава, тамъ отмщенія искать,
Гдѣ, что бы погубить, лишь должно пожелать?
Отъяти жизнь послѣдній смертный можетъ;
Но дать удобно лишь безсмертнымъ и царямъ....
Да будетъ живъ.... Такъ Титъ законовъ мечъ отложетъ?
Хранитель ихъ, попворствуя друзьямъ,
Онъ правосудіе для Секста позабудетъ
И равенъ Манлію и Бруту онъ не будетъ....

Послѣдую я имъ. Умолкни дружбы гласъ.
Пришелъ ужъ твой, о Секстъ! послѣдній часъ!
Не я, но истинна сама тебя караетъ.
Преступникъ Секстъ, пускай и умираетъ.
Подписываетъ приговоръ.
Что дѣлаю? стремлюсь свирѣпости я въ путь!
Хочу въ тиранна претвориться,
И кровію гражданъ моихъ омыться,
И начинаю то пронзая другу грудь!
Или твоя душа отъ милостей устала
И люпость для тебя пріятна стала.
Не омрачай, о Титъ! отрадный твой вѣнецъ:
Бывъ подданныхъ судья, ты меньше ль ихъ отецъ?...
Раздираетъ приговоръ.
Живите... и когда моя Порфира
Должна мнѣ чѣмъ содѣлать стыдъ;
Пусть лучше голосъ міра
Во благостяхъ меня, не въ казняхъ укоритъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

АННІЙ, ТИТЪ.

АННІЙ.

Явися, Государь, народу огорченну;
Твоей бѣдой, его ты душу возмущенну
Спокой присутствіемъ твоимъ.
На мѣстѣ казни цѣлой Римъ
Тебя слезами умоляетъ,
Чтобы явя ты правосудья мечъ,
Имъ наглость злобы могъ пресѣчь,
Которa благостью лишь только возрастаетъ.

ТИТЪ.

О Секстъ! какъ ты жестокъ ко другу твоему!
Пойдемъ предстать на площади ему.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Театръ представляетъ площадь. Титъ окруженный Сенаторами. Предъ нимъ идутъ Ликторы, а за нимъ Преторы. Анній, Публій и Сервиллія.

ТИТЪ *къ Ликторамъ.*

Представьше, Ликторы, ко смерти осужденныхъ.
Самъ въ себѣ.
Въ отчаяньи и чувствахъ огорченныхъ,
Не чаешь ты, о Секстъ! прощенія себѣ;
Но тѣмъ пріятнѣй то покажется тебѣ.
Съ какимъ веселіемъ его увижу радость!
Се Титовой души прямая сладость!
И ежели не стоитъ Секстъ того;
Достойно, Титъ, то сердца твоего.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТИТЪ, СЕНАТОРЫ, АННІЙ, ПУБЛІЙ, СЕРВИЛЛІЯ, СЕКСТЪ, ЛЕНТУЛЪ, толпа осужденныхъ заговорщиковъ, ЛИКТОРЫ, ПРЕТОРЫ, воины, народъ.

СЕКСТЪ.

О смерть! окончи ты скорѣй мое мученье!

ЛЕНТУЛЪ.

О поздное раскаянья грызенье!

СЕРВИЛЛІЯ.

Несчастна! я должна кончину брата зрѣть!
И видѣть то, что онъ достоинъ умереть!

ТИТЪ *къ Сексту.*

Ты знаешь то, твое коль важно преступленье,
И вѣдаешь, достоинъ ты чего.
Исчисли сердца всѣ преступки твоего.
Смятенный Римъ, величья оскорбленье,
Нарушенный законъ,
Измѣна дружеству, забвеніе пріязни,
Земля, и небо, и мой тронъ,
Все требуетъ твоей днесь казни.
Злодѣйства твоего единый Титъ предметъ.
Внемли.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣже и ВИТЕЛЛІЯ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Вителлія къ ногамъ твоимъ падетъ
И совѣстью размученна страдаетъ.

ТИТЪ.

Чего Вителлія желаетъ?

ВИТЕЛЛІЯ.

Единой смерти.

ТИТЪ.

Но кому?

ВИТЕЛЛІЯ.

Лютѣйшему злодѣю твоему,
Виновнику всея напасти,
Которая твоей грозила жизни, власти.

ТИТЪ.

Но кто онъ?

ВИТЕЛЛІЯ.

Я;
Я недостойная пощады твоея!

ТИТЪ.

И ты, Вителлія?

ВИТЕЛЛІЯ.

Я смерти ожидаю.

ТИТЪ.

Но всѣхъ ли я моихъ злодѣевъ знаю?
Или осталися еще?

ВИТЕЛЛІЯ.

Я злѣйша всѣхъ.
Смертельно на тебя мной жало изощренно;
Мной сердце Секстово, мнѣ страстью покоренно,
Приведено твою всю благость позабыть,
И Титу измѣнивъ, злодѣемъ другу быть.

ТИТЪ.

Но чѣмъ, Вителлія, Титъ виненъ предъ тобою?

ВИТЕЛЛІЯ.

Вителлія горда, а Титъ на тронъ судьбою
Возвышенный ее позабывалъ.
Не ей, иной онъ сердце отдавалъ.

ТИТЪ.

О люшый день! враговъ повсюду обрѣтаю!
Или, что міру благъ
На тронѣ я желаю,
За то весь міръ мнѣ врагъ?
Или для Тита нѣтъ души нелицемѣрной?
Или въ свирѣпости безмѣрной
Судьбы, стремясь меня со всѣхъ сторонъ разить,

Хотятъ принудити меня жестокимъ быть?
Стремитесь боги
Еще ко мнѣ быть долѣ строги!
Но чтобы Титовъ духъ немилосердымъ зрѣть,
Не можете сея побѣды вы имѣть.
Или, когда того хотите,
Чтобъ кровь лилася въ сей странѣ,
Иное сердце дайте мнѣ,
Или мою корону отнимите.
Но нѣтъ; я лучше смерть хочу вкусить,
Какъ сердце лютое въ себѣ носить.
Въ единомъ лишь благоволеньѣ
Я славу зрю себѣ и честь, и упѣшенье.
Живи; о Секстъ! и вамъ врагамъ моимъ
И жизнь и вольность возвращаю.
Да вѣдаетъ то Римъ,
Что Титъ всегда здѣсь Титомъ будетъ зримъ;
Что я все вѣдаю, и все прощаю
И оскорбленія мои позабываю.

АННІЙ.

О милосердіе!

ПУБЛІЙ.

О бездна ты щедротъ!

СЕРВИЛЛІЯ *становясь на колѣни.*

Твой духъ Сервиллію на небо восхищаетъ!

СЕКСТЪ *становясь на колѣни.*

Какъ нѣкій богъ Титъ Секста изумляетъ.

ДЕНТУЛЪ *становяся на колѣни со всѣми сообщниками, а съ ними и весь народъ.*

Увиди, Государь, какъ съ нами весь народъ
Твою небесну благость обожаетъ;
Хоть храмъ отринулъ ты; твой твердый храмъ въ сердцахъ.

ВИТЕЛЛІЯ *становясь на колѣни.*

Сама Вителлія колѣна преклоняетъ.
Зри клятву вѣрности моей въ моихъ слезахъ.

ТИТЪ.

Вителлія руки моей желала;
Но . . .

ВИТЕЛЛІЯ.

Знаю, Государь; сей бракъ не для меня.
Хотя величія алкала,
Не трона, казней всѣхъ достойна я.

ТИТЪ.

Обѣтъ Сервилліи мной данный совершаю,
И съ Анніемъ ее навѣки сопрягаю.
къ Вителліи.
Ты знаешь Секстову къ тебѣ безмѣрну страсть;
Въ какую ею онъ низверженъ былъ напасть!
Чтобъ онъ возмогъ забыть минувше бѣдство,
Лишь бракъ твой съ нимъ къ тому едино средство.

ВИТЕЛЛІЯ.

Доколь жить буду я,
Закономъ будетъ воля мнѣ твоя.

СЕКСТЪ.

Толикихъ благостей не можетъ умъ постигнуть.
Нѣтъ, истинна сама, чтобъ Тита обожать
На Тибровыхъ брегахъ хотѣла храмъ воздвигнуть.
О рокъ! когда и чѣмъ изъ памяти изгнать
Мысль горькую злыхъ дѣлъ...

ТИТЪ.

Престань о томъ вѣщать,
И съединенные сердцами,
Какъ были, будемъ мы, о Секстъ! опять друзьями.

Не вспоминай преступковъ ты своихъ;
Ужъ Титъ не помнитъ больше ихъ.
Блаженъ, когда моя порфира
Любезна будетъ и моимъ врагамъ.
О милосердіе! тобой владыки міра
Подобятся богамъ.

ХОРЪ *народа.*

Инымъ богамъ ужаснымъ властью
Страхъ часто ставитъ олтари:
Но Титу равные Цари
Рожденные ко смертныхъ счастью,
Краса и слава нашихъ дней
Любви достойны олтарей.

* * *

Въ тебѣ отца Римъ зритъ,
Вселенна обожаетъ:
Блаженъ, кто жизнь вкушаетъ,
Когда на тронѣ Титъ!

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

РОССЛАВЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЕЯ СІЯТЕЛЬСТВУ,

КНЯГИНѢ.

ЕКАТЕРИНѢ РОМАНОВНѢ

ДАШКАВОЙ.

Милостивая Государыня!

Просвѣщенному вашего Сіятельства разуму, который столько знаній объемлетъ; вашему вкусу тонкому, нѣжному и разборчивому, осмѣливаюсь представить на судъ моего сочиненія Трагедію Росслава. Я сего, можетъ быть, никогда бы не отважился сдѣлать, опасаясь быть помѣхою вашихъ важныхъ упражненій;

Но та, которая бесѣдуетъ съ Невтономъ,
Возвышена достоинствомъ своимъ
Быть средствомъ межъ наукъ и тропомъ
И быть красою имъ,
Умѣетъ и сама прельщать насъ лирнымъ тономъ.

Остроумію вашему все свойственно. Вы столькоже легко мыслію протекаете пространства, Уранією измѣренныя и проницаете въ таинства природы, какъ пожинаете цвѣты Парнасскіе. Таковъ и долженъ быть Предстатель наукъ. Привязанность его вкуса къ одному предмету, оставляла бы всѣ другія дарованія въ небреженіи, и привела бы ихъ въ оцѣпенѣлость. Но вы изволите знать, сколько, безъ изъяшія всѣ знанія

нужны; вамъ извѣстно, что они непрерывною нитію взаимнаго союза сопряжены, что одно другое подкрѣпляетъ или украшаетъ; вамъ извѣстно, чтобы мудрствованіе было безъ слова, какъ и слово безъ мудрствованія. А для того, вы ни самой малѣйшей части и въ словесныхъ наукахъ не хотите оставить безъ вниманія и ободренія таланта.

Можетъ быть, милостивая Государыня! не желая отнять у васъ времени, которое вамъ драгоцѣнно, я уже проступился въ ономъ и вамъ наскучилъ. Но говоря о васъ, можно ли говорить сокращенно. . . . Болѣе всего боюся, чтобы вы не приняли сего за намѣреніе лести, чѣмъ часто грѣшны бываютъ письма, при коихъ сочиненія вельможамъ подносятся. Но вы изволите сами знать, что мое скромное усердіе еще не все сказало, въ чемъ свѣтъ вамъ справедливость отдаетъ; оставя то, что никто меня низости лести обвинить не можетъ.

Однѣ заслуги чтя, моя не подла муза;
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ, несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда.

А сверхъ того мое почтеніе къ вашимъ достоинствамъ принося жертву единому вашему просвѣщенію, инаго ничего не желаетъ, какъ то... суда моему сочиненію, гдѣ не обыкновенная страсть любви, которая на Россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству, изображена.

Не занятъ самолюбіемъ, симъ развратителемъ моихъ собратій стихотворцевъ, ласкаю себя надеждою, что сія добродѣтельная страсть къ своему обществу, которая ваше сердце наполняетъ, возможетъ пріобрѣсти ваше благоволеніе; и что вы только для сего единаго найдете мое произведеніе достойнымъ вашего покровительства. Блаженъ, если симъ моимъ слабымъ опытомъ подвигну я Россійскихъ писателей, имѣющихъ

болѣе меня дарованій, своими безсмертными сочиненіями живыхъ театральныхъ картинъ, нашихъ истинныхъ героевъ и благотворителей согражданамъ, вводишь во храмъ вѣчности, гдѣ вы безъ сомнѣнія будете.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Покорнѣйшій слуга

Яковъ Княжнинъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ХРИСТІЕРНЪ, Тираннъ, владѣющій Даніею и Швеціею.

КЕДАРЪ, Полководецъ Христіерновъ.

АДЕЛЬ, Наперсникъ Кедаровъ.

ЗАФИРА, Княжна, остатокъ рода прежнихъ Шведскихъ Правителей.

РОССЛАВЪ, Полководецъ Росссійскій въ плѣну у Христіерна.

ЛЮБОМИРЪ, Посланникъ Россійскій.

ВОИНЫ Христіерновы.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе въ Стокгольмѣ въ Христіерновыхъ чертогахъ.

РОССЛАВЪ,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЕДАРЪ, АДЕЛЬ.

АДЕЛЬ.

Участіе въ твоей я горести примаю,
Но странна таинства сего не понимаю,
Чѣмъ твой геройскій духъ толь тяжко удрученъ;
Въ сіяньи славы ты, тоскою омраченъ,
Отъ кликовъ радостныхъ народа убѣгаешь,
И посреди торжествъ грустишь и воздыхаешь!
Отечество тобой избавленно отъ бѣдъ,
Иль малу мзду твоей заслугѣ подаетъ?

КЕДАРЪ.

Кто чувствуетъ себя быть славы недостойнымъ,
Тому среди торжествъ удобно ль быть спокойнымъ?

АДЕЛЬ.

Что слышу!... ктожъ тебя достойнѣй можетъ быть?
И не твоя ль рука умѣла низложить
Воздвигшихся на насъ злодѣевъ горделивыхъ?
Не ты ли отвратилъ набѣгъ Сарматъ кичливыхъ?

Не ты ли насъ Кедаръ отъ ига плѣна спасъ?
Или не праведенъ побѣды звучный гласъ?

КЕДАРЪ.

О ты, котораго усердію ввѣряюсь!
Адель! познай, чѣмъ я толико сокрушаюсь.....
Ты видишь, славою взносимъ я къ небесамъ,
Но въ сердцѣ стыдъ нося себѣ я гнусенъ самъ.

АДЕЛЬ.

Рѣчь каждая мое сугубитъ изумленье;
Герою ль чувствовать позора угрызенье!
Спасителю гражданъ!

КЕДАРЪ.

И вся сія страна,
Сіи великія дая мнѣ имена,
Обманывается, Адель! тебѣ подобно.
Рушеніе враговъ на насъ возставшихъ злобно,
Побѣды слава, чѣмъ Стокгольмъ въ сей день гремитъ,
Могу ли изрещи.... не мнѣ принадлежитъ!

АДЕЛЬ.

Кому же Государь?

КЕДАРЪ.

Плѣненному Росславу!
Адель! его на мнѣ, его ты видишь славу!
Сей Россъ, къ которому я дружество питалъ,
Противный Россъ! теперь врагомъ мнѣ люпымъ сталъ.
Ты помнишь, какъ сей вождь Россійска славна войска,
Влекомый пламенемъ стремленія геройска,
Израненъ, весь въ крови во узы Шведовъ палъ,
И умираючи сражатися пересталъ.
Дивяся мужеству и храбрость почитая,
Чтобъ изцѣлить его стараньe прилагая,

Отъ края гроба я несчастнаго отвлекъ;
Но къ гибели моей его спасалъ я вѣкъ!...
Добротъ его души непобѣдима сила
Твердѣйшей дружбы насъ союзомъ съединила.
Се добродѣтели всесильно торжество!
Казалося, я въ немъ зрю нѣко божество.
Его великою душею восхищенный;
Съ нимъ дружбу славой чтилъ, я рокомъ ослѣпленный.
Ты помнишь, какъ нашъ Царь, свирѣпый Христіернъ,
Имѣя въ ярости коварствами духъ чернъ,
Несчастье плѣнника тягча своимъ гоненьемъ,
То таинство извлечь старался принужденьемъ,
Которое герой Россійскій сохранялъ
И муки злѣйшія и смерть въ ничто вмѣнялъ.

АДЕЛЬ.

Что тайну отъ него нашъ Царь познать желаетъ,
То вся страна равно со мною знаетъ;
Но въ чемъ то таинство, того священный видъ
И отъ Аделевыхъ очей равно закрытъ.

КЕДАРЪ.

Я другу моему всего себя вручаю.
Познай то все, что я съ Царемъ единый знаю.
Тирановъ храбрый врагъ неустрашимъ Густавъ,
Спасти гражданъ, или умрети предпріявъ,
Скрываяся въ странахъ, въ Россіи заключенныхъ,
Росславу одному лишь только откровенныхъ,
Чтобъ вѣрну помощь дать отеческой странѣ,
Противъ тиранна громъ готовитъ въ тишинѣ;
А лютый Христіернъ, свое предвидя бѣдство,
Въ познаньи тайны сей себѣ лишь видитъ средство.
Тогдабъ онъ могъ врага коварствомъ погубить,
А послѣбъ силою и Россовъ подавить:
Но Шведовъ ревностью къ Густаву устрашенный,
Не смѣетъ онъ разить на Россовъ огорченный.
Онъ знаетъ, если мечъ въ Россію принесетъ,
Густавъ во слѣдъ себѣ все войско увлечетъ.

Блаженство Россіянъ въ сей тайнѣ заключенно,
И наше торжество надъ ними несомнѣнно,
Когда бы сей Росславъ гоненій не стерпя,
Густава могъ открыть страданью уступя.
Но твердъ, неколебимъ сей камень бѣдъ въ пучинѣ,
Не содрагаяся пронзивяся судбинѣ,
Гремящи надъ главой онъ тучи презиралъ
И волны яросши ногами попиралъ.
Чтобъ друга прекратить ужасныя напасти,
Просилъ Царя, его моей предать я власти.
Ты видишь, Государь, я такъ ему вѣщалъ,
Что твердый духъ его подъ бременемъ не палъ;
Но часто тотъ, кого и смерть не ужасаетъ,
Пріятству дружества и ласкѣ уступаетъ.
Вторично друга я избавилъ моего;
Темница былъ мой домъ, а узы честь его.
Но между тѣмъ Сарматъ свирѣпое стремленье,
Съ собою въ Швецію влеча опустошенье,
Простерло до Царя смятенье и страхъ;
Потрясся Христіернъ на тронѣ въ сихъ стѣнахъ.
Кедара одного своею тѣнь оградой,
Царь, трона своего меня избралъ оградой.
Я съ войскомъ выступилъ Росслава взявъ съ собой...
Почто я сдѣлалъ то?... Гонимому судьбой
Мнѣ, легче было бы, на томъ кровавомъ полѣ,
Попраннымъ зрѣть себя во гробѣ иль въ неволѣ!...
О рокъ! о грозный рокъ! свершити не могу....
Побѣду уступить я долженъ былъ врагу.
Но лютый другъ, Росславъ геройскимъ полонъ жаромъ,
Упавшимъ на меня обремененъ ударомъ,
Унылыхъ ратниковъ, надеждою, стыдомъ
Ко славѣ обратя, свой страшный кинулъ громъ.
Во мракѣ нощи скрытъ, въ побѣдѣ безопасна,
Разсѣялъ, разметалъ сего врага ужасна.
И самъ начальникъ ихъ отъ плѣна не избѣгъ,
Который огнь войны кровавыя возжегъ.
Величье скромностью своею возвышая,
И униженіемъ Кедара ушѣшая,

Во славѣ своея Росславъ себя сокрылъ,
И войско обманувъ ему меня явилъ,
Сіянья своего лучами окруженна;
Но въ сердцѣ люшой пьмой позора помраченна.
Я злѣе всѣхъ Сарматъ Росславомъ пораженъ.
Злодѣемъ онъ въ умѣ моемъ изображенъ.

АДЕЛЬ.

Такъ злобу онъ привлекъ явя тебѣ услугу?
И можно ль ненависть за то питати къ другу?

КЕДАРЪ.

Могу ль его любить, всечасно трепеща,
И раболѣпствуя и милостей ища?
Отъ слова странника, въ плѣненьи заключенна,
Вся слава можетъ быть въ минуту помраченна.

АДЕЛЬ.

Но кто толико могъ великодушенъ быть,
Чтобы тебѣ свою всю славу уступить
И имя вѣчности твое во храмъ поставить,
Восхощетъ ли тебя тотъ самый обезславить?
О томъ, что дружество содѣлало его,
Кто нынѣ знаетъ?

КЕДАРЪ.

Я; довольно и сего.
Но сердца глубину льзя ль смертнаго измѣрить!
И кто и самъ себѣ изъ смертныхъ можетъ вѣрить?
Въ волненіи страстей колеблясь человѣкъ,
По вѣтрамъ счастія всегда свой правитъ вѣкъ.
Примѣръ тому Адель во мнѣ возможетъ видѣть,
Ты мнилъ ли, чтобъ я сталъ Росслава ненавидѣть?
И кто возможетъ знать, что дружбу отмѣня,
Открывши все Росславъ, не погубитъ меня?
Кто знаетъ, можетъ быть уже въ сію минуту,
Къ паденью моему готовя пропасть люшу,

Передъ Зафирою являетъ весь мой стыдъ
И славу ей свою и мой позоръ твердитъ;
Ругаясь мной, собой то сердце наполняетъ,
Которымъ обладать Кедаръ вопще желаетъ!

АДЕЛЬ.

Что слышу Государь!

КЕДАРЪ.

Люпѣйшей страсти гласъ!
Я жертва горестна Зафириныхъ заразъ!

АДЕЛЬ.

Прельщаться сей Княжной, какое дерзновенье!
Или, снѣдая ввѣкъ въ молчаніи мученье,
Безплодно хочешь ты сію княжну любить,
Котору Царь судилъ своей супругой быть?
Ты вѣдаешь его къ Зафирѣ пламень страсти;
Страшися раздражить его жестокость власти;
Ты знаешь злость его.

КЕДАРЪ.

Люпѣйшій онъ тираннъ,
Но громъ бросая самъ имъ можетъ быть попранъ.
Зафира славнаго сего остатокъ рода,
Къ которому любовь питается народа.
Стыдящій тяготой своей Монаршій санъ,
Низринется съ раменъ народа истуканъ,
Коль власти пожелавъ Княжна гражданъ подвигнетъ.
А можетъ быть Кедаръ блаженства и достигнетъ.
Я знаю, какъ тираннъ Зафирѣ нестерпимъ;
Ты знаешь, какъ Кедаръ народомъ сталъ любимъ...
Но что вѣщаю я! О страшная преграда!
Росславъ! въ погибели твоей мнѣ вся отрада!
Росславъ! я знаю то, къ Зафирѣ мысль стремитъ!
Не ошибаюся, хотя мой врагъ таитъ.
Въ Зафирѣ и самой я, къ мукѣ нестерпимой,

Признаки зрю къ нему любви неодолимой.
Противъ него угрозъ тирановыхъ въ часы,
Зрѣлъ ужасомъ ея затмѣнныя красы.
Спасать его, ея старанья торопливы,
Вздыханья, взоры, все, свидѣтели нельстивы,
Что милъ Росславъ, что мнѣ заворенъ къ счастью путь,
Что должно острый мечъ въ его вонзити грудь.
Мнѣ должно ли губить, теперь Адель то знаетъ,
И слава и любовь мнѣ то повелѣваетъ.
Се время мнѣ къ тому удобно настоитъ.
Уже противъ него тираннъ опять гремитъ.
Но должно злобу скрывъ, мнѣ дружество казати.
И обнимаючи Росславу грудь пронзати.
Се онъ, Адель, поди и все ты примѣчай,
И тайну страшную во сердцѣ заключай.

ЯВЛЕНІЕ II.

РОССЛАВЪ, КЕДАРЪ.

КЕДАРЪ.

Чѣмъ друга моего я вижу зракъ смятенный?

РОССЛАВЪ.

Грущу., отечества драгаго отчужденный.
Россійскую страну, въ плачевны дни сіи
Объемлютъ зависти ужасныя зміи.
Европа, будуще ея величье видя,
Трепещетъ, въ ней свою Царицу ненавидя;
И чтобъ пожрать ее, смущая тишину,
Отвсюда къ ней влечетъ кровавую войну.
Въ тѣ дни, когда мечи моихъ гражданъ блистаютъ,
Несчастнаго меня оковы отягчаютъ.
Сколь горько мнѣ! Герой то можетъ ощущать,
А другъ мнѣ способы съ свободой къ славѣ дать;

И если я просить тиранна устыжаюсь,
Къ Герою съ прозбою спокойно обращаюсь.

КЕДАРЪ.

Герою!... Мнѣ ль сіи пристойны имена?
Тебѣ спасеніемъ должна сія страна....

РОССЛАВЪ.

Коль въ ревность къ Швеціи долгъ дружбы превращаешь,
То знай Кедаръ, ты тѣмъ Росслава унижаешь.
Всѣ Готѳы для меня и Царь твой ничего,
А дѣлалъ все Росславъ для друга своего;
Сражался не за нихъ я, Готѳовъ громъ бросая;
Я спасъ сію страну Кедара лишь спасая.

КЕДАРЪ.

Побѣда славная!...

РОССЛАВЪ.

Тебѣ принадлежитъ.
Усердья моего не превращай мнѣ въ стыдъ;
Не устыжай меня, твердя мою услугу;
Тотъ долженъ тѣмъ себѣ, кто чѣмъ обязанъ другу.
И если вольность я тобой приобрѣту,
Не милостью твоей, но должностью сочту.

КЕДАРЪ.

Пребуди о моемъ увѣренъ попеченьи;
Потщусь скончать твоей неволи огорченьи;
Но если вольность я и возвращу тебѣ,
Ты будешь ли за то благодарить судьбѣ?
И не останется ль чего во здѣшнемъ градѣ,
Что огорчитъ тебя свободы во отрадѣ?

РОССЛАВЪ.

Когда возможетъ Россъ отечеству служить,
Что Росса, Государь, удобно огорчить?

КЕДАРЪ.

Зафиры о тебѣ усердныя старанья,
Въ часъ бѣдъ твоихъ ея сердечныя страданья,
Тѣ вздохи горестны, тѣ слезы, трепетъ сей,
Свидѣтели, что милъ Герой Россійскій ей.

РОССЛАВЪ.

Душъ нѣжныхъ чувствію, къ несчастнымъ состраданью,
Сему толь рѣдкому во смертныхъ дарованью,
Которое людей со божествомъ равнитъ,
Въ Зафирѣ, Государь, даешь иной ты видъ;
И милосердіе во слабость превращая,
Ты унижаешся, Зафиру унижая.

КЕДАРЪ.

Но ты восторги тѣ или возмогъ забыть,
Съ которыми привыкъ о ней ты говорить?
Восторги тѣ, мой другъ! мнѣ ясно изъявляютъ,
Что тщетно отъ меня твои уста скрываютъ.

РОССЛАВЪ.

Не отрицаюся, я ею восхищенъ
И добродѣтелью и красотой прельщенъ!
Почто Росславовыхъ очей ты не имѣешь,
Чтобъ зрѣть красы... но ты трепещешь и блѣднѣешь?

КЕДАРЪ.

Я трепещу!... но знай сей трепетъ о тебѣ.
Я друга моего въ опасной зрю судбѣ,
И ужасаюся твои предвидя бѣдства:
Княжною обладать ни малаго нѣтъ средства.
Лютѣйшій къ ней тиранъ кровавый духъ стремитъ.

РОССЛАВЪ.

Спокоенъ будь; Кедаръ Росслава мало чтитъ,
Коль страстію его лишенна мнитъ покоя.
Тиранка слабыхъ душъ, любовь, раба Героя.

Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.
Се добродѣтели единые законы.
Неодолимыя межъ нами суть препоны;
Я помню честь и долгъ; хоть смертно я горю,
Въ Зафирѣ я Княжну враговъ Россійскихъ зрю.
И еслибъ днесь ея и было сердце вольно,
Чтобъ пламень погасить, я Россъ, сего довольно.

КЕДАРЪ.

Дивяся твердости, я духа твоего,
Иду освободить я друга моего.
Пребудь спокоенъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

РОССЛАВЪ *одинъ.*

Нѣтъ, прошелъ мой вѣкъ спокойный!
Что сталося со мной? Зафира!... недостойный!...
Когда отечество зрю въ пагубной судьбѣ,
Я млѣю!... Я горю!... Я гнусенъ самъ себѣ!...
Мнѣ въ сердцѣ чувствуя порочное волненье,
Во узахъ ощущать любовно утѣшенье!
Въ разлукѣ съ сей страной мнѣ горесть обрѣтать!
Мнѣ вольности моей хотѣть и трепетать!...
Россія! я твои въ сей часъ внимаю пѣни:
Ты больше не Росславъ, Росслава нѣтъ и тѣни!
Оставь терзающи меня мечты сіи....
О долгъ! отечество! О боги вы мои!
Не будетъ вредно вамъ Росславово смущенье.
Его страсть новое вамъ жертвоприношенье....
Но трепещу!... кто? я! который брани въ часъ
Безъ робости внималъ ужасный смерти гласъ;
Который на ея окровавленномъ лонѣ
Стремясь возлюбленныхъ гражданъ ко оборонѣ,

Спокоенъ, люпости ея одолѣвалъ
И къ гибели съ мечемъ какъ къ пиршеспву спупалъ.
Я нынѣ трепещу, отъ страха содрогаюсь,
И жертвовапь, увы! любовью ужасаюсь...
Чтобы спастись, или чтобъ меньше хопь спрадапь,
Мнѣ должно отъ очей Зафиры убѣгапь.
Я зрю ее; бѣги, бѣги Росславъ несчастный!
Се твердости твоей единый врагъ опасный.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЗАФИРА, РОССЛАВЪ.

ЗАФИРА.

О храбрый Россъ! почто отъ глазъ моихъ бѣжишь?
И что ужаснаго въ лицѣ Зафиры зришь?
Или тебя когда враждою огорчала?
Я плѣна твоего оковы облегчала;
Противяся твоей погибельной судьбѣ,
Ты знаешь, трепеща, старалась о тебѣ.

РОССЛАВЪ.

Я знаю, жизнію Зафирѣ долженствуя...

ЗАФИРА.

Но я тебѣ мои заслуги описуя,
Не благодарности желаю отъ тебя.
Тебя спасаючи, спасала я себя.
Чпу должностью хранить гониму добродѣтель.

РОССЛАВЪ.

Провидяще сердца мнѣ небо въ томъ свидѣтель,
Какія чувствія мой духъ къ тебѣ хранитъ;
Ты, по отечествѣ, мнѣ въ мысляхъ первый видъ.

ЗАФИРА.

Такъ счастливѣй былабъ твоей я согражданкой?
Почто не рождена Зафира Россіянкой....
Но нѣшъ не возмоглабъ я радости вкушать
Всѣмъ жертвуя тебѣ, тебя отъ бѣдъ спасать.

РОССЛАВЪ.

Но плѣнникъ стоитъ ли безмѣрныхъ толь щедротъ?
Россіи посвященъ навѣки мой животъ;
Супругою ты здѣсь Царю обѣщованна;
На тронъ восходишь...

ЗАФИРА.

Мнѣ супругой быть тиранна!
Погибни сей престолъ, когда мнѣ скиптръ пріятъ
За то, чтобъ сердце мнѣ мучителю отдать.
Пустыня и Росславъ, вотъ счастье выше трона.
Твое мнѣ сердце тронъ, твоя любовь корона.
Любовь моя и жизнь, Росславъ, мнѣ то равно.
Съ тиранномъ тронъ и гробъ несчастной мнѣ одно.
Познай по семъ, колико я страдала,
Когда тебѣ рука злодѣя угрожала,
Когда отверстый гробъ я зрѣла предъ тобой,
Я разставалася тогда, не ты, съ душой;
Всѣ страхи за тебя и муки ощущала;
Ты бодрствовалъ, а я рвалась и умирала;
И помощи прося лишь только отъ небесъ,
Не смѣя и рыдать снѣдала горесть слезъ.
Въ тираннѣ возбудишь я ревность опасаясь,
Носила въ сердцѣ смерть спокойною являясь.
Безсильна сокрывать я страсти пламень злой,
Порочна, можетъ быть, кажуся предъ тобой?
Но ежели Княжну любовь уничижаетъ,
Душа Росславова Зафиру оправдаетъ;
Превыше всѣхъ царей спряженная съ тобой;
Царями полонъ свѣтъ, но гдѣ Росславъ другой!

РОССЛАВЪ.

Что слышу, тронъ забывъ, ко плѣнницу низходишь;
Какія радости въ твоей любви находишь?

ЗАФИРА.

Коль любишь ты меня, счастливой умрешь.

РОССЛАВЪ.

Иль бѣдства страшнаго не можешь ты узрѣть.
Которое тебѣ . . .

ЗАФИРА.

Росславъ любить страшится?

РОССЛАВЪ.

Страшусь; чѣмъ болѣе мой духъ къ тебѣ стремится,
Тѣмъ болѣ я стремлюсь огнь страсти истребить.
И мнѣ ли жертвою гражданъ родяся быть,
Забывъ отечество, любовію плѣняясь,
Законной ярости тиранна подвергаясь,
И страстью помрача мою невинну кровь
Не за отечество умрети, за любовь?
Пускай за общество тираннъ разитъ Росслава,
Тогда послѣдуетъ во гробъ за мною слава;
За добродѣтель я умру, не за порокъ;
Унизится тираннъ, онъ сколько ни высокъ;
Невинность погубя на тронѣ потрясется;
Превыше трона гробъ Росславовъ вознесется.

ЗАФИРА.

Иль думаешь, что я могу тебя любить
На то, чтобы тебя любовью погубить?
Что на опасности твои я не взираю?
Съ тобою для тебя Порфиру презираю;
Въ отечество твое послѣдую тебѣ,
Съ Росславомъ буду жить угодно гдѣ судьбѣ!

РОССЛАВЪ.

Отвѣтствуя любви твоей любовью равной,
Я долженъ предъ тобой открыть сей путь безславной,
Въ который страсть твоя тебя стремится влечь;
Надежду хочешь ты гражданъ твоихъ пресѣчь,
Которая въ тебѣ единой имъ блистаетъ;
Зафира гибель здѣсь на тронѣ оставляетъ.

ЗАФИРА.

Что сдѣлать я могу?

РОССЛАВЪ.

Во твердость облещись!
И съ мужествомъ на тронъ твоихъ отцевъ взнесшись.

ЗАФИРА.

Когда достойною Росславу я кажуся,
Готова на престолъ и смерти не страшуся.
Хотя ужасная опасность мнѣ грозитъ,
Отважуся на все, мнѣ то Росславъ велитъ.
Въ сей часъ стремлюся я къ усердію народа
Явить возлюбленна ему остатокъ рода;
И для тебя и жизнь не щадя за уронъ,
Взнестися на престолъ, чтобъ дать герою тронъ.

РОССЛАВЪ.

Чтобъ я забывъ въ себѣ Россійска гражданина,
Порочнымъ сдѣлался для царска пышна чина!
Отечество мое чтя выше и тебя,
Могу ль его забыть я троны возлюбя.
Пускай престола блескъ гордыню обольщаетъ;
Безъ добродѣтели корона помрачаетъ.
Росславу царскій тронъ безславье навлечетъ,
Вселенна обо мнѣ съ презрѣніемъ речетъ:
Се Царь любовію на чуждый тронъ взнесенный,
Невѣрный гражданинъ и властелинъ презрѣнный,

Ни Готѳъ, ни Россъ; любви не могши одолѣть,
И столько твердости души не могъ имѣть,
Чтобы презря вѣнецъ быть обществу полезнымъ.

ЗАФИРА.

Еще сей горести къ моимъ судьбамъ преслезнымъ
Не доставало мнѣ, чтобъ люшая любовь
Зафиры бѣдственной воспламеняя кровь,
Во сердцѣ къ ней того раждала отвращенье,
Въ коемъ въ свѣтѣ для нея едино утѣшенье.
Прощивна я тебѣ! на чтожъ мнѣ больше жить.

РОССЛАВЪ.

Не оскорбивъ меня то можноль вобразить.
Кто? ты противна мнѣ? о слово преужасно!
Ахъ, еслибъ я возмогъ открыти сердце страстно;
Когдабъ во грудь мою проникнуть ты могла,
Въ какомъ бы торжествѣ себя ты обрѣла!
Узрѣлабъ...

ЗАФИРА.

Окончай, — сверши мое блаженство.

РОССЛАВЪ.

Узрѣла бы любви позорно совершенство;
Увидѣлабъ какъ твой прелестный взоръ, о стыдъ!
То все мрачитъ, что мнѣ мой строгій долгъ велитъ.
Увидѣлабъ, какъ кровь на сердцѣ замерзаетъ,
Когда отсель меня Россія отвлекаетъ.
Россіи отчужденъ... симъ страсть мою измѣрь,
Тобой крушуся я... довольналь ты теперь?
Ужъ гласъ гражданъ моихъ во сердцѣ семъ слабѣетъ;
Быть Россіяниномъ уже Росславъ робѣетъ;
Но ты не торжествуй любови слыша гласъ;
Что внемлешь ты теперь, въ послѣдній слышишь разъ.

ЗАФИРА.

Въ послѣдній! а меня любовью увѣряешь
А самъ, а самъ мою ты смерть опредѣляешь.

РОССЛАВЪ.

Не смерть, но славу.

ЗАФИРА.

Ахъ! какая слава то!
Несчастной безъ тебя вселенная ничто.
Часы, въ которые съ тобою не бываю,
Часы тѣ изъ моей я жизни изключаю...
Въ послѣдній разъ ты мнѣ любовь твою явилъ;
Но сердца моего ты тѣмъ не истребилъ,
Во гробѣ только лишь оно тебя забудетъ;
Мысль каждая моя Росславъ единый будетъ.
Какъ станетъ смерть смыкать моихъ зѣницы глазъ,
И я тогда люблю скажу въ послѣдній разъ.

РОССЛАВЪ.

Увы! въ сей самый часъ ты то должна сказать!

ЗАФИРА.

И такъ въ сей часъ должна Зафира умирать?

РОССЛАВЪ.

Живи... родясь красой тиранна укротить
И долгъ и честь тебѣ повелѣваютъ жить;
Гражданамъ жизнь твоя нужна, ты помня славу
Храни дражайшій вѣкъ.

ЗАФИРА.

Не нуженъ онъ Росславу!

РОССЛАВЪ.

Ты плачешь? ахъ престань мнѣ сердце раздирать,
Которо ужъ собой не можешъ обладать.

Ты плачешь! я мятусь... ты плачешь!... я страдаю....
Россія зри мой стыдъ, зри какъ ослабѣваю!
Но ахъ! доколь еще Росславомъ быть могу,
Прости! я не тебя, но самъ себя бѣгу.

Уходитъ.

ЗАФИРА.

Постой Росславъ драгой!... въ моей безмѣрной страсти
Какія, рокъ! себѣ предвижу я напасти!

КОНЕЦЪ

Перваго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОССЛАВЪ, ЛЮБОМИРЪ.

РОССЛАВЪ.

Какое счастіе неожиданно мной!
Зрю Росса въ сихъ странахъ, зрю друга предъ собой;
Во славѣ нашего подателя закона,
Несуща на себѣ величье Росска трона.
Сомнѣнья нѣтъ, сего посланія вина,
Съ надеждою души Росславовой равна.

ЛЮБОМИРЪ.

Хотя ты зря меня веселіе вкушаешь,
Но будешь радостнѣй, когда вину познаешь
Сего нечаянна посланья моего.

РОССЛАВЪ.

Обрадуй Росса ты и друга своего.
Уже ль побѣдой мы на верхъ взнесенны славы?
Возможемъ предписать врагамъ свои уставы?
Уже ль Россія зритъ главы согбенны ихъ
Во прахѣ, въ трепетѣ у страшныхъ ногъ своихъ;
И Любомиръ принесъ ея гремящу волю?

ЛЮБОМИРЪ.

Россія можетъ ли имѣть толь славну долю,
Когда Росславъ отъ ней далеко отлученъ,
Когда ея герой во узахъ заключенъ.

РОССЛАВЪ.

Ты унижаешь тѣмъ Россійскихъ храбрыхъ воевъ;
Колико согражданъ, толико тамъ героевъ;
Ты вѣдаешь то самъ; но чтожъ виной тому,
Что присланъ РоссЪ предстать тиранну моему?
За чѣмъ, о небеса! я вижу Любомира?
Или... я трепещу!... или просити міра?

ЛЮБОМИРЪ.

Ни міра, ни войны; Росслава одного.
Смущенный тягостью несчастья твоего,
Нашъ Князь, не какъ сіи Цари высокопарны,
Владыки гордые, друзья неблагодарны,
Которые за кровь пролитую за нихъ,
Довольной платой чтутъ для подданныхъ своихъ,
Коль око возведутъ на нихъ благопріятно.
Имѣя сердце, нашъ властитель, непреврaтно
То помня и въ твоей несчастливой судьбѣ,
Чѣмъ онъ и общество обязаны тебѣ,
Чтобъ друга своего изъ бѣдства изкупить,
И чтобъ отечеству героя возвратить,
Прислалъ меня сюда, то все врагамъ отдать,
Что храброю рукой Росславъ возмогъ отъять.
Онъ грады твоему тиранну предлагаетъ;
А отъ него тебя единаго желаетъ.

РОССЛАВЪ.

Что слышу! за меня онъ грады отдаетъ;
Чтобъ гражданина спасть отмещетъ плодъ побѣдъ,
И уступая верхъ надъ Россами безъ брани,
Съ прошеньемъ ко врагамъ простеръ съ престола длани.
О Христіернъ! О ты свирѣпѣйшій тираннъ,
Какъ много злостью я твоею ни попранъ,
То все ни что; лишь тѣмъ мнѣ муки приключаешь,
Что ты сей стыдъ несши мнѣ съ жизнью осшавляешь.

ЛЮБОМИРЪ.

Причины не могу отчаянья понять.

РОССЛАВЪ.

Ты РоссЪ, а ты тогожЪ не можешь ощущать.
Ты РоссЪ, а Князю, ты сего не могЪ представить,
Колико можетЪ шѣмЪ онЪ тронЪ свой обезславить.
О стыдЪ отечества! МонархЪ свой долгЪ забывЪ
И санЪ величія пристрастьемЪ помрачивЪ,
Блаженству общества меня предпочитаетЪ
И вредЪ Россіи всей въ очахЪ вельможЪ свершаетЪ;
А вы отечества избранные щиты...
А паче ЛюбомирЪ; и ты мой другЪ и ты!
Не общество въ предметЪ поставя, Князя волю,
О сію низости подвергли РossовЪ долю.
Въ могуществѣ своемЪ трепещущи рабы,
Достойны ль вы своей блистающей судьбы?

ЛЮБОМИРЪ.

Но еслибЪ самЪ РосславЪ, героя чтя во другѣ,
Имѣя долгЪ воздать отечеству заслугѣ,
Во совѣщаніи былЪ долженЪ избирать,
Спасти, иль общества для пользЪ его предать;
Вспомоществуемый МонархаЪ состраданьемЪ
И общества всего усерднѣйшимЪ желаньемЪ,
Сего героя гробЪ отверстый заперешь,
Чтобъ другу своему назначилЪ?

РОССЛАВЪ.

Умереть!
Я друга своего тѣмЪ толькобЪ обезславилЪ,
Коль общества во вредЪ ему бы жизнь оставилЪ.
Но Князь за что меня, за что такЪ мало чтитЪ,
Что въ даръ отечеству мнѣ жизнь отдать претитЪ?
Иль мыслитЪ онЪ, что такЪ мой духЪ ослабЪ въ плѣненьи,
Что дни мои могу влачить въ уничиженьи;
Что жизнь могу сносить отечество предавЪ?...
РосславЪ я въ лаврахЪ былЪ, и въ узахЪ я РосславЪ.

ЛЮБОМИРЪ.

Или предательствомъ то можетъ быть сочтенно?
Что Князь тебѣ велитъ, то должно быть священно.

РОССЛАВЪ.

Какъ кровь за общество мнѣ лить повелѣвалъ,
Ты знаешь какъ я то священнымъ почиталъ.

ЛЮБОМИРЪ.

Въ награду онъ за то о другѣ сожалѣетъ,
Онъ жизнь тебѣ даетъ...

РОССЛАВЪ.

Онъ права не имѣетъ!
На тронѣ истинну и милости храня,
Когдабъ я виненъ былъ, спасти бъ онъ могъ меня;
На человѣка онъ какъ человѣкъ взирая,
Возмогъ бы, строгости законовъ умѣряя,
Виновному свою щедроту изъявить
И сожалѣніемъ Росслава посрамить:
Но въ жертву общества назначенъ я судьбою.
Россія! ты должна торжествовати мною.
Тутъ власть молчитъ, и я изъ власти исключенъ,
Лишь добродѣтели единой посвященъ.
Ничто меня, ничто не можетъ свободити,
Не можетъ повелѣть мой Князь мнѣ подлымъ быти...
Жалѣетъ друга онъ ввергая друга въ стыдъ,
Онъ жизнь даетъ... Почто умрети не велитъ!
Тогда бы я сіе услыша повелѣнье,
Къ Росславу бы его познати могъ почтенье,
Когдабъ мой Князь мнѣ рекъ: умри ты такъ, какъ жилъ;
Тогда бъ онъ мнѣ, когда бъ поцарски другомъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

РОССЛАВЪ, ЛЮБОМИРЪ, КЕДАРЪ.

КЕДАРЪ.

Совѣты можетъ быть я важны прерываю,
Но шествіе Царя къ Послу я предваряю.

ЯВЛЕНІЕ III.

ХРИСТІЕРНЪ, окруженный воинами, КЕДАРЪ, РОССЛАВЪ, ЛЮБОМИРЪ.

ЛЮБОМИРЪ *къ Христіерну.*

Мой Князь предубѣжденъ величіемъ твоимъ
Не мыслитъ, чтобы онъ былъ въ подданномъ гонимъ;
Чтобъ Готѳовъ сильный Царь со Россами спираясь,
Не могши ихъ попрать, во гнѣвѣ унижаясь,
Во гражданинѣ имъ единомъ отомщалъ;
И надъ Росславомъ бы весь громъ свой истощалъ.
Величію Царя то было бы несродно;
Почтожъ томить его въ плѣну тебѣ угодно?
Почто? за то, что онъ ступая славы въ слѣдъ,
Отечество свое возвысилъ тмой побѣдъ?
Что имя заслужилъ Россійскаго героя?
Онъ должность исполнялъ напасти Готѳамъ строя.
Кто за отечество падетъ съ побѣды въ плѣнъ,
И отъ самихъ враговъ тотъ долженъ быть почтенъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Что Князю твоему внушаетъ дерзновенье
Предписывать хранить мнѣ къ узникамъ почтенье?
Иль слабые его успѣхи надо мной?
Но то, что начато, не кончено войной.

Еще на тронѣ я, еще повелѣваю,
И кромѣ я моихъ законовъ здѣсь не знаю.
Кто мнѣ осмѣлится уставы подавать,
Кто?

ЛЮБОМИРЪ.

Человѣчество, коль можешь ты внимать
Священный гласъ его самихъ Царей судящій.

ХРИСТІЕРНЪ.

Я слышу гнѣва гласъ продерзостныхъ разящій.

ЛЮБОМИРЪ.

Сей гнѣвъ продерзостныхъ готовый поражать,
До трона Росскаго не можетъ досягать;
И мечъ твой РоссіанЪ еще не устрашаетъ.
То вѣдаетъ весь міръ и Христіернъ то знаетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Я знаю дерзостный! но вскорѣ можетъ быть,
Съ мечемъ предъ воинствомъ я то могу забыть.

ЛЮБОМИРЪ.

Оставимъ Государь могущей рока волѣ
И храбрости сіе рѣшить на ратномъ полѣ;
А между тѣмъ внемли изъ устъ моихъ въ сей часъ
Побѣдоноснаго ты Князя кроткій гласъ.
Успѣхи позабывъ войной пріобрѣтенны,
Вѣнцы лавровые Росславомъ соплетенны
Кропя онъ дружества почтеннымъ токомъ слезъ,
Чтобъ люотость умягчить противъ него небесъ,
Низходитъ своея побѣды съ колесницы.
Прими ты отъ его простертыя десницы
Всѣ грады отняты отъ царства твоего,
И возврати ему Росслава одного.
Но помни, что не страхъ его къ сему приводитъ;
Что славы столькоже онъ въ благости находитъ,
Колико въ мужествѣ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Онъ грады отдаетъ;
Благодарю его, но мнѣ въ томъ нужды нѣтъ.
Царь Готѳовъ милостью его не одолжится;
Что отнято мечемъ, мечемъ и возвратится.

ЛЮБОМИРЪ.

Такъ жертвуя твоей лишь гордости одной,
Ты утѣшаешся кровавою войной.
Самъ Царь кровь подданныхъ своихъ въ ничто вмѣняетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Даръ Князя твоего престолъ мой унижаетъ.
За цѣну меньшую Росславовъ плѣнъ минетъ;
И самъ себя Росславъ отъ тяжкихъ узъ спасетъ,
Коль помня то, что онъ и, отложа упорство
Открывъ чего хочу, покажетъ мнѣ покорство.

РОССЛАВЪ.

Чѣмъ долженъ я тебѣ? хоть я въ плѣну и слабъ;
Ты Готѳовъ Царь, я Россъ, я плѣнникъ твой, не рабъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Ты плѣнникъ ли, иль рабъ, но ты въ моей днесь власти;
Въ моихъ рукахъ твое и счастье и напасти.

РОССЛАВЪ.

Свобода, жизнь моя во власти суть твоей,
Но ты надъ чувствами души невластенъ сей,
Которa честности уставы чтя едины,
Не можетъ упадать подъ игомъ злой судьбины.
Ты долгомъ чтишь меня къ измѣнѣ принуждать,
А я, за общество со славой умирать.

ХРИСТІЕРНЪ.

Дерзаешь своего владыку раздражая,
Предъ нимъ величишься Царя ты унижая.

РОССЛАВЪ.

Иль можетъ правдою Царь быти огорченъ?

ХРИСТІЕРНЪ.

Покорство часть раба, будь въ оной заключенъ.

РОССЛАВЪ.

Раба?... Одинъ тотъ рабъ, кто презря добродѣтель,
Корысти покоренъ, безчестія содѣтель.
Хотя бы всею онъ вселенною владѣлъ;
Чѣмъ выше, тѣмъ гнуснѣй позоръ порочныхъ дѣлъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Въ оковы воины!

Воины налагаютъ на Росслава оковы.

ЛЮБОМИРЪ.

Всѣ права разрушаешь,
И Князя моего величье оскорбляешь.

ХРИСТІЕРНЪ.

Коль хочешь возвратись ко Князю твоему,
Какъ мало я его страшусь, сказать ему.

ЛЮБОМИРЪ.

Безстрашенъ буди Царь; но чѣмъ сильнѣй властитель,
Тѣмъ больше долженъ быть онъ истинны хранитель,
И чтить священнѣйшимъ народныхъ правъ законъ.
Иль можетъ отъ всего освобождати тронъ?
Или, не убоясь въ сіяньи быть наказанъ,
Царь сильный должностью ни коей не обязанъ?
Законовъ первый рабъ, онъ подданнымъ примѣръ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Величію Царя на свѣтѣ нѣту мѣръ.

РОССЛАВЪ.

Цари! васъ смерть зоветъ предъ судъ необходимый;
Свидѣтель вамъ вашъ вѣкъ, судья неумолимый
Вамъ время будуще, въ которо-на вѣсахъ
Вы правды будете судимися въ дѣлахъ.
Страшитеся сего суда нелицемѣрна!
Васъ мрачный гробъ пріявъ съ величія безмѣрна,
Ониколь мрачатъ лучи блистающихъ вѣнцовъ,
Отъемля вашу власть, отъемлетъ и льстецовъ;
И смерть срывая съ васъ багряную порфиру,
Кто вы, являетъ то попранну вами міру.
Тогда воспрепещи.

ХРИСТІЕРНЪ *къ Росславу.*

Ты долженъ трепетать.

Къ воинамъ.

Въ темницу.

Воины отводятъ Росслава.

ЛЮБОМИРЪ.

Государь!

ХРИСТІЕРНЪ.

Престани раздражать
Царя, котораго ничто не устрашаетъ,
Кой въ гнѣвѣ самъ себя и все позабываетъ;
Ступай и болѣе твоихъ не тратя словъ,
То знай, чтобъ искупить Росслава изъ оковъ,
Мнѣ ваша не нужна щедрота чрезвычайна,
Нужна единая Росславова лишь тайна.

Любомиръ, отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХРИСТІЕРНЪ, КЕДАРЪ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Съ какою гордостью сей плѣнникъ дерзновенъ,
Стремится раздражать мой гнѣвъ имъ воспаленъ!
Иль въ правду духомъ онъ всѣхъ смертныхъ превосходитъ?
Подпору гордость въ чемъ его себѣ находитъ?
Издавна ты Кедаръ обязанъ дружбой съ нимъ;
Тебѣ онъ долженъ былъ спасеніемъ своимъ;
Но днесь щадить его не возмогу я болѣ.

КЕДАРЪ.

Твоей я, Государь, его вручаю волѣ.
Упорствомъ раздраженъ, подобно я тебѣ,
Пропивиться его не буду злой судьбѣ.
Я кротостью склонить надежду всю теряя,
И пользы Царскія всему предпочитая,
Днесь самъ прошу тебя упорна наказать.

ХРИСТІЕРНЪ.

Хоть алчу я его на части разтерзать,
Но важно таинство утратить съ нимъ спрашуся.
Я прежде средства всѣ употребить потщуся
Во сердцѣ у него сокрытое извлечь,
А послѣ мстящій мой его повергнетъ мечъ.

КЕДАРЪ.

Зафира возстеня его отвергнетъ казни.

ХРИСТІЕРНЪ.

Понять не могу вины ея боязни.
Жалѣнье можетъ ли къ несчастнымъ столько быть,
Чтобъ много такъ себя въ усердьи къ нимъ забыть;

И человѣчество стенящее въ мученьи
Удобно ль произвесть толикн въ насъ движеньи?

КЕДАРЪ.

Я можетъ быть мрачусь единою мечтой,
Но... Государь, позволь открыти предъ тобой,
Что мнѣ усердіе мое къ тебѣ внушаетъ.
Не милосердіе едино побуждаетъ
Зафиру, плѣнника отъ грозъ нвочихъ спасать;
Отъ жалости одной возможно ль такъ страдать?
Сомнѣнья произвесть въ тебѣ я не желаю;
Но кажется сія Зафира.....

ХРИСТІЕРНЪ.

Понимаю.
Да вострепещутъ тѣ, мою которы страсть
Стремятся обмануть презрѣвши царску власть.

ЯВЛЕНІЕ V.

ХРИСТІЕРНЪ, КЕДАРЪ, ЗАФИРА.

ЗАФИРА.

Я слышу Государь, и слыша содрогаюсь.
Я можетъ быть твоей досадѣ подвергаюсь,
Но трона Готѳскаго Царя нужна мнѣ честь.
Чужда была всегда устамъ Зафиры лесть.
Пускай иной себѣ лишь только благъ желая,
Постыдну для Царей свирѣпость похваляя,
Несчастныхъ тяжку часть и паче тяготитъ;
Зафира языкомъ, какъ сердцемъ говоритъ.
Я слышу, гнѣвъ ты свой къ Росславу умножаешь,
Въ темницу ввергъ его и смертью угрожаешь...

ХРИСТІЕРНЪ.

Со огорченіемъ дивлюсь восторгамъ симъ,
Которы ты явишь всегда очамъ моимъ,

За плѣнника сего прегордаго Росслава.
Но что тому виной?

ЗАФИРА.

Твоя едина слава.
Что скажутъ? что враговъ безсиленъ побѣждать,
Лишь слабыхъ плѣнниковъ ты можешь поражать;
И притѣсняючи несчастну добродѣтель,
Не въ полѣ ты врагамъ, на тронѣ, бѣдъ содѣтель.
Пріявъ достойный духъ величію Царей,
Свирѣпство укроти!...

ХРИСТІЕРНЪ.

Погибнетъ мой злодѣй.
Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗАФИРА, КЕДАРЪ.

КЕДАРЪ.

Въ окаменѣніе симъ словомъ погруженну,
Недвижиму, безъ чувствъ какъ громомъ пораженну
Зафируль вижу я, иль только тѣнь ее?
Откройся къ Росславу мнѣ участіе твое.
Ты знаешь, онъ мнѣ другъ; повѣрь свою мнѣ тайну.
Когда бъ!... но счастію сему необычайну
Возможноль быть... когда была бы то любовь,
Что такъ твой духъ мятетъ твою волнуя кровь,
Какія бъ радости во грудь мою вліялись;
Къ спасенью друга мнѣ пути бы оказались;
Къ тиранну ненависть тогда познавъ твою,
Смѣляй бы устремилъ усердну грудь мою
Служити истинной Княжнѣ гражданъ несчастныхъ.
Росслава счастье зрю въ твоихъ очахъ прекрасныхъ.

Ты токи слезъ ліешь! падетъ злодѣй, падетъ!
Спасенъ мой другъ!...

ЗАФИРА.

А съ нимъ Зафира оживетъ!
Познай безсмертну страсть, которою сгараю...
Чѣмъ страсть явить? взгляни, увидишь, умираю....
О мысль смертельная! Росславъ на смерть сужденъ,
И будетъ онъ во гробъ мученьемъ провожденъ.
О ужасъ! О Кедаръ! твой другъ на краѣ гроба,
И адомъ на него лютѣйша дышетъ злоба.
Ужъ мечъ взнесенъ и кровь въ минуту потечетъ!
Твой другъ во сердцѣ семъ отчаянномъ стенетъ,
И умирающи къ тебѣ простерши взгляды,
Во мнѣ твой проситъ другъ спасенія отрады.
Отдай Кедаръ мнѣ жизнь и душу возврати!
Коль презришь ты мой стонъ, гдѣ помощь мнѣ найти!

КЕДАРЪ.

И такъ, что любишь ты, не льзя и сомнѣваться?

ЗАФИРА.

Когда невѣрнымъ то возможетъ показаться,
Что я еще живу, что я сей вижу свѣтъ,
Коль нѣтъ во мнѣ души, то и любови нѣтъ.

КЕДАРЪ.

Я вѣрю.

ЗАФИРА.

Но почто сіи свирѣпы взгляды?
Не обманулася ль?

КЕДАРЪ.

Наполненны досады
Къ злодѣю ненависть глаза мои являтъ.
Ты любишь!... чувствую я весь во сердцѣ адъ!..
Спокойся... другу я убѣжище открою...
Готово Росскому спасеніе герою;
Поди: злодѣя смерть въ сихъ взорахъ включена.

ЗАФИРА.

ѣ герой судьба несчастныхъ вручена.

Отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КЕДАРЪ *одинъ.*

крылось все теперь; изчезло и сомнѣнье,
торо иногда мнѣ было въ утѣшенье!
крылось все! въ любви взаимныя горятъ;
мнѣ посредникомъ ихъ спрасти быть веляшъ!...
буду! буду вамъ посредникомъ ко гробу!...
восходящую мою всѣ мѣры злобу,
убоко въ сердце скрывъ тиранновой рукой,
вергну мертваго Росслава предъ собой.
оль счастливы они и въ самомъ злоключеньи!
иный милый взоръ прервавши ихъ мученьи,
тмивъ всѣ варварства ихъ тяжкихъ бѣдъ творца,
еди страданья имъ вселяетъ рай въ сердца.
я, я мучуся отрады не имѣя;
вскорѣ обрѣту въ стенаніяхъ злодѣя!
ровергая все, что къ счастью мнѣ претитъ,
двигну Шведовъ я съ тиранномъ свергнуть стыдъ.
раннъ совмѣстникъ мой, Тираннъ не пощадится.
й духъ съ Зафирою на тронѣ съединится....
юбъ прелестей ея не зрѣть въ рукахъ чужихъ,
пощажу и сихъ я прелестей самихъ.

КОНЕЦЪ

Втораго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОССЛАВЪ въ цѣпяхъ, ЛЮБОМИРЪ.

ЛЮБОМИРЪ.

Во горести и то считаю въ ушѣшенье,
Что зрѣть тебя могу!...

РОССЛАВЪ.

Тираннъ свое велѣнье,
Чтобъ мнѣ въ темницѣ быть, опять перемѣнилъ.
Не все ли то равно, я гдѣ бы здѣсь ни былъ?
Двора тираннова чертоги всѣ темница.
Въ послѣдне солнце зритъ Росславова зѣница.

ЛЮБОМИРЪ.

Се плодъ посланія отъ Князя твоего,
Се плодъ усерднаго стараньа моего!
Росслава только лишь погибель ускоряю,
Во гнусны узы ввергъ, гробницу отворяю.

РОССЛАВЪ.

Почто смущаешся меня въ оковахъ зря?
Иль страждетъ честь моя отъ люпости Царя?
Я зрю съ презрѣніемъ тиранново гоненье;
За общество ношу сихъ узъ обремененье.
Се цѣпи тѣхъ златыхъ достойнѣе цѣпей,
Которыми Цари, во слѣпотѣ своей
Не рѣдко къ своему величію и трону,
Возводятъ низкихъ душъ гражданъ своихъ къ урону.

ЛЮБОМИРЪ.

И такъ въ упорности, самъ гибели вина,
Которая тебѣ тиранномъ суждена,
Ты пользѣ общей смерть свою предпочитаешь,
Защитника въ себѣ гражданъ своихъ лишаешь,
И будто утомясь отечеству служить,
Чтобъ кончить тяжку жизнь, не хочешь больше жить.

РОССЛАВЪ.

Давно ли Любомиръ о мнѣ такъ низко мыслитъ?...
Но нѣтъ, мой другъ меня, мой другъ, такимъ не числитъ.
Онъ только слабостью лишь дружбы омраченъ
И недостойнѣйшимъ жалѣньемъ удрученъ,
Спасти Росслава дни стараяся напрасно,
Вѣщаетъ то, съ его что мыслью несогласно.
Могу ли жизнію толико пользъ подать
Колико возмогу дерзая смерть пріять?
Ты знаешь Любомиръ могущество тиранна,
Подъ игомъ коего сія страна попранна,
Стонаетъ съ Даніей отечествомъ его,
Ты знаешь, сколько бѣдъ отъ варвара сего,
Въ единовластіе недавно съединенна,
Россія вновь родясь, слаба, неутвержденна,
Изъ праха чуждыхъ рабствъ подъемлюща чело,
Терпѣла, всякое одолѣвая зло;
Ты знаешь, наконецъ ея ослабша сила,
Коликой кровію за храбрость заплатила.
Противъ тирановыхъ превосходящихъ войскъ
Что могъ Россійскихъ чадъ содѣлать сонмъ геройскъ?
Съ мечами умирать, но умирать безплодно;
Погибель намъ влекло то чувство благородно;
Оставило бъ оно на мѣсто всѣхъ отрадъ
Престолъ безъ подданныхъ, отечество безъ чадъ.
Въ такое грозное сынамъ Россійскимъ время
Я, сколько могъ держать, поддерживалъ ихъ бремя;
Какъ вѣсть нечаянна восхитила мой духъ;
Достигнулъ до меня отрады полный слухъ:

Что есть еще душа межъ Готѳовъ возвышенна,
Унынъемъ сограждан̀ъ во рабствѣ устыженна
Ихъ алчетъ свободить мучителя поправъ;
И что изъ мрака узъ возсталъ герой Густавъ.
Тогда Россію спасть открылися мнѣ средства;
И чтобы прекратить скорѣе наши бѣдства,
Я свой направилъ путь ко мстителю сему;
Надежное отверзъ убѣжище ему
Извѣстное лишь мнѣ; гдѣ скрытъ тиранска зѣва
Готовитъ онъ ему ударъ Геройска гнѣва.
Симъ бурный Христіернъ на тронѣ потрясенъ,
Въ стремленіи своемъ на Россовъ умягченъ
И Шведовъ всякій часъ страшася возмущенья,
Оружье раздѣлилъ для собственна спасенья.
Ты знаешь симъ однимъ Россійская страна
На быстрыхъ крыліяхъ побѣдъ вознесена;
Ты знаешь, ежели Густава я открою,
Россіи измѣню и чести и Герою;
И если жизнь мою ничтожную спасу,
Два Царства въ жертву я Тиранну принесу.
Ты знаешь то, мой другъ, а ты того желаешь.

ЛЮБОМИРЪ.

А если средство есть, которо забываешь,
Спастися съ честію, что скажешь ты мой другъ?

РОССЛАВЪ.

Тогда отъ радости восхитится мой духъ,
Что жизнь мою могу я съ честію полезну
Еще на жертву несть отечеству любезну;
И что пролитую стократно кровь мою,
Для пользы сограждан̀ъ еще я пролію....
Но нѣтъ, то лишь одно мечтанье Любомира.

ЛЮБОМИРЪ.

Любовь, которою къ тебѣ горитъ Зафира,
Услуга, чѣмъ тебѣ обязанъ самъ Кедаръ,
Что все извѣстно мнѣ, отвергнутъ тотъ ударъ.

РОССЛАВЪ.

Какія средства мнѣ къ спасенію находишь;
Любовь несчастную на помощь мнѣ приводишь,
Которa руку мнѣ свою дерзнувъ простерть,
Не могши спасть меня, затмитъ мою лишь смерть;
И плѣнность на моемъ свою покинувъ гробѣ,
Угрызнуть честь мою оставитъ жало злобѣ.
Рекупъ, познавъ сію плачевную любовь,
Росславъ одной любви на жертву пролилъ кровь.
А если не забылъ Кедаръ мою услугу,
Коль хочетъ, можетъ онъ подать спасенье другу;
Но я себя къ тому не возмогу склонить,
Чтобъ прозбою себя отъ смерти свободить.

ЛЮБОМИРЪ.

Но если сей Кедаръ Рославу лицемѣренъ,
И только лишь одной своей корысти вѣренъ,
Коварствуя тебя желаетъ погубить?

РОССЛАВЪ.

Превыше низостей могу я ихъ простить.

ЛЮБОМИРЪ.

Но я не возмогу; и въ сей же часъ открою,
Чѣмъ Швеція должна Россійскому герою.

Хочетъ итти.

РОССЛАВЪ.

Постой! коль правда, что Кедаръ мнѣ измѣнилъ,
Почто же хочешь, чтобъ и я безчестенъ былъ?
И чтобы славы даръ мной дружбѣ принесенный,
За подлость подлостью обратно возвращенный,
Кедара посрамя и мнѣ бы сдѣлалъ стыдъ?

ЛЮБОМИРЪ.

Сіе Кедаровъ духъ злодѣйскій обнажитъ;

И здѣсь народъ познавъ, что ты его спаситель,
Противъ тиранна твой пребудетъ защититель.

РОССЛАВЪ.

Когда почтеніе ко мнѣ еще храня,
Не хочешь оскорбить предъ смертію меня,
Оставь, оставь сіе намѣренье безплодно
И дай мнѣ внити въ гробъ отверстый благородно.

ЛЮБОМИРЪ.

Въ мѣстахъ, гдѣ чести нѣтъ, честь хочешь сохранять,
Мнѣ дружба и мой Князь велятъ тебя спасать.

ЯВЛЕНІЕ II.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА.

ЗАФИРА.

Тираннъ меня прислалъ... Росславъ! твое спасенье
Зависитъ отъ того... тираннъ въ ожесточенье
Тобою приведенъ возноситъ страшный мечъ!
Уже готова смерть съ твоимъ мой вѣкъ пресѣчь;
Но если,.. знаю я, ты страху непричастенъ,
И добродѣтели всегда одной подвластенъ,
Щитаешь за ничто мнѣ люту смерть твою;
Но жизнь съ твоей навѣкъ спряженную мою,
Но жизнь Зафиры ты или въ ничто вмѣняешь?
Ты твердостью твоей Зафиру умерщвляешь!
Взгляни на мой ты зракъ, увидишь смерть въ глазахъ.
И душу всю мою ліющуся въ слезахъ.
Храни твой вѣкъ, его считая мнѣ священнымъ!
Нельстяся счастіемъ, не мнѣ опредѣленнымъ
Твоею вѣчно быть, желаю ли того?
Единаго прошу спасенья твоего.
Коль любишь ты меня, живи! и я блаженна,

Отъ смерти страшной мнѣ твоей освобожденна,
Дни томны безъ тебя въ унынь проводя,
Что живъ ты, сердцу въ томъ питанье находя
И чувствуя въ тебѣ я душу отвлеченну,
Снесу жизнь тяжкую разлукой сокрушенну.
Живи не для меня возлюбленный герой!
Защитникъ общества спасаема тобой,
Храни дражайшій вѣкъ отечеству любезну,
И гордость отложа для Россовъ безполезну,
Тиранну покорясь себя освободи;
Въ семъ униженіи величіе найди;
И, вобразя мое страданье безпредѣльно,
Отверзи таинства сокрытіе смертельно.

РОССЛАВЪ.

Когда бы знала ты, что въ тайнѣ страшной сей
Спасеніе страны заключено моей;
Тогда ты жизни честь мою предпочитая
И добродѣтелью любовь превозмогая,
Велѣла бъ мнѣ сама позорну жизнь презрѣть,
И въ гробѣ тайну скрывъ со славой умереть.

ЗАФИРА.

Велѣла бъ умереть! кто? я? кому? Росславу!
Увы! вкушаючи нѣжнѣйшую отраву,
Могу ли что твоей я жизни предпочесть.
Тебя зрѣть, то мнѣ жизнь; любить, моя то честь!
И то мнѣ смерть, когда Росславъ меня забудетъ.
Что жъ мнѣ тогда во всемъ, когда тебя не будетъ.
Велѣла бъ умереть! ахъ если бъ ты любя
Такъ пламенно меня, какъ я люблю тебя,
Дерзалъ одолѣвать свирѣпость рока злова,
Сегобъ ты не сказалъ ужаснаго мнѣ слова;
И все бы находя во сердцѣ лишь моемъ,
Отечество и долгъ и славубъ видѣлъ въ немъ.

РОССЛАВЪ.

Сомнѣніемъ твоимъ я только отягчаюсь;
Люблю тебя, люблю... но я не ослѣпляюсь.

По долгу, счастія противникъ моего,
Достоинъ жалости не гнѣва твоего.
Жалѣй несчастнаго, кто все съ тобою тратитъ,
Но выше кто любви отечеству долгъ платитъ;
Жалѣй несчастнаго, но подражай ему;
Отважся въ слѣдъ итти Росславу твоему.
Когдабъ ты зрѣть могла, тобою сердце страстно,
Хотя и плѣнное, но должности подвластно,
Увидѣлабъ, Княжна, какъ долженъ воздыхать,
Которой родился собой примѣръ давать;
Узрѣлабъ, какъ любовь безплодно ополченна,
Безъ дѣйства сердце рветъ, стенаньями стѣсненна.
Тогда надъ слабостью превозносясь душей,
Ты славубъ обрѣла и въ слабости твоей.

ЗАФИРА.

Могуль мужаться я? увы! Росславъ близъ гроба!
Уже тираннова свой зѣвъ разверзла злоба.
Спаси себя, и все что хочешь сотворю.
Коль должно, буду я супругою Царю.
Я часть мою снесу какъ будетъ ни сурова,
Спаси себя... потомъ терзаться я готова.
Спаси... я слышу шумъ... тираннъ сюда идетъ,
Предъидетъ страхъ ему, а смерть за нимъ во слѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, ХРИСТІЕРНЪ съ воинами.

ХРИСТІЕРНЪ.

Уже ли жалость въ томъ Зафирина успѣла,
Въ чемъ власть Царя до днесь успѣха не имѣла?
Открыто ль таинство? могу ль его познавъ
Не быть жестокъ?

РОССЛАВЪ.

Или я больше не РосславЪ?

ХРИСТІЕРНЪ.

Оставимъ люпости, я оными скучаю,
И гнѣвъ, хотя праведный, однакожъ укрощаю.
Съ престола преклоню къ щедротѣ я себя;
Сокровища мои открыты для тебя;
Скажи что знать хочу, и можешь все имѣти.

РОССЛАВЪ.

Оставь твое сребро, сіи тиранновъ сѣти,
Ко удержанію на ихъ главѣ вѣнца,
Могущи уловлять лишь подлыя сердца;
Будь троновъ ты и всѣхъ сокровищей владѣтель;
Возми и жизнь, но мнѣ остави добродѣтель.

ХРИСТІЕРНЪ.

Когда бы ты былъ Царь несчастьемъ ввержень въ плѣнъ,
Твоею бъ дерзостью я не былъ удивленъ;
Царя бы чтилъ въ тебѣ, себя я уважая;
Но ты въ плѣненіи противъ меня дерзая,
И гнѣва моего не устрашаясь грозъ
Что бы не трепетать, кто ты таковъ?

РОССЛАВЪ.

Я РоссЪ?

ХРИСТІЕРНЪ.

Ты плѣнникъ дерзостный ты! рабъ мой!

РОССЛАВЪ.

Тотъ свободенъ,
Кто смерти не страшась тираннамъ не угоденъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Внемли.... Хочу тебя въ послѣдне пощадить,
И дерзости твоей въ послѣдній разъ проспить,
Хочу тебя спасти... зрю, что тебя смущаетъ,
И тайны важной мнѣ открыть не допущаетъ;
Страхъ злобу заслужить отъ Князя твоего;
Но будь мой подданный, оставь, оставь его.
Отъ твоего твой рокъ зависитъ произвола,
Чего желаешь ты, скажи?

РОССЛАВЪ.

Ниже престола.

ХРИСТІЕРНЪ.

Умри злодѣй! мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого возлагаешь?

РОССЛАВЪ.

На себя.

ХРИСТІЕРНЪ.

Во узахъ и въ моей стѣсненъ всевластной волѣ,
Оставленный отъ всѣхъ и въ самой жалкой долѣ,
Спасеніе во мнѣ одномъ могущій зрѣть
Что можешь ты?

РОССЛАВЪ.

Могу тебя и смерть презрѣть.

ХРИСТІЕРНЪ.

Увидь мученія, ужъ смерть тебѣ готова,
Когда велю терзать откроешь все.

РОССЛАВЪ.

Ни слова.
Хотя бы за предѣлъ простерти могши гнѣвъ,
Дышалъ ты муками какъ ада страшный зѣвъ;

Хотя бы на землѣ ты тартарЪ мнѣ устроилЪ;
ЧтобЪ сдѣлалЪ тѣмЪ? мою бЪ лишь славу ты удвоилЪ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Увидимъ... воины...

РОССЛАВЪ.

О Россы!

ЗАФИРА *съ ужасомъ.*

Государь!

ХРИСТІЕРНЪ *съ яростію.*

Зафира!

ЗАФИРА.

ПлѣнникЪ онЪ, а ты здѣсь сильный ЦарЬ;
Во власти онЪ твоей, не помрачай короны.

ХРИСТІЕРНЪ *къ Зафирѣ.*

Смятеніе твое, твой плачЪ, твой ужасЪ, стоны
Не для меня то все; и вижу ясно я,
ЧѣмЪ страждетЪ днесь душа разтерзанна твоя.

ЗАФИРА *съ смятеніемъ.*

Кто я? я стражду? нѣтЪ... но ты невинность гонишь...
Но ты... ахЪ ежели на жалость не преклонишь
Ты сердца твоего... когда РосславЪ падетЪ...
Когда... остави мнѣ...

ХРИСТІЕРНЪ.

УмретЪ мой врагЪ, умретЪ.
Ты плачешь!... воины!...

ЗАФИРА.

Не плачу... умираю.

упадаетЪ.

ХРИСТІЕРНЪ.

А я ужаснѣйшу мнѣ тайну открываю!
Безсиленъ изъяснить, что въ сердцѣ я терплю,
Лютѣйшей казнію я вамъ сіе явлю;
Въ мученіяхъ своихъ познаете какъ спражду.
Гошовшеся на смерть; я вашей крови жажду.

Отходитъ, а нѣсколько воиновъ остается.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА и воины.

ЗАФИРА.

Росславъ!...

РОССЛАВЪ.

Зафира!...

ЗАФИРА.

Ахъ! ты гибнешь за меня!

РОССЛАВЪ.

И ты пріемлешь смерть несчастнымъ духъ плѣня.

ЗАФИРА.

О верхъ мучительства гонящія судбины!
О мысль ужаснѣйша самой моей кончины!
Росславъ умретъ! увы тиранскихъ жертва злобъ
Не придетъ онъ уже на мой печальный гробъ,
Зафиры хладный прахъ утѣшить воздыханьемъ,
И оживить меня драгимъ воспоминаньемъ!

РОССЛАВЪ.

Я въ гробъ не за одно отечество вхожу;
Участницей любовь во смерти нахожу;

Се что меня крушитъ: но такъ судьбамъ угодно.
Престань рыдать; прервавъ стенаніе безплодно
Себя Росславовой любовницей яви;
Неколебимостью тиранна удиви.

ЗАФИРА.

Великія души твоей я гласу внемлю.
Тобой восхищена я оставляю землю.
Росславъ меня своей любовницей нарекъ.
Взнесенна словомъ симъ превыше человѣкъ,
Безстрашно слѣдую къ странѣ я неизвѣстной,
Гдѣ встрѣчуся съ твоей душею я небесной,
Гдѣ ты мнѣ замѣнишь красу самихъ небесъ;...
Не буду я стонать и лить не стану слезъ.

РОССЛАВЪ.

Мужайся, укрѣпись; меня не ослабляя,
Взирай на смерть мою не мучась, не стоная;
Не обезславь часа послѣдня моего.

ЗАФИРА.

Увидитъ то герой достойналь я его.
Съ Росславомъ мнѣ и смерть пріятнѣй какъ порфира.

РОССЛАВЪ.

Прости.

ЗАФИРА.

О рокъ! *Зафира нѣсколько отступая останавливается.*

РОССЛАВЪ *увидя что Зафира остановилась.*

Почто ты медлишь здѣсь, Зафира!

ЗАФИРА.

Хочу я мужествомъ наполниться твоимъ;
Хоть мало крѣпости дать чувствіямъ моимъ,

Которою ты такъ всѣхъ смертныхъ превышаешь,
Которой слѣдовать ты мнѣ повелѣваешь;
Хочу Росслава зря Зафиру научить,
Какъ смертью съ нимъ себя безъ стона разлучить,
Безъ горести, безъ слезъ...

РОССЛАВЪ.

Но слезы проливаешь!

ЗАФИРА.

Росславъ возлюбленный, и ты, ты самъ стонаешь!

РОССЛАВЪ.

Стонаю!

ЗАФИРА.

Вспомнивъ, что послѣдній близокъ часъ,
Въ который люта смерть навѣкъ разлучитъ насъ,
Дай сердцу моему ты волю безъ помѣхи
Вкушать въ слезахъ моихъ жестокія ущѣхи;
И видя, какъ тебя смертельно я люблю,
За страшны горести, которы я терплю,
Подай награду мнѣ твоимъ драгимъ стенаньемъ.

РОССЛАВЪ.

Коль хочешь, веселись Росславовымъ страданьемъ.

ЗАФИРА.

Престань досадовать, я разстаюсь съ тобой,
Иду я слабости мои сокрыть.

Хочетъ итти.

РОССЛАВЪ.

Постой!
Остановись еще.

ЗАФИРА.

Продлити хочешь муку.
Чего желаешь ты?

РОССЛАВЪ.

Простри свою мнѣ руку,
Простри дражайшая въ залогъ любви твоей,
Отраду дай душѣ расперзанной моей,
Которая тебѣ единой предается.
Послѣдній малый часъ Зафирѣ остается,
Отъ дней, которые я Россамъ посвятилъ.
Уже отечеству я долгъ мой заплатилъ;
Лишаяся всего предѣломъ люта рока,
Въ сей только часъ могу любить я безъ порока;
Въ сей краткій часъ, когда ко смерти осужденъ,
Съ тобою быть могу любовью сопряженъ;
Во всемъ я пламени могу тебѣ казаться.
Живя не могъ быть твой, могу твоимъ разстаться.

ЗАФИРА.

Вотъ какъ спрягаетъ насъ немилосердый Царь!
Свирѣпа смерть намъ бракъ, гробница нашъ олтарь!

ЯВЛЕНІЕ V.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, КЕДАРЪ и воины.

КЕДАРЪ.

Тиранъ взволнованный и злобой и любовью,
Алкая и страшась упиться вашей кровью,
Въ свирѣпости своей мной паки утоленъ
И вознесенъ на васъ ударъ остановленъ.
Зафира! ты одна отъ смерти свобожденна;
Но смерть Росславова лишь только удаленна.

ЗАФИРА.

Спасенна ль я! коль нѣтъ спасенія Росславу!
Увидь у ногъ твоихъ...

Упадаетъ на колѣни.

РОССЛАВЪ *поднимая ее.*

Храня мою ты славу,
Не унижай меня прошеніемъ твоимъ;
Когда бъ я истинно Зафирой былъ любимъ,
Коль въ сердцѣ бы своемъ Росслава ощущала,
Иными чувствами она бы то вѣщала.

ЗАФИРА.

Не возбраняй ты мнѣ къ его ногамъ упасть,
Росславъ! мнѣ все то Богъ, тебя что можетъ спасть.

КЕДАРЪ.

Оставь спасеніе его моей пріязни.

ЯВЛЕНІЕ VI.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, КЕДАРЪ, ЛЮБОМИРЪ и воины.

ЛЮБОМИРЪ.

Тиранъ хотѣлъ тебя предати тайно казни,
Но я ему сказалъ, коль виненъ ты предъ нимъ,
Законами на казнь ты долженъ быть судимъ,
Не тайно воспріять преступка воздаянье.
Теперь готовитъ онъ на площади каранье,
Гдѣ всѣ увидятъ то и узритъ самъ Кедаръ...

КЕДАРЪ.

Потщуся отвратить отъ друга сей ударъ.
Но между тѣмъ Царя исполнимъ мы хотѣнье;
Росславу предписалъ въ темницѣ заключенье...

РОССЛАВЪ.

Иду.

КЕДАРЪ.

Ты въ узахъ ли, въ темницѣ ль, я твой другъ.
Умѣрь отчаянье, спокой смятенный духъ.

РОССЛАВЪ.

Кто? я отчаянъ? я?... кто честенъ, тотъ спокоенъ.
Одинъ порочный духъ разтерзанъ и разстроенъ
Не могши въ совѣсти убѣжища сыскать,
Не смѣетъ самъ къ себѣ въ напасти прибѣгать.

КЕДАРЪ *съ смятеніемъ.*

Или ты мыслишь, что тебѣ я лицемѣрю?

РОССЛАВЪ.

Съ презрѣніемъ Кедару.

Ты хочешь, что бы я тебѣ повѣрилъ?... вѣрю.
Къ Зафирѣ.
Спасенна жизнь твоя спокойно въ гробъ иду.
Отходитъ, а за нимъ Кедаръ и воины.

ЗАФИРА.

Во гробъ!... постой... но я тебя и тамъ найду.

ЛЮБОМИРЪ.

Или отчаянье едино только средство,
Потщимся отвратить ему грозяще бѣдство.
Еще осталась ночь къ спасенію его.

ЗАФИРА.

О ночь! ужасна ночь для сердца моего!
Но можетъ быть она ужасна и злодѣю.
Народъ здѣсь преданъ мнѣ, я смерти не робѣю.

КОНЕЦЪ

Третьяго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ темницу.

РОССЛАВЪ *въ оковахъ.*

Се часъ, послѣдній часъ моихъ приходитъ дней;
Въ послѣдній разъ узрю свѣтъ утреннихъ лучей;
Ужъ мрачныя врата мнѣ вѣчности отверзты;
Ужъ емлетъ косу смерть во грозны смертнымъ персты;
Иду... къ отечеству любовью подкрѣпленъ,
Утѣщенъ совѣстью и славой озаренъ,
Иду безъ робости, и смерть! твою пить чашу!
Тобою жизнь мою и паче я украшу;
И показавъ, какъ Россъ свой долженъ вѣкъ кончать,
Тобою положу безсмертія печать....
Съ какимъ спокойствомъ тотъ, о смерть! тебя встрѣчаетъ,
Кого гласъ совѣсти ни чемъ не уличаетъ...
О добродѣтель! все заключено въ тебѣ,
Что праведна душа въ награду ждетъ себѣ;
Отрадъ предвѣчныхъ тѣхъ еще не постигая,
Тобой предчувствуетъ она блаженство рая;
Надежды чистыя лучемъ себя плѣня,
Смерть тихій вечеръ ей прошедша свѣтла дня...
Одной любовію спокойство сердца рушу;
Зафира! ты одна мою колеблешь душу,
Со всѣми прелестьми воображаясь мнѣ.
Я зрю несчастную въ сей варварской странѣ;
Я вижу на моемъ рыдающую гробѣ
И Христіерновой подверженную злобѣ.

Я зрю влекомую какъ жертву къ олтарю,
Немилосердому супругой быть Царю.
Я внемлю вопль ея и жалостно рыданье...
Сокройся отъ меня плачевное мечтанье!...
Я слышу стукъ; идутъ... идутъ меня вести,
Ко смерти.

ЯВЛЕНІЕ II.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА.

ЗАФИРА.

Наконецъ, могу тебя спасти;
Могу я удалить героя отъ гробницы;
Ступай; отверзта дверь ужасныя темницы.
Любовь народную и все употребя
На то, чтобъ только лишь, Росславъ, спасти тебя,
Отечество, къ вѣнцу я право покидаю;
Что мнѣ во всемъ? я все въ Росславѣ обрѣтаю.
Ты видишь токи слезъ текущи изъ очей!
Се слезы радостью пролитыя моей,
Которыхъ сладости я въ первый разъ вкушаю.
О какъ блаженна я! Росслава я спасаю!
И купно съ нимъ могу отъ сихъ ужасныхъ странъ,
Препроводить его въ жилища сограждан.
Ступай... но что Росславъ! ты мнѣ не отвѣчаешь!
Недвижимъ...

РОССЛАВЪ.

Мнѣ бѣжать?

ЗАФИРА.

Тебѣ. Что здѣсь теряешь?
Оковы, смертну казнь. Я покидаю нронъ,
Отечество, но я не зрю себѣ препонъ.
Росславъ колеблется, а я не размышляю.

РОССЛАВЪ.

Что скажутъ!

ЗАФИРА.

Что тебя всему предпочитаю,
Что въ свѣтѣ для меня нѣтъ счастья, ни отрадъ.
Что троны безъ тебя, вѣнцы и все мнѣ адъ;
Что, гдѣ Росславъ со мной въ какой нибудь судьбинѣ
Мнѣ тамо рай вездѣ, въ лѣсахъ ли, иль въ пустынѣ.

РОССЛАВЪ.

Тебя дражайшая какъ душу я любя,
Въ утратѣ свѣта я теряю лишь тебя.
Я вижу счастіе въ тебѣ неизреченно;
Но должностью сіе мнѣ щастье воспрещенно.
Я чувствую, что я съ тобою сопряженъ
Превыше бъ человѣкъ на свѣтѣ былъ блаженъ.
Когда бъ мой долгъ съ моей отрадой соглашался
Съ лучами бъ я небесъ въ твоихъ очахъ встрѣчался.
Въ тебѣ одной я бъ могъ всю благость неба зрѣть;
Но то не для меня... мнѣ должно умереть!
Мой долгъ, мой строгій долгъ отверзъ межъ нами бездну,
Въ которую паду терзаючи любезну.

ЗАФИРА.

Какой злодѣйскій долгъ несчастну погубить!

РОССЛАВЪ.

Ты помни жизнь мою, чтобъ смерть мою забыть.
И видя мной примѣръ Россіянамъ устроенъ,
Утѣшься, что я въ гробъ вхожу тебя достоенъ.
Я счастливъ долженъ быть лишь только тѣмъ однимъ,
Что гробъ ты мой почтишь стенаніемъ твоимъ.

ЗАФИРА.

Коль любишь ты меня, страшись! сраженна рокомъ
Оплачу смерть твою, не стономъ, крови токомъ.

Но нѣтъ, когда любовь мою вообразитъ,
Росславъ меня, Росславъ такъ люто не сразитъ.
Или Зафирины ему стенанья сладки?
Спѣши. Осталися уже минуты кратки;
Уже спасительной блѣднѣетъ ночи тѣнь;
Багряная заря влечетъ кровавый день!
О день погибели моей съ тобою купно!
Иль сердце къ жалости Росслава неприступно?
Ты долженъ жизнь мою, жестокой! возвратить;
Хоть благодарностью мнѣ долженъ отплатить,
Когда не чувствуешь ты пламени подобна,
Которымъ лишь однимъ я жизнь питать удобна.
Воспомни, сколько разъ спасала я тебя.
Въ сей лютой крайности всѣ чувства погубя,
И увядающа тобой во цвѣтѣ вѣка,
Могу я снисходить до низости упрека;
И смерти твоея снести безсильна видъ,
Могу дать чувствовать тебѣ укоровъ стыдъ.
Воспомни все мое къ тебѣ благодѣянье,
И жизнью лишь твоей мнѣ сдѣлай воздаянье.

РОССЛАВЪ.

Какой я гнусной даръ Зафирѣ принесу,
Когда безчестьемъ жизнь и робостью спасу;
Когда, позорный бѣгъ предпочитая гробу,
Подвигну варвара несытую я злобу,
Плѣненнымъ Россамъ здѣсь за стыдъ мой отомщать
И кровь гражданъ моихъ невинну проливать.
Иди, что злѣй того, я дамъ тиранну права,
За жизнь постыдную бѣгущаго Росслава,
Обратно требовать плоды моихъ побѣдъ,
Которы Князь мой такъ охотно предаетъ....
Предатель низкій благъ отечества драгаго,
Преступникъ долга я толико мнѣ святаго,
Ты хочешь, чтобъ я все у ногъ твоихъ забылъ
И цѣлой жизни честь въ минуту погубилъ.
Отчаянъ потерявъ я славы всю награду,
Гдѣ скроюсь отъ себя и въ чемъ найду отраду?

ЗАФИРА.

Въ моей любви.

РОССЛАВЪ.

Она мнѣ станетъ вспоминать,
Что за нея меня свѣтъ долженъ презирать;
И ставъ виновницей преступковъ всѣхъ Росслава,
Въ чемъ было бъ щастье, въ томъ будетъ мнѣ отрава.
Я зрю всечасно. . .

ЗАФИРА.

Нѣтъ, не любишь ты меня!
И тщетно нѣжности Зафириной маня,
Ты и не чувствовалъ ко мнѣ любови вѣчно...
Умри!... коль сердце такъ въ тебѣ безчеловѣчно;
Когда желаешь ты погибели моей,
Умри!... но ты не льстись въ жестокости твоей,
Что лютаго часа въ страданіи дождуся,
Въ которой казнію твоею поражуся.
Не мысли ты, что я, надежды всей лишась,
Зря близку смерть твою, умѣренно крушась,
Обыкновенну страсть во сердцѣ заключая,
И смертію моей тебя лишь устрашая,
Могу послѣдній вздохъ Росславовъ пережить,
Чтобъ плакать, а потомъ утѣшенною быть.
Нѣтъ варваръ! нѣтъ! въ сей часъ увидишь какъ пылаю;
Узнаешь какъ люблю, увидя что дерзаю;
Не льстись убѣгнуть въ гробъ отъ смерти моея;
Въ жилище мрачное тебѣ предъиду я,
Гдѣ будетъ насъ судить небесно правосудье.
Страшись! се остріе отчаянья орудье.

Вынимаетъ кинжалъ.

Когда спасенья мнѣ уже въ Росславѣ нѣтъ,
Оно къ убѣжищу несчастну приведетъ,
И дастъ утѣху мнѣ моей пролитой кровью,
Коль любишь ты меня, карать тебя любовью;
А если видъ любви въ тебѣ обманъ скрывалъ
И къ пущей гибели лишь лесть ты мнѣ являлъ;

Когда мой слыша стонъ, душа твоя спокойна,
Увидишь ты теперь, кого ли я достойна.
Насыщься зрѣньемъ симъ и торжествуй герой,
Виновникъ бѣдъ моихъ зри смерть мою...
хочетъ закололься.

РОССЛАВЪ.

Постой!
Постой жестокая! иду тебѣ покоренъ.
Я трепещу!... къ чему мнѣ пусть тобой отворенъ?

ЗАФИРА.

Ко щастью нашему. Меня коль любишь ты,
Передъ свѣтильникомъ любви падутъ мечты,
Которыми тебя геройство ослѣпляетъ.
Твое мнѣ сердце всю вселенну замѣняетъ;
Коль любитъ такъ Росславъ, какъ онъ мнѣ то твердитъ,
Вселенную ему Зафира замѣнитъ.
Ступай... но что! иль духъ мой щетно ушѣшался!

РОССЛАВЪ.

Довольствуйся и тѣмъ, что я поколебался.

ЗАФИРА.

Жестокой!

ЯВЛЕНІЕ III.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, ЛЮБОМИРЪ.

ЗАФИРА.

Любомиръ! соединись со мной
Спасти Росслава.

ЛЮБОМИРЪ.

Нѣтъ, ужъ трудъ напрасенъ твой.

РОССЛАВЪ.

Поди и даръ ты сей для подлыхъ душъ храни,
Которы суждены приять достойну кару,
Главу злодѣйскую смертельному удару
Предъ окомъ общества страшатся предъявить.
Не казнь, одинъ порокъ лишь долженъ насъ стыдить.
Да узрятъ смерть мою всѣ общества и Царства.

КЕДАРЪ.

Ты дружбы моея...

РОССЛАВЪ.

Оставь твои коварства
И часть мою свершай.

ЛЮБОМИРЪ *къ Кедару.*

Тиранна гнусный рабъ!...
Но душу описать твою языкъ мой слабъ.
Одинъ небесный громъ такихъ какъ ты карая,
То можетъ изъяснить Кедара изтребляя.

КЕДАРЪ.

Но дерзновеніе въ тебѣ отколь сіе?

ЛЮБОМИРЪ.

Мнѣ право подаетъ безчестіе твое
Открыть въ сей часъ твою злодѣйствомъ душу черну.
Невѣренъ другу ты, невѣренъ Христіерну,
Княжны несчастныя прельщаясь красотой,
Во тайной ярости коварною рукой,
Завѣсой дружбы скрывъ намѣренія злобны
Къ успѣху всякія щиталъ пути удобны
И ты губишь... кого? свирѣпѣйшій злодѣй!
Кто откровенностью обманутый своей,
Превыше всѣхъ коварствъ, не зря твою отраву,
Съ побѣдой уступилъ тебѣ свою здѣсь славу;

Подъ именемъ твоимъ кто спасъ сію страну
Росслава!...

ЗАФИРА.

Небо! зря ужасну толь вину
Днесь молніи своей на казнь ему не мещетъ!
Росславъ умретъ, а онъ!...

РОССЛАВЪ.

Увидь, какъ онъ трепещетъ,
Се казнь его; и зря души моей покой,
Онъ страждетъ, я щастливъ оплаканный тобой.
Величья своего сіянія въ средині
Онъ можетъ быть моей завидуетъ судьбині;
И гласа совѣсти не могши изтребить
Удобенъ ли онъ такъ, какъ я, щастливымъ быть.

КЕДАРЪ *къ воинамъ.*

Свершайте, царскому покорствуя уставу.

Воины приступаютъ вести Росслава.

ЗАФИРА.

Куда, куда его влекутъ?

КЕДАРЪ *съ яростію.*

На смерть! *Зафира упадаетъ.*

РОССЛАВЪ.

На славу.

къ Зафирѣ.

О ты, которую мой рокъ не мнѣ судилъ,
Которую всего я болѣе любилъ,
Единый только долгъ тебѣ предпочитая,
Владычествуй собой, печаль одолѣвая.
Мой гробъ въ глазахъ моихъ блистательнѣй какъ тронъ.
Вселенной тамъ найду почтенье и твой стонъ.
О коль безцѣнная за смерть мою награда!

къ Любомиру.

А ты отеческа, мой другъ, достигнувъ града,
Вѣщай мою, вѣщай къ отечеству любовь;
Что жертвой малою мою я чтилъ бы кровь;
Но съ жизнію моей Зафиру я теряю.
Я больше дѣлаю какъ только умираю...
Напомни Россамъ какъ я долгъ хранить умѣлъ;
Что польза ихъ виной моихъ всѣхъ славныхъ дѣлъ.
Блаженъ и всѣхъ моихъ желаній тѣмъ достигну,
Коль смертію моей ихъ къ ревности подвигну
Стремиться достигать безсмертія вѣнца...
Но мнѣ извѣстны суть моихъ гражданъ сердца.
Россію до небесъ взнесенну вображаю!
Наполненъ мыслью сей съ восторгомъ жизнь кончаю.

Кедаръ съ воинами отводятъ Росслава.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЗАФИРА, ЛЮБОМИРЪ.

ЗАФИРА.

Гдѣ я?... Росславъ!... гдѣ ты? мнѣ твой неслышенъ гласъ.
Увы! свершилось все... въ сей часъ въ сей страшный часъ.
Надежда для меня во гробѣ лишь осталась.

ЛЮБОМИРЪ.

Еще не вся твоя надежда миновалась.
Тревожитъ тайный слухъ обрадованный градъ,
Что свергнется въ сей день тиранъ со трона въ адъ;
И что уже Густавъ Росславомъ сохраненный
Къ спасенію гражданъ геройствомъ устремленный
Летитъ со вѣтрами по Белтовымъ волнамъ.
Какою помощью герой сей будетъ намъ.

Когда бы только лишь найти удобны средства
На мало удалить грозящей казни бѣдства.
Не трать сихъ минутъ спѣши народъ узрѣть.

ЗАФИРА.

Бѣгу Росслава спасть, или купно умереть.

КОНЕЦЪ

Четвертаго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХРИСТІЕРНЪ, КЕДАРЪ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Волненье гнѣва гласъ въ гортани пресѣкаетъ!
Все сердце изъ меня на мщенье излетаетъ!
Зафира!... можно ли сіе снести Царю!...
Тебѣ Кедаръ, тебѣ мой другъ благодарю:
Я прозорливостью усердной мнѣ твоею
Жертвъ ярости моей въ моихъ рукахъ имѣю.
Ни что измѣнницу ужъ больше не спасетъ;
И сами прелести ей въ пущій служатъ вредъ;
Вину ея краса лишь только умножаетъ,
И всю мою любовь во злобу превращаетъ.

КЕДАРЪ.

Злодѣйство страшное! но слабая Княжна
Не столь виновною казаться должна.
Росславъ, одинъ Росславъ исполненъ гнусной лести,
Невинну обольстивъ наружностію чести,
Достоинъ злѣйшу смерть въ мученіяхъ вкусить.
Тѣмъ паче должно казнь его скорѣй свершить,
Что тайну самъ Густавъ явяся открываетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

О вѣсть ужасная!

КЕДАРЪ.

Все слухъ сей подтверждаетъ;
Ужъ полонъ здѣшній градъ опасною молвой,
Что вскорѣ надъ твоей монаршею главой,

Вдали ревущій громъ, обрушась явно грянетъ;
И что Густавъ сюда со воинствомъ предстанетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Кедаръ! днесь должно мнѣ усердіе явить
И тайно моего злодѣя погубить.
Ты знаешь, отъ моихъ сѣтей судьбой спасенный,
Народомъ какъ любимъ Густавъ предерзновенный.
Надежды нѣтъ его открытно поразить;
Иными средствами намъ должно побѣдить.
Гдѣ храбрость немощна, тамъ нужны суть коварства;
Твердѣе ратныхъ силъ сіи подпоры царства.
Въ сей крайности моей взлагаю на тебя,
Мнѣ тронъ мой сохранить Густава изпребя.
Ступай и избери къ корысти прилѣпленныхъ,
Продажныхъ оныхъ душъ и чести отчужденныхъ,
Которымъ Богъ сребро; сокровищъ не щади
И блескомъ золота ихъ очи ослѣпи;
Блистай предъ гордыми высокихъ сановъ славой;
Да воруженные желѣзомъ, иль отравой
И пресмыкаяся по скрытнѣйшимъ тропамъ,
Зміи, къ Густавовымъ приползшія стопамъ,
О счастьи своего Царя за мзду радѣя,
Ужалятъ моего люттѣйшаго злодѣя.

КЕДАРЪ.

Не мысли, Государь, чтобы въ толпѣ рабовъ
Ты вѣрныхъ не имѣлъ, изъ коихъ всякъ готовъ
За честь тебѣ служа со искренней любовью,
Пожертвовать какъ другъ тебѣ своею кровью.

ХРИСТІЕРНЪ.

Какъ другъ? нельщусь имѣть друзей въ рабахъ моихъ;
Корысть мнѣ ихъ дала, корысть отъиметъ ихъ.
Нѣтъ нужды, изъ чего намъ польза изтекаетъ;
Все свято для меня, что тронъ мой утверждаетъ:
И мнѣ ли чувствія разборчивы имѣть;
Любовью, страхомъ ли, лишь только бы владѣть.

КЕДАРЪ.

Коль ревности успѣхъ отвѣтствовати станетъ,
То вскорѣ страшный сей Густавъ дышать престанетъ.
Но между тѣмъ Росславъ, во бурныхъ сихъ стѣнахъ
Возможетъ, Государь, грозы умножить страхъ.
Вели отъяти въ немъ Густаву сильно средство;
Вели его карать и тѣмъ убави бѣдство.

ХРИСТІЕРНЪ.

Поди, представь ты мнѣ съ Зафирою его.

КЕДАРЪ.

Брегися, Государь, ты гордаго сего,
Во мщеніи твоемъ внимая гнѣва жару,
Подвергнуть тайно здѣсь смертельному удару.
Не должно робости народу тѣмъ явить;
Но смѣлой казнію градъ должно изумить.
Ударь передъ лицемъ къ смятенью склонной черни;
Въ сей часъ кровавою завѣсою задерни
Ея надежды лучъ; на площади лей кровь.

ХРИСТІЕРНЪ.

Представь преступниковъ; хочу я ихъ любовь
Во ужасъ претворя симъ зрѣньемъ насладиться.
Всегда успѣетъ кровь пролитая пролиться.
Или несчастіе велико умереть.
Хочу напредь я ихъ страданіе узрѣть;
Хочу, изоблича Росслава преступленье
Отъяти у него послѣдне утѣшенье,
Что въ добродѣтели одной влагаетъ онъ;
Хочу Зафиры я услышать горькій стонъ.
Поди!

ЯВЛЕНІЕ II.

ХРИСТІЕРНЪ *одинъ.*

Безумствуя, Княжна, въ позорной страсти,
Почувствуешь въ сей часъ моей всю тягость власти!
Владыку своего дерзая прогнѣвлять,
Почувствуешь, меня какъ страшно оскорблять.
Тебя принудивъ снесть любовника терзанье
Въ немъ сдѣлаю тебѣ достойно наказанье;
Въ страданіяхъ его, чѣмъ устрашу весь градъ,
Предъ смертію твоей ты вкусишь смерть стократъ.
Потомъ... но нѣтъ тебѣ я люту жизнь оставлю,
И смертію тебя отъ бѣдства не избавлю.
На гробѣ вражескомъ прогнѣванный твой Царь,
Воздвигнетъ брачный здѣсь для мукъ твоихъ олтарь;
Съ тобой спрягусь, презрѣвъ твои сопротивленья,
Спрягусь не для любви, а только для отмщенья.

ЯВЛЕНІЕ III.

ХРИСТІЕРНЪ, ЗАФИРА, РОССЛАВЪ, въ оковахъ и стражи.

РОССЛАВЪ.

За чемъ меня призвалъ? Скорѣе погубя
Избавь отъ мерзости взирати на тебя,
Избавь тиранъ!

ХРИСТІЕРНЪ.

Какой гордынею надменный
Ты можешь, подлою измѣной обличенный,
Являть невинности спокойно торжество?
То сердца твоего велико бежество,

Что такъ ты обожалъ, гдѣ дѣлась добродѣтель?
Злодѣйскихъ козней ты коварнѣйшій содѣтель,
Не за отечество днесь будешь умирать.

РОССЛАВЪ.

Тираннъ! тебѣ ль меня порочнымъ почитать,
Тебѣ?

ХРИСТІЕРНЪ.

Но какъ назвать твои преславны дѣйства?
Съ Княжной твой гнусный бѣгъ и хитрыя злодѣйства?
Не ты ль презрѣвши честь Зафиры твоея
И страстью пользуясь Княжны, не ты ль...

РОССЛАВЪ.

Не я.
Когда бъ я шествовалъ путемъ бездѣльства къ счастью,
Давно бъ престалъ меня терзать твоей ты властью,
Давно бъ, когда бъ хотѣлъ, съ Зафирой сопряженъ,
Въ отечествѣ я могъ безъ славы быть блаженъ.
Но я твои пути ко счастью презираю.
Несчастенъ и гоним, но честенъ умираю.

ХРИСТІЕРНЪ.

Ты честенъ? можетъ ли злодѣй сіе сказать?

РОССЛАВЪ.

Окончи клевету, начавъ меня терзать.
Тиранна низости прощаю я сомнѣнье;
И Христіерново не нужно мнѣ почтенье.
Хотя на тронѣ ты, хотя во узахъ я;
Пусть міръ у ногъ твоихъ, со мною честь моя.

ХРИСТІЕРНЪ.

Въ злодѣйствіи твоемъ величиться дерзаешь!
Умри злодѣй, умри!

ЗАФИРА.

За что его караешь!
Щитая за порокъ одну безчестья тѣнь,
Тѣмъ развѣ виненъ онъ, что я его въ сей день
Кончину лютую оплакивати буду.
Невидяща ему спасенья ни откуду.
На все дерзающа въ отчаяньи моемъ,
Пропивъ тебя тиранъ виновна я во всемъ;
Чтобы его спасти, я стражу обольстила,
Темницу страшну я герою отворила;
Но духъ Росславовъ все въ ничто преобратилъ.
За толь его разишь, что съ лишкомъ честенъ былъ;
Что въ узахъ, но своей не покаряясь долѣ,
Превыше онъ тебя сѣдяща на престолѣ?
Коль должно наказать, карай меня одну,
Безсмертну страсть мою щитая за вину,
Ту страсть, которую родила добродѣтель.
Кровавыхъ ты злодѣйствъ въ вѣнцѣ моемъ содѣтель,
Коль хочешь ты моей руки достоинъ быть,
Дай только жизнь ему, все, все могу забыть!
Клянусь у ногъ твоихъ, о Царь немилосердый!...

Становится на колѣни.

РОССЛАВЪ.

Ты слово мнѣ дала, что духъ Росслава твердый
Который со твоимъ любовью сопряженъ,
Не будетъ никогда тобою униженъ.
Я чаялъ, за любовь лишь только сей награды;
Но ты меня и той лишаешь днесь отрады....
Воззри ты на меня, возстань и кончи стонъ.
Не жизни, чести намъ несносенъ лишь уронъ.

ЗАФИРА.

На жертву славы ты, моей потребуй крови,
Я всю ее пролью во знакъ моей любови;
Но видѣть смерть твою... оставь мнѣ то герой...
Въ Зафириной душѣ нѣтъ твердости такой.

ХРИСТІЕРНЪ.

Твои страданія, рыданье, слезы, стоны,
Къ спасенію его суть ващшія препоны.
Умретъ....

ЗАФИРА.

Постой тиранъ! пресыту я рыдать;
И сей утѣхи я не буду ужъ вкушать...
Что должно мнѣ еще, о Царь безчеловѣчный?
Скажи?.. суди меня, суди на муки вѣчны!
Коль хочешь, повели твоей супругой быть;
Исполню все, чтобы Росслава свободить.
Ты кровію моей алкаешь ли упиться?
Вотъ грудь и вотъ кинжалъ... все можетъ совершиться.
Въ минуту кровь, твоя отрада потечетъ.
Въ минуту ты меня увидишь мертву.

ХРИСТІЕРНЪ.

Нѣтъ.
Онъ долженъ умереть; онъ кровію заплатитъ,
За слезы, что о немъ при мнѣ Зафира трапитъ...
Къ воинамъ.
Отъ глазъ моихъ на смерть влеките вы его...
Воины Росслава отводятъ.

ЗАФИРА.

Постой... страшись тиранъ меня лишить всего!
Страшись отчаянья разшерзанной тобою!
Страшись узрѣть меня въ моей странѣ Княжною!
Иду, въ сей страшный часъ, народа предъ лицемъ,
Твои злодѣйствія закрытыя вѣнцемъ
Изчисля, и мои представя къ трону права,
Когда не возмогу освободить Росслава,
Разрушить сей престолъ тобой окровавленъ.
Чтобъ ты въ сей день его паденьемъ подавленъ,
Ужасной смертію лишенъ моей державы,
Низверженъ съ трона въ прахъ, безъ жизни и безъ славы,

Гнушеньемъ смертныхъ всѣхъ въ развалинахъ лежалъ;
Чтобъ всякъ тираннъ, зря смерть твою, вострепеталъ.

ХРИСТІЕРНЪ *къ воинамъ.*

Остановите здѣсь безумствомъ ослѣпленну.

ЗАФИРА *къ воинамъ удерживающимъ ее.*

Простриге на Княжну вы руку дерзновенну
И смертью, вами здѣсь рожденной обладать,
Стремитесь въ робости тиранну угождать.
О гнусные рабы счастливаго злодѣя!
Пронзите грудь мою, и крови не жалѣя
Властителей своихъ оставшейся во мнѣ
Вы ползайте предъ нимъ въ отеческой странѣ...
И такъ Росслава спасть стараньe все безплодно...,
Владѣй тираннъ, владѣй, коль небу то угодно,
Чтобы въ порфирѣ тигръ невинность пожиралъ
И честь и святость правъ ногами попиралъ;
Коль царствуетъ порокъ, а добродѣтель мертва;
Когда иль все тираннъ, иль все на свѣтѣ жертва;
Владѣй, блаженствуй, сей тебя достоинъ свѣтъ.
А я, которой здѣсь пристанища ужъ нѣтъ,
Гнушаясь скипетромъ тиранномъ осквернennымъ,
И свѣтомъ силѣ лишь одной порабощеннымъ,
Гдѣ счастіе даетъ злодѣйствію успѣхъ,
Гдѣ я въ Росславѣ всѣхъ лишаюся ушѣхъ,
Гдѣ небу жалобой скучаю я напрасной,
Я жизнь, отъ неба сей несчастнымъ даръ ужасной...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХРИСТІЕРНЪ, ЗАФИРА, АДЕЛЬ.

АДЕЛЬ *съ поспѣшностію входя.*

Все гибнетъ, Государь! весь городъ возмущенъ;
Освобожденъ Росславъ, Густавъ у градскихъ стѣнъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Что слышу!... но КедарЪ?

АДЕЛЬ.

Расперзанный на части
Упалъ сей твердый щитъ твоей монаршей власти.

ХРИСТІЕРНЪ.

Чіею дерзкою рукою?

АДЕЛЬ.

Весь народъ,
Повиновенія разторгнувши оплотъ,
Въ его крови омылъ убійственныя руки.
Уже Росславу въ казнь готовы были муки;
Въ унынiи Стокголмъ удара ожидалъ,
Который гордому Росславу угрожалъ.
Се Росскій вдругъ Посолъ летитъ на мѣсто лобно.
Кого, кричитъ, кого караете такъ злобно?
Героя, коимъ градъ недавно сей спасенъ,
Которымъ самъ КедарЪ къ побѣдѣ вознесенъ.
КедарЪ врагъ честности, его заемля славу,
Подъ лестнымъ дружествомъ готовилъ смерть Росславу.
Росславъ! Густаву другъ, а Христiерну врагъ.
Едва онъ рекъ сiе, вдали крутится прахъ;
Оружiй виденъ блескъ и слышны трубны звуки.
На небо Любомиръ тогда воздѣвши руки,
О! Готѳы, вопiетъ, приспѣлъ спасенья часъ;
Внемлите мужества тиранну грозный гласъ;
Густавъ у вашихъ вратъ, васъ въ помощь призываетъ.
Народъ волнуется и все опровергаетъ.
Неустрашимъ Росславъ, имѣя мечъ въ рукахъ,
И гордо грудь неся, сугубитъ бури страхъ.
Всѣ рапники твои отвсюда притѣсненны,
Едва противятся, силъ бодрости лишенны.
Предстань имъ Государь! ихъ взоромъ ободря,
Яви бунтующимъ ты грознаго Царя.

ХРИСТІЕРНЪ.

ію не возмогу въ сей часъ во гнѣвѣ яромъ,
городъ изпребить однимъ ударомъ.

ЗАФИРА.

аннъ! коль хочешь жить, раскайся наконецъ;
ди со трона здѣсь сложи не твой вѣнецъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

оль еще во мнѣ хоть капля крови будетъ,
олѣ Христіернъ, что Царь онъ, не забудетъ.
ъ мнѣ оставить тронъ предписано судьбой,
зерженный вѣнецъ падетъ съ моей главой.
ты не льстись моей напастью утѣшаться,
ною ты должна во гробѣ сочетаться.

ЗАФИРА.

ъ, коль живъ Росславъ, сладка мнѣ смерть моя.

ХРИСТІЕРНЪ.

ышу шумъ; умри!

Хочетъ заколоть Зафиру.

ЯВЛЕНІЕ V.

РИСТІЕРНЪ, ЗАФИРА, РОССЛАВЪ съ народомъ.

РОССЛАВЪ *стремительно вбѣгая вырываетъ мечъ изъ рукъ Христіерна.*

Прешла здѣсь власть твоя!
аннъ! ты въ градѣ семъ уже нестрашенъ болѣ;
павъ, отечества спаситель на престолѣ.

ЗАФИРА.

лавъ! спаситель мой!

ХРИСТІЕРНЪ.

Изторгнувъ скиптръ изъ рукъ,
Исторгни жизнь мою; скорѣй избавь отъ мукъ
Зрѣть повелителемъ въ той области Росслава,
Гдѣ Христіернова была громка держава.

РОССЛАВЪ.

Имѣя жизнь твою во власти я моей
И права мстить тебѣ лютѣйшій мой злодѣй,
Не мысли, чтобы я, забывъ къ себѣ почтенье,
Унизился плачить гоненьемъ за гоненье.
Тиранъ, утратившій корону со главы,
Узнай въ сей часъ во мнѣ, всѣ Россы каковы.
Доволенъ, что я здѣсь способствуя герою,
Спокойство моему отечеству устрою;
Что смертнаго на тронъ я сей странѣ дарю,
Съ душей и чувствами пристойными Царю.
Забвеньемъ бѣдъ моихъ злодѣю отомщаю;
Тирана презиралъ, а слабому прощаю.
Живи гонитель мой.

ХРИСТІЕРНЪ *приближался къ Росславу.*

Во мзду твоихъ щедротъ
Я съ дара твоего сберу достойный плодъ.
Чтобъ трона наградить хоть мало мнѣ утрату,
За жизни даръ моей, прими ты смерть въ отплату.

Вынувъ сокрытый кинжалъ бросается на Росслава; но народъ, становясь между имъ и Росславомъ, не допускаетъ.

О рокъ! послѣднихъ ты отрадъ меня лишилъ
И всю твою на мнѣ жестокость совершилъ.
Со страхомъ на мою судбину я взираю;
Лишенный скипетра безъ мести умираю.

Закалается, воины его поддерживаютъ.

Такъ есть на свѣтѣ власть превыше и Царей,
Отъ коей и въ вѣнцѣ не избѣжитъ злодѣй.

Христіерна *отводятъ.*

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, ЛЮБОМИРЪ.

ЛЮБОМИРЪ.

Спокойно все теперь; подъ властію Густава
Равно съ блаженствомъ здѣсь твоя простерта слава.
Тебя алкаютъ зрѣть вельможи, Царь, народъ.
Ступай въ сей часъ вкусить твоей заслуги плодъ;
Ступай достойное принять благодаренье;
Награды ждутъ тебя, торжественно почтенье.

РОССЛАВЪ.

Не требую я сихъ ничтожныхъ толь наградъ,
Въ даръ пышной гордости блистающихъ отрадъ.
Для добродѣтели одной я благъ содѣтель,
Меня и наградитъ едина добродѣтель.
И чѣмъ утѣшенну мнѣ можно больше быть
Могу еще, могу отечеству служить,
И сердце я мое Зафирѣ посвящаю.

ЗАФИРА.

Въ твоемъ я сердцѣ тронъ и жизнь пріобрѣтаю.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ

и

Первой части.

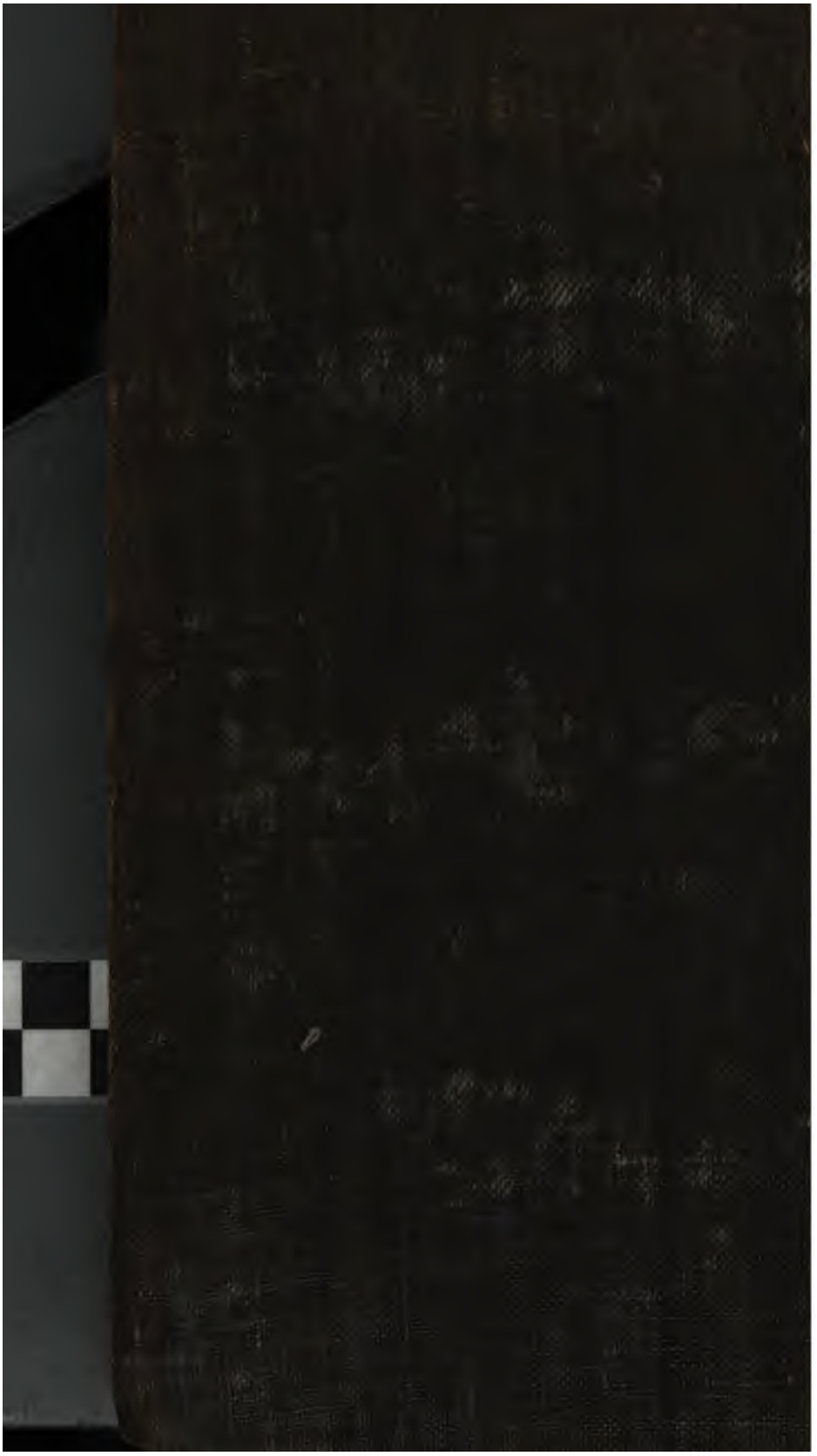
Stanford University Libraries
3 6105 124 446 811

PG
33
K5
18
v.

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUL 27 1975

JAN 3 - 1976

SPRING 1979